

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

ГОУ ВПО ЛНР «ЛУГАНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО»
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА УКРАИНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА

**СЛАВЯНСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ:
СЕМАНТИЧЕСКИЙ, АРЕАЛЬНЫЙ,
ИСТОРИЧЕСКИЙ
И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ**

МАТЕРИАЛЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО СЕМИНАРА
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ

Луганск
2018

УДК 811.16'373.7(06)
ББК 81.2 Сл
С 47

Рецензенты:

- Маслова В.А.** – профессор кафедры германской филологии УО «Витебского государственного университета имени П.М. Машерова», доктор филологических наук, профессор.
- Дьякова Т.А.** – доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин ГОУК «Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского», кандидат филологических наук.
- Якименко Л.Н.** – доцент кафедры начального образования ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко», кандидат филологических наук.

Славянская фразеология: семантический, ареальный, исторический и этнокультурный аспекты : материалы фразеологического семинара с международным участием (15 февраля 2018 г., г. Луганск) / под ред. Ж.В. Марфиной. – Луганск : Книта, 2018. – 208 с.

В состав сборника вошли материалы фразеологического семинара с международным участием «Славянская фразеология: семантический, ареальный, исторический и этнокультурный аспекты» (г. Луганск, 15 февраля 2018 г.). В издании представлены исследования, посвященные теоретическим и методологическим вопросам изучения фразеологии и паремиологии на современном этапе, особенностям языковой репрезентации концептов в различных национальных картинах мира, проблемам перевода фразеологических единиц, современной фразеологии.

Сборник адресован специалистам-филологам, учителям-словесникам, а также широкому кругу читателей, интересующихся проблемами языка и культуры.

*Рекомендовано к печати Научной комиссией
Луганского национального университета имени Тараса Шевченко
(протокол № 12 от 15 мая 2018 г.)*

УДК 811.16'373.7(06)
ББК 81.2 Сл

© Коллектив авторов
© ЛНУ имени Тараса Шевченко, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Благоева Д.Г. Детерминологизация как источник фразеологических инноваций в болгарском и польском языках	11
Василенко А.П. Цифра «7» в образном основании фразеологизмов	14
Дмитриева О.А. Отражение ценностной составляющей лингвокультурного типажа «священник» в паремиологическом фонде русского языка	18
Зайцева И.П. Функционирование фразеологизмов с компонентом <i>сердце</i> в современной лирике	21
Казачук И.Г. Изучение категории залога процессуальных фразеологизмов в разделе «Морфология»	25
Грибанова И.В. Межъязыковая омонимия как причина десакрализации эортонимических паремий	31
Игнатченко И.Р. Дискурсообразующая роль фразеологических единиц (на материале юмористического дискурса)	33
Марфіна Ж.В. Мікроконцепт «материнство» в українській паремійній картині світу	36
Перетяга О.С. Особливості використання фразеології з анімалістичним компонентом у сучасній літературній казці	40
Сердюкова Т.И. Вербалізація концепту <i>собака</i> в українських фразеологізмах	44
Скиба І.Г. Особливості фіксації паремій у словниках за редакцією Б. Грінченка та В. Даля	48
Соболева И.А. О механизмах использования крылатых выражений в современном медиатексте	52
Чубина Е.А. Древнейшие антропоморфические представления, запечатленные в образном основании фразеологических единиц ...	55
Шкуран О. В. Традиційна порівняльна фразеологія Середнього Подінців'я на позначення естетичного одягу	59
Колесникова А.Ю. Специфика эквивалентного перевода фразеологизмов	62
Приходько С.А. Потенциал паремии в полемическом дискурсе В.И. Ленина	66

Самошкина А.Ю., Трофимова Ю.А. Употребление фразеологизмов в речи молодежи	71
Серебряк М.В. Современные фразеологические новообразования	74
Араму В.Н. Фразеологические единицы в рассказе М. Шолохова «Судьба человека»	78
Белякова Ю.А. Библейские выражения в русской фразеологии	81
Бунга О.Н. Фразеология А.С. Грибоедова	85
Василенко Е.С. Современная фразеология: меметический аспект	88
Воронина С.А. Фразеологические средства выразительности русских и китайских народных сказок	92
Гуртовая Т.В. Современные языковые процессы в средствах массовой информации	96
Канунникова О.В. Фразеологизмы в комедии Н.В. Гоголя «Ревизор»	100
Корниевская Д.В. Особенности изучения фразеологии на уроках русского языка в 10 – 11 классах	104
Минка И.В. Фразеологизмы библейского происхождения в русском языке	109
Морєва О.А. Функційна специфіка вигуків фразеологізмів української мови	113
Мухина Е.В. «Мужская» фразеология в произведениях русских писателей	117
Неверт О.С. Поняття «щастя» в українській фразеології	121
Пакула О.В. Лингвокультурологический анализ образов-символов евангельских притч	124
Панарина И.В. Некоторые аспекты использования фразеологизмов в контексте лексических особенностей языка рекламных текстов	128
Бараннік Д.О. Сакральна фразеологія з компонентами-соматизмами	132
Брейво Н.Г. К вопросу о подборе фразеологических соответствий	135

Делеврамова И.С. Фразеологизмы в сказках М.Е. Салтыкова-Щедрина	139
Ігушкіна Н.О. Репрезентація мовного образу <i>батьківщини</i> в українських пареміях	142
Клименко Д.А. Использование фразеологизмов в современных психологических сказках	146
Кононченко Ю.О. Особливості вербалізації концепту «шахта» у складі фразеологічних одиниць Донбасу	149
Косова Ю.Д., Юрина Н.Г. Методические возможности паремий и афористических выражений на уроках русского языка как иностранного	153
Кузьменко Т.И. Вербализация микроконцепта «шахтерский труд» в паремийных контекстах	157
Мись Т.В. Орнітонім <i>курка</i> в паремійній картині світу східних слов'ян	160
Ніколаєнко С.П. Вербалізація концепту «праця» в українській фразеологічній картині світу	164
Рыжкина А.А. Вербализация концепта <i>мать</i> в украинских и китайских паремиях	168
Стельников О.С. Модификация устойчивых выражений в современных СМИ	172
Стефанішина Є.В. Символіка <i>краси</i> в українській фразеології	175
Фоцій Х.П. Уживання стійких висловів з інферальною семантикою як один із факторів десакралізації мови	179
Швец Е.Е. Репрезентация фразеологических единиц в процессе литературного перевода художественных текстов с русского языка на украинский (на примере цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя)	183
Ильченко А.А. Использование фразеологизмов в рекламе	187
Нарожная М.А. Авторские фразеологизмы в творчестве М.Ю. Лермонтова.....	190

Нестеренко К.С. Фразеологизмы в поэтическом языке С.А. Есенина	193
Соломка А.В. Фразеологизмы и поговорки как отражение представлений о семье	197
Сведения об авторах	201

ПРЕДИСЛОВИЕ

В основе сборника – материалы республиканского семинара с международным участием «Славянская фразеология: семантический, ареальный, исторический и этнокультурный аспекты», в котором представлены доклады участников-исследователей восточнославянских языков из разных стран мира.

Статьи освещают теоретико-лингвистические аспекты современной фразеологии, ее разновидности и способы репрезентации в различных дискурсах. В материалах семинара представлен полипарадигмальный подход к изучению фразеологии, фразеографии и смежных наук – когнитивной лингвистики, этнолингвистики, лингвокультурологии, социолингвистики, диалектологии и т.д. Это свидетельствует об актуальности издания сборника материалов семинара с целью популяризации интереса к фразеологии восточнославянских языков в спектре современности.

Тексты докладов ученых из Варшавы, Софии, Витебска, Москвы, Ростова, Волгограда, Севастополя, Брянска, Тамбова, Горловки, Луганска многоплановы – от библеизмов в контексте современных средств массовой информации до значимости диалектологических дискурсов.

Тема, которой посвящены публикации, современна и важна, поскольку отражает состояние полидисциплинарного научного дискурса. Авторы статей привлекают для исследования актуальный материал, реализуют различные методологические принципы анализа.

Тематическая шкала научных направлений разнообразна и свидетельствует о поливекторном научном интересе, который питает активность ученых в различных сферах гуманитарного знания. Авторы

активно привлекают и цитируют современные отечественные и зарубежные издания, формируя масштабную картину научного дискурса, посвященного проблемам классической фразеологии, этнофразеологии, фразеографии, диалектной фразеологии и т.д.

Материалы сборника можно рекомендовать не только исследователям и преподавателям, чьи научные интересы сформированы и охватывают новые объекты и предметы анализа, но также студентам, магистрантам, аспирантам, которые начинают свой путь в науке и нуждаются в расширении исследовательского кругозора, углублении спектра методологических принципов.

В сборнике представлены тезисные положения результатов проведенных авторами исследований, поэтому обзорная часть в материалах лаконична и ограничена рамками указанного жанра научной публикации. Материалы исследований теоретически фундированы, методологически обоснованы.

Это одно из современных изданий, в котором представлен калейдоскоп научно-исследовательской практики коллег из стран ближнего и дальнего зарубежья, поэтому считаем необходимым отметить готовность организаторов семинара к обсуждению широкого круга тем современной лингвистики и открытость к диалогу и научному сотрудничеству.

Луганская фразеологическая школа, основанная доктором филологических наук, профессором Виктором Дмитриевичем Ужченко, нацелена на продолжение исследовательского курса своего учителя и наставника, активное изучение фразеологии как в славянском континууме, так и в пределах диалектологического ареала Среднего Подонцовья.

ПЕРЕДМОВА

В основі збірника – матеріали республіканського семінару з міжнародною участю «Слов'янська фразеологія: семантичний, ареальний, історичний та етнокультурний аспекти», в якому репрезентовані доповіді понад ста учасників-дослідників східнослов'янських мов із різних країн світу.

Статті висвітлюють теоретико-лінгвістичні аспекти сучасної фразеології, її різновиди та способи вияву в різних дискурсах. У матеріалах семінару ілюстровано поліпарадигмальний підхід до вивчення фразеології, фразеографії та суміжних наук – когнітивної лінгвістики, етнолінгвістики, лінгвокультурології, соціолінгвістики, діалектології та ін. Це свідчить про актуальність видання збірника матеріалів семінару з метою популяризації інтересу до фразеології східнослов'янських мов у спектрі сьогодення.

Тексти доповідей учених із Варшави, Софії, Вітебська, Москви, Ростова, Волгограда, Севастополя, Брянська, Тамбова, Горлівки, Луганська багатопланові – від біблеїзмів у контексті сучасних засобів масової інформації до значущості діалектологічних дискурсів.

Тема, якій присвячено публікації, сучасна і надзвичайно важлива, оскільки відображає стан полідисциплінарного наукового дискурсу. Автори статей залучають для дослідження актуальний матеріал, реалізують різні методологічні принципи аналізу.

Тематична шкала наукових напрямків різноманітна і свідчить про полівекторний науковий інтерес, який живить активність учених у різних галузях гуманітарного знання. Автори активно залучають і цитують сучасні вітчизняні та зарубіжні видання, формуючи масштабну картину наукового дискурсу, присвяченого проблемам

класичної фразеології, етнофразеології, фразеографії, діалектної фразеографії та ін.

Матеріали збірника можна рекомендувати не тільки дослідникам і викладачам, чиї наукові інтереси сформувані й охоплюють нові об'єкти та предмети аналізу, але також студентам, магістрантам, аспірантам, які починають свій шлях у науці і потребують розширення дослідницьких об'єктів, поглиблення спектра методологічних принципів. У збірнику представлено тезові положення результатів проведених авторами досліджень, тому оглядова частина в матеріалах є лаконічною й обмежена рамками вказаного жанру наукової публікації. Матеріали досліджень теоретично фундаментальні, методологічно обґрунтовані.

Це одне із сучасних видань, у якому представлено калейдоскоп науково-дослідницької практики колег із країн ближнього та дальнього зарубіжжя, тому вважаємо за необхідне відзначити готовність організаторів семінару до обговорення широкого кола тем сучасної лінгвістики й відкритість до діалогу та наукового співробітництва.

Луганська фразеологічна школа, заснована доктором філологічних наук, професором Віктором Дмитровичем Ужченком, націлена продовжувати справу свого учителя та наставника, активно здійснювати фразеологічні дослідження як у слов'янському континуумі, так і в межах діалектологічного ареалу Середнього Подінців'я.

Благоева Диана Георгиева
Институт болгарского языка
Болгарской академии наук
d.blagoeva@ibl.bas.bg

ДЕТЕРМИНОЛОГИЗАЦИЯ КАК ИСТОЧНИК ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ В БОЛГАРСКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

Возникновение новых фразеологических единиц (ФЕ) в результате детерминологизации (о сущности детерминологизации см. [1]) является иллюстрацией взаимодействия и взаимовлияния терминологических подсистем и фразеологии. Этот процесс осуществляется двумя способами: фразеологизацией исходных терминологических сочетаний-прототипов и включением существующих терминов в состав новых ФЕ. Здесь рассмотрим только первый из указанных способов возникновения новых фразеологизмов в современном болгарском и польском языках.

К экстралингвистическим факторам, обуславливающим появление новых ФЕ на основе образного переосмысления терминологического сочетания-прототипа, относятся лингвистическая компетенция номинатора, необходимость вербализации нового концепта, необходимость экспрессивного переименования некоторого денотата, а к внутриязыковым – имплицитность терминологических единиц, их идиоматичность и способность к полисемии [2].

Как в болгарском, так и в польском языке наблюдаются случаи неофразеологизации, осуществляющейся путем метафорического переосмысления первоначального значения терминологического сочетания. В структурном отношении прототипом такого

рода ФЕ обычно являются терминологические сочетания, имеющие структуру беспредложной номинальной фразы.

В обоих рассматриваемых языках наиболее активным источником неофразеологизации является подсистема **спортивной терминологии и профессиональной лексики**: срв. например в болгарском языке *финална права* с новым метафорическим значением «конец события, явления», *жълт картон* «предупреждение, отправляемое кем-либо кому-либо», *летящ старт* «стремительное начало некоторой деятельности, работы», *къса скамейка* «недостаточное количество квалифицированных специалистов»; в польском – *worek treningowy* «о часто атакованной особе», *krótka ławka* «недостаточное количество квалифицированных специалистов». В меньшей степени активность как источник фразеологических инноваций проявляют также некоторые другие специальные области: **медицина** (*шоковая терапия* и *terapia szokowa* «радикальные меры, реформы, направленные на быстрый выход из кризисной ситуации, но вызывающие ряд трудностей»), **авиация** (в болгарском – *виси пилотаж*), **архитектура** (в болгарском – *топла връзка* «тесная связь между отдельными лицами (обычно в сфере политики)»), **гидрология** (в болгарском – *санитарен минимум* «критический порог стоимости или количества чего-нибудь, под которым невозможно проявление чего-либо или осуществление какой-либо деятельности»), **компьютерные технологии** (в болгарском – *бета версия* «копия, повторение какого-то оригинала»), **техника** (в польском – *pas transmisyjny* «о том, кто способствует распространению определенных тенденций, трендов»).

Нововозникшие ФЕ, являющиеся результатом образного переосмысления терминологического сочетания-прототипа, обычно однозначны. Только в

изолированных случаях наблюдается многозначность такого рода фразеологизмов, срв., например, в болгарском языке сочетание *висш пилотаж* с первичным терминологическим значением «выполнение сложных летательных фигур» и новыми вторичными фразеологическими значениями «высокий профессионализм» и «дипломатические умения, гибкость, проявляемые кем-то в конфликтной или критической ситуации».

Рассматриваемые новые ФЕ находятся на разных стадиях своего развития. В некоторых случаях процесс их закрепления в фразеологической системе языка значительно продвинул или уже завершен (срв. *санитарен минимум*, *шокова терапия* в болгарском языке, *terapia szokowa* в польском), другие менее стабилизированы (*бета версия*). Рассматриваемые фразеологизмы также отличаются неодинаковой степенью образности и выразительности.

Процесс фразеологизации многосоставных терминов проходит в несколько этапов: употребление терминологического сочетания в нетипичных контекстах, переосмысление сочетания и возникновение нового метафорического значения, закрепление нововозникшего фразеологического значения в языковой системе. Возможны также дальнейшие словообразовательные преобразования (появление производных, мотивированных соответствующей ФЕ) и стилистические изменения ФЕ [1; 2].

Можно заключить, что в обоих рассматриваемых языках детерминологизация является одним из активных (хотя и не первостепенных по важности) источников фразеологических инноваций.

ЛИТЕРАТУРА

1) Колковска С., Благоева Д. Детерминологизацията и нейната роля в неологизационните процеси в съвременния българския език (в съпоставка с полски) / С. Колковска, Д. Благоева // Българско-полски студии. – София: Авангард Прима, 2017. – С. 60–90.

2) Никулина Е.А. Взаимодействие и взаимовлияние терминологии и фразеологии современного английского языка / Е.А. Никулина. – М.: Прометей, 2004. – 228 с.

Василенко Анатолий Петрович
ФГБОУ ВО «Брянский государственный
университет имени академика И.Г. Петровского»
a.p.vasilenko@mail.ru

ЦИФРА «7» В ОБРАЗНОМ ОСНОВАНИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Если рассматривать символику числа 7 во фразеологии разных языков, то можно обнаружить такие смыслы, которые могут показаться достаточно отдаленными от привычного значения «завершенности» (например, русское *семь раз отмерь – один раз отрежь*). Среди таких отдаленных характеристик могут выступать, скажем, пространственные (*за семь верст киселя хлебать*) и интеллектуальные показатели (*семь пядей во лбу*).

Числа как символы – это не просто выражения количества, а идеи-силы, каждая со своим особым характером [5, с. 574, 578]. Величайшие математики и философы Древнего Вавилона, Древней Греции и, позже, Индии полагали, что числа могут демонстрировать принципы, на которых основано мироздание, а также законы времени и пространства [7, с. 215].

Важность числа *семь* прослеживается, начиная с первых попыток астрономических наблюдений, – древние могли видеть невооруженным глазом *семь* «блуждающих звезд» – Солнце, Луну, Марс, Меркурий, Юпитер, Венеру и Сатурн, которые во многих культурах послужили названиями для дней недели [7, с. 218]. У большинства народов, в том числе и у французов, англичан и русских, число «7» символизирует космический и духовный порядок и завершение природного цикла. Оно соответствует семи направлениям пространства, т.е. шести существующим измерениям плюс центр [2, с. 215]. Например, такое значение числа «7» объясняет его употребление в английском фразеологизме *seven-leagued boots* (букв.: семимильные ботинки) [3, с. 245] – сапог-скороходы, то есть *seven* в данном устойчивом выражении охватывает все направления движения в пространстве. Другими словами, обладатель сапог-скороходов властвует над пространством.

В Библии для сотворения мира понадобилось 7 дней, что непосредственно находит свое отражение во фразеологии многих языков. Так, во французском языке существует устойчивое выражение *La Terre était former par sept jours* (букв.: Земля была создана за семь дней) [4]. В английском же языке фразеологизм *seven-day wonder* (букв.: седьмого дня чудо) [3, с. 312] берет свои истоки из того же библейского положения.

К тому же в христианстве существует понятие о *семи* смертных грехах, и это не могло не отразиться в языке: у французов – *les sept péchés capitaux* (букв.: семь грехов главных) [4], у англичан – *the seven deadly sins* (букв.: семь смертельных грехов) [2, с. 283]. Следует отметить, что фразеологическая единица *one lie needs seven lies to wait upon it* (букв.: одна ложь нуждается в семи

лжах, чтобы подождать) [1, с. 343] – раз солгал, навек лгуном стал – восходит к этому же понятию.

Во всех трех рассматриваемых языках существует фразеологизм *семь чудес света* [8] (фр. *les sept merveilles du monde* [4], англ. *the seven wonders of the world* [6]). Данное явление связано с тем, что в античности числу «7» придавали особое значение. Греки считали, что оно означает счастье. С этим и связано фиксированное число чудес света.

Не менее распространенным устойчивым выражением в русском языке является фразеологическая единица *быть на седьмом небе от счастья* [8]. Его аналоги наблюдаются и в английском *be in seventh heaven* [1], и во французском *être au septième ciel* [*être à la hauteur du septième ciel*] [4].

Английское выражение *cousin seven times removed* (букв.: кузен 7 раз отдаленный) [6, с. 541] может соответствовать русскому *седьмая вода на киселе* [8], когда речь идет о дальнем родственнике. Вероятнее всего, в данных фразеологических единицах русского и английского языков число *семь*, как уже говорилось выше, означает завершенный цикл [2, с. 282]. Можно предположить, что в данном случае, число «7» – это «нечто максимально возможное».

Нельзя не обратить внимание на то, что число «7» во многих культурах связывалось с интеллектуальным могуществом [7, с. 223]. Английская культура – не исключение. Так, в английской фразеологии существует выражение *a fool may ask more questions in an hour than a wise man can answer in seven years* (букв.: дурак может задать больше вопросов за час, чем умный человек может ответить за семь лет) [3, с. 312].

Подтверждением тому, что число *семь* символизирует мудрость, является еще один английский

фразеологизм *keep a thing seven years and you will find a use for it* (букв.: храни вещь 7 лет, и ты найдешь ей применение) [1, с. 343]. В русском языке небезызвестное устойчивое выражение *семь пядей во лбу* [8] используют, говоря об очень умном человеке. То есть из выше сказанного, можно сделать вывод, что число «7» может еще и выступать как символ интеллектуальности.

Таким образом, нумеративный компонент «7» в составе устойчивых оборотов русского, английского и французского языков обладает символическим содержанием, передавая пространственные и интеллектуальные характеристики, а также завершенность и порядок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Cambridge international dictionary of idiom. – Cambridge University Press, 1998. – 543 p.
2. Cirlot J. E. A dictionary of symbols, Routledge & Kegan Paul Ltd / J.E. Cirlot. – London, 2nd edition, 1971. – 483 p.
3. Oxford dictionary of English idioms. – Oxford University Press, 3rd edition, 2009. – 560 p.
4. Английские и французские онлайн-материалы. Le sens sémiotique de certains chiffres [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://akyla.net/skorohovorky-y-poslovytsy/26-skorohovorky-y-poslovytsy/177>.
5. Керлот Х.Э. Словарь символов / Х.Э. Керлот. – М.: REFL-book, 1994. – 620 с.
6. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь / А.В. Кунин. – М.: Русский язык, 1984. – 770 с.
7. Трессидер Д. Словарь символов / Д. Трессидер. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. – 448 с.

8. Фразеологизмы с числительным 7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://burido.ru/razvitie-i-obuchenie/383-frazeologizmy-s-chislitelnym-7>.

Дмитриева Ольга Александровна
ФБГОУ ВО «Волгоградский государственный
социально-педагогический университет»
dmoa@mail.ru

**ОТРАЖЕНИЕ ЦЕННОСТНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ
ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «СВЯЩЕННИК»
В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ ФОНДЕ
РУССКОГО ЯЗЫКА**

Для современного языкознания характерно изучение языка посредством акцентирования внимания на проявление человека в языке, что обусловило развитие такого направления как лингвоперсонология, одним из актуальных разделов которой выступает теория лингвокультурных типажей, предложенная Волгоградской лингвистической школой.

Лингвокультурный типаж – это типизируемая личность, представитель определенной этносоциальной группы, узнаваемый по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации [1]. В настоящее время теория лингвокультурных типажей активно развивается, о чем свидетельствует нарастающее количество публикаций, содержащих модели лингвокультурных типажей на материале различных языков: «*китайский врачеватель*», «*юродивый*», «*русский чиновник*», «*английский слуга*», «*английский колониальный служащий*», «*французский буржуа*», «*английский сноб*», «*британская королева*»,

«звезда Голливуда», «калмыцкий аристократ», «хакер» и т.д. Перед лингвистами, изучающими типажи, встают многочисленные вопросы, обусловленные тем, что языковая личность уникальна по сути и не повторима, соответственно, несмотря на успешно апробированную модель описания типажа, следует заметить, что логично ее дополнять, исходя из специфики прототипа и его культурной значимости для общества [2, с. 24].

В рамках данных тезисов предлагается рассмотреть ценностную составляющую лингвокультурного типажа «священник» в рамках оценочной рефлексии, отраженной в поговорках.

Априори для русского человека традиционной верой выступает Православие на протяжении нескольких столетий со времен Крещения Руси. Взаимоотношение с Церковью как транслятором Православной веры осуществляется посредством коммуникации со священником. Поскольку вера в Бога выступает как суперморальная ценность, священник так или иначе воспринимается в коммуникативно-массовом сознании как модельная личность – вид лингвокультурного типажа, ориентированного сугубо на суперморальные ценности. Однако, будучи агентом (термин, предложенный В.И. Карасиком), выходя из рамок религиозного дискурса, где все поведение определяется жесткими институциональными предписаниями, в бытовом общении священник представляет собой обычного человека, допускающего поступки, осуждаемые в социуме. Вся эта гамма взаимоотношений между клиентами (прихожанами) и агентом религиозного дискурса отрефлексирована в поговорках.

В русской культуре, как ни в одной другой, рельефно выступает возвеличивание божественного начала и в то же время не просто принижение, а некое

уничижительное отношение к касте священнослужителей. Перечислим качества, негативно оцениваемые носителями русской лингвокультуры:

Стремление к наживе – *«Богу слава, а попу кусок сала», «Монастырщина, что барщина», «Монаху и попу портной одной меры карманы шьет», «Поп да дьяк в руку глядят», «Поп мошной тряхнет, с любого подати возьмет», «Попа одним обедом не накормишь».*

Пристрастие к разгульной жизни – *«Монах не кот, молока не пьет, а вина только подавай».*

Вседозволенность – *«Буди так, коли пометил дьяк».*

Хитрость – *«Монах перед Богом умен, а перед миром хитер».*

Жадность – *«Монах и куры никогда не бывают сыты», «Не бывает у попа сдачи, а у портного отдачи», «Поп любит блин, да чтоб не один», «Поп с живого и мертвого дерет», «Поп по карману молебен служит», «Попу да вору отведи хоть золотую гору – все мало», «Попу, что сноп, что стог – все мало», «Утиного зоба не накормишь, подъячего кармана не наполнишь».*

Такое уничижительное отношение и высмеивание служителей культа типично для русской культуры. Частотность употребления лексической единицы «поп» как определение некоего сана, социального положения в обществе (отсутствующая в официальном списке распределения кастовых ролей служителей церкви, но наличествующая в языке) характеризует отрицательную оценочную коннотацию: «жил-был поп, толоконный лоб» [3, с. 124].

Таким образом, мы видим, что использование в качестве практического материала пословиц и поговорок значительно обогащает и детализирует ценностную составляющую лингвокультурного типажа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дмитриева О.А. Лингвокультурные типы России и Франции XIX века / О.А. Дмитриева. – Волгоград, 2007. – 306 с.
2. Дмитриева О.А. Роль антиномий в системе типажеобразующих факторов / О.А. Дмитриева // Лингвистика и лингводидактика: вопросы теории и практики (апробация результатов исследований ученых волгоградских вузов). Материалы региональной межвузовской научной конференции. – Волгоград: Изд-во: РАНХиГС, 2017. – С. 24–25.
3. Мишутинская Е.А. Образ «Религиозного деятеля» в пословицах (на материале русских и английских пословиц) / Е.А. Мишутинская // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2014. – Т. 20. – С. 121–125.

Зайцева Ирина Павловна

УО «Витебский государственный университет
имени П. М. Машерова»

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ *СЕРДЦЕ* В СОВРЕМЕННОЙ ЛИРИКЕ

Особая роль в отражении «взаимоотношений» языка с культурой, характера и национальной специфики их взаимодействия принадлежит в любом языке фразеологическому фонду, так как в образном содержании фразеологических единиц (далее – ФЕ) воплощено культурно-национальное мировоззрение [2], чем, среди прочего, объясняется и бурное развитие в современной фразеологии лингвокультурологического направления.

Корпус ФЕ русского языка с компонентом *сердце* представляет собой необыкновенно ценный материал для выявления лингвокультурных характеристик как собственно этого понятия (*сердце*), так и национального своеобразия картины мира носителей русского языка; это учтено практически всеми существующими *толковыми* (ни в одном из них описание значений лексемы *сердце* не обходится без привлечения фонда ФЕ), и, конечно же, специальными *фразеологическими* словарями.

По нашим наблюдениям, наиболее значительный корпус ФЕ русского языка с компонентом *сердце* представлен во «Фразеологическом словаре литературного русского языка» А. И. Фёдорова – третье, исправленное, издание которого вышло в 2008 году [4]; в этом лексикографическом источнике таким ФЕ посвящено 148 словарных статей (отметим, что одна словарная статья содержит описание либо одной ФЕ, либо – в случае их наличия – всех имеющихся семантических и/или грамматических её вариантов).

Писатели, и в особенности поэты, на протяжении нескольких веков образно осмысливают как собственно лексему *сердце*, так и многочисленные ФЕ с компонентом *сердце*; в подобных случаях, как свидетельствует проанализированный материал – лирические произведения современных авторов, наиболее распространённым приёмом образного осмысления является авторская трансформация ФЕ в условиях лирической структуры. Наши наблюдения позволяют утверждать, что к современным авторам, *активно и творчески* использующим потенциал интересующей нас группы ФЕ, несомненно, принадлежит Юнна Мориц.

Так, к примеру, в лирике этой поэтессы неоднократно используется довольно частотный фразеологизм *сердце сжимается* (вариант: *сердце*

сжалось). В языке эта ФЕ имеет следующее значение: **«СЕРДЦЕ СЖИМАЕТСЯ. СЕРДЦЕ СЖАЛОСЬ**. Разг. Экспрес. У кого-либо становится очень тяжело, горько, грустно на душе. *Расставаясь с Верочкой, он вдруг почувствовал, что сердце его сжалось и облилось кровью: жаль ему стало тихой и доброй своей жены* (Тургенев. Два приятеля). *За время, равное обращению Юпитера вокруг Солнца, мы пережили так много, что от одного воспоминания об этом сжимается сердце* (Паустовский. Повесть о жизни) ... » [4, с. 612].

В стихотворениях же Ю. Мориц эта ФЕ встречается в следующих контекстах [все произведения Ю. Мориц цитируются по источнику: 1]:

- 1) Зыбью и рябью принежив дыханную суть,
В путь прихватив её образ, а также идею,
Всю эту живность они в своих ритмах пасут,
Не подражая природе, а будучи ею.
Чуткие знают **об этой особой среде,**
Сердце сжимающей, бьющей на совесть всё хлеще.
Не говорите, что это никто и нигде!
Странные вещи случаются, странные вещи
(«*Душа отражений*»);
- 2) За невлюблёнными людьми
Любовь идёт, как привиденье.
И перед призраком любви
Попытка бить на снисхожденье –
Какое заблужденье!
Любви прозрачная рука
Однажды так сжимает сердце,
Что розовеют облака
И слышно пенье в каждой дверце
(«*За невлюблёнными людьми...*»);

3) Упорхнуло дымное колечко,
Из груди колечко дымовое,
**И оно сжималось, как сердечко –
Дымчатое, нежное, живое**

(«Колечко») (во всех случаях выделено мною. – И. З.).

Во всех приведённых контекстах ФЕ не только сохраняет в целом своё значение и присущую ему как единице языка стилистическую и эмоциональную окраску, но – в результате авторской трансформации (замена одного из компонентов ФЕ; намеренная корректировка его структуры; введение в развёрнутые, синкретичного характера, тропы) – существенно расширяет свой смысловой, прежде всего ассоциативный, план. Это позволяет поэту-лирику создать не только оригинальный, но и, безусловно, с повышенной экспрессивностью образ, обладающий и выраженной эстетической значимостью.

Особо показательным видится образ, функционирующий в стихотворении «Душа отражений» (пример 1), где ФЕ, несколько изменённая автором в грамматическом плане (замена личной формы глагола причастием), введена в синкретичный троп – метафору, «осложнённую» метафорическим же развёрнутым эпитетом («*среде, ... бьющей на совесть всё хлеще*»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Мориц Ю. Стихи / Ю. Мориц [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://stihi-russkih-roetov.ru/authors/yunna-moric>.
2. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
3. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13 000

фразеологических единиц / А.И. Фёдоров. – 3-е, изд.,
испр. – М.: Астрель, АСТ, 2008. – 878 с.

Казачук Ирина Георгиевна
ФБГОУ ВО «Южно-уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет»
avis1389@mail.ru

**ИЗУЧЕНИЕ КАТЕГОРИИ ЗАЛОГА
ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
В РАЗДЕЛЕ «МОРФОЛОГИЯ»**

Традиционно фразеологизмы русского языка изучались и изучаются в разделе «Лексика. Фразеология» с точки зрения их семантических особенностей, типов единиц, происхождения, стилевой принадлежности и т.д. Грамматические свойства фразеологических единиц долгое время не были предметом специального исследования, хотя функционируют, как и лексемы, согласно законам национальной грамматики. Проф. А.М. Чепасовой высказана мысль о создании лексико-фразеологической грамматики [1], в которой было бы учтено морфологическое и синтаксическое поведение фразеологических единиц, соотносимых с классами слов, называемых частями речи. Так, например, класс единиц с категориальным значением процесса вместе с глаголами образуют процессуальные фразеологизмы. Последние характеризуются теми же, что и у глаголов, морфологическими категориями, системой грамматических форм, синтаксическими свойствами и функциями, однако обладают спецификой, «проявляют такие качества, какие нельзя у них обнаружить, анализируя лексический материал» [2, с. 63].

В русской морфологии одной из сложнейших категорий глагола является залог. Об этом свидетельствует наличие разных теорий залога, выделяющих разное количество залоговых форм: от двух до шести. Мы в своей практике работы со студентами основываемся на считающейся традиционной трехформенной концепции залога, изложенной в «Грамматике русского языка» (1952-60 гг.), и сравнительно молодой концепции залога проф. А.М. Чепасовой [3], предполагающей выделение пяти залоговых форм.

В соответствии с первой названной теорией залогом обладают только переходные единицы. Традиционное понимание переходности как способности единицы сочетаться с винительным падежом без предлога (далее Вбп) применимо и к процессуальным фразеологизмам. По нашим данным, около 32% процессуальных фразеологизмов управляют данной падежной формой, следовательно, обладают действительным залогом: *брать/взять на карандаш что-либо, вводить/ввести в заблуждение кого-либо, выводить/вывести на чистую воду кого-либо, класть/положить на обе лопатки кто-либо, связывать/связать по рукам и ногам кого-либо, стирать/стереть с лица земли кого,-что-либо* и др.

Форма возвратно-среднего залога образуется за счет аффикса -ся, присоединяемого к глагольному компоненту фразеологизма: *берется на карандаш что-либо, вводится в заблуждение кто-либо, выводится на чистую воду кто-либо, кладется на обе лопатки кто-либо, связывается по рукам и ногам, стирается с лица земли кто,-что-либо* и др.: ***На карту ставится*** наша репутация не только здесь, за границей, но и дома, потому что и там не простят неуспеха (А. Таланов. К.С. Станиславский). Употребление творительного падежа с семантикой действующего лица с фразеологизмами, имеющими в

качестве компонента возвратный глагол или краткое страдательное причастие, свидетельствует о наличии страдательного залога у названных единиц: *К сожалению, негативный пример берется на вооружение младшими командирами* («Известия» от 03.03.03 г.). Таким образом, процессуальные фразеологизмы способны иметь все три залоговые формы.

Так же, как и глаголы, процессуальные фразеологизмы могут стоять вне залога: *висеть на волоске, лезть на стену, почивать на лаврах, браться за ум, беситься с жиру* и под.

Особого внимания заслуживают процессуальные фразеологизмы, имеющие модель «глагол + сущ. Вбп», которые не способны употребляться с этой падежной формой, так как она реализована внутри фразеологической единицы, поэтому должны считаться непереходным, следовательно беззалоговыми: *втирать очки кому-либо, знать цену кому,-чему-либо, надевать/надеть хомут на кого-либо, одерживать/одержать победу над кем-либо* и др. Несмотря на то что подобные единицы не способны употребляться с формальным показателем переходности, с семантической точки зрения они являются переходными, так как обозначают действие, прямо переходящее на предмет или лицо, и синонимизируются с переходными глаголами: *втирать очки кому-либо* – «обманывать кого-либо», *знать цену кому,-чему-либо* – «правильно оценивать кого-, что-либо», *надевать/надеть хомут на кого-либо* – «подчинять/подчинить себе кого-либо, закабалить кого-либо», *одерживать/одержать победу над кем-либо* – «побеждать/победить кого-либо». Во фразеологическом материале мы находим подтверждение позиции отечественных и зарубежных лингвистов, заключающейся в том, что «морфологический показатель падежа не играет той роли, которая отводится ему в грамматиках при

определении переходности/непереходности глаголов» [4, с. 20]. Ряд процессуальных фразеологизмов модели «глагол + сущ. Вбп», в соответствии с трехформенной концепцией залога, может иметь две формы залога (возвратно-среднего и страдательного): *одерживать/одержать победу над кем-либо* – победа одерживается, победа одержана над кем-либо кем-либо, *надевать/надеть хомут на кого-либо* – надевается хомут, хомут надет на кого-либо кем-либо, *задавать/задать тон чему-либо* – тон задается, тон задан чему-либо кем-либо, *подводить/подвести итоги чему-либо* – итоги подводятся чему-либо, итоги чему-либо подведены кем-либо и др. Процессуальные фразеологизмы модели «глагол + сущ. Вбп» в возвратной и страдательной формах претерпевают структурные изменения: модель словосочетания преобразуется в модель двусоставного предложения, внутри этой модели Вбп меняется на именительный падеж (*бросать/бросить вызов кому-либо* – вызов бросается, вызов брошен кому-либо; *объявлять/объявить бойкот кому-либо* – бойкот объявляется, бойкот объявлен кому-либо; *воздавать/воздать хвалу кому-либо* – хвала воздается, хвала воздана кому-либо), тогда как у фразеологизмов, не имеющих в своем составе форм Вбп, эта падежная форма преобразуется в именительный падеж вне фразеологической модели, при этом последняя сохраняет исходную форму, а именно форму словосочетания (*брать/взять под крыло кого-либо* – кто-либо берется под крыло, кто-либо взят под крыло; *ставить/поставить на колени кого-либо* – кто-либо ставится на колени, кто-либо поставлен на колени).

Некоторые фразеологизмы не могут иметь названных форм в силу грамматических особенностей глагольного компонента (*знать цену кому,-чему-либо*), либо они гипотетически возможны, но представляются

искусственными и потому не реализуются в речи (*морочить голову кому-либо, мозолить глаза кому-либо*).

Таким образом, трехформенная концепция не может быть непротиворечиво экстраполирована на фразеологический материал.

Пятиформенная концепция залога проф. А.М. Чепасовой основана на учении о субъектных и объектных процессуальных единицах – глаголах и фразеологизмах. Переходность есть лишь часть объектности, так как объектные процессуальные единицы семантически несамодостаточны, нуждаются в объекте, который может принимать форму любого косвенного падежа, не только винительного, с предлогом и без предлога. Некоторые лингвисты вкладывают в понятие переходности отличное от традиционного содержание, более широкое: «переходными признаются глаголы, требующие не только прямого, но и косвенного дополнения, а область непереходности ограничивается глаголами, не требующими дополнения» [5, с. 115]. При таком понимании переходность равна объектности. По пятиформенной концепции проф. А.М. Чепасовой, залогом обладают объектные процессуальные единицы, обозначающие направленное на предмет или лицо действие и требующие для реализации своего значения зависимого имени в форме любого косвенного падежа с объектным значением: *носить на руках кого-либо, сдувать пылинки с кого-либо, возлагать надежды на кого-либо, души не чаять в ком-либо, мозолить глаза кому-либо, ставить/поставить знак равенства между кем-либо* и др.

Изучение системы залоговых форм процессуальных фразеологизмов, в сравнении с аналогичной системой глаголов, позволяет определить общее и специфическое в функционировании данной категории, углубить знания о грамматических свойствах фразеологизмов, по-новому

взглянуть на многие традиционные понятия, экстраполировать грамматические законы на все номинативные единицы языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чепасова А.М. Создание единой лексико-фразеологической грамматики русского языка / А.М. Чепасова // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. – Челябинск, 1996. – С. 128–129.
2. Челябинская фразеологическая школа: Научно-исторический очерк. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2002. – 304 с.
3. Чепасова А.М. Категории залога и возвратности русских процессуальных единиц: монография / А.М. Чепасова. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2006. – 148 с.
4. Мухин А.М. Системные отношения переходных глагольных лексем (на материале английского и русского языков) / А.М. Мухин. – Л.: Наука : Ленингр. отд-ние, 1987. – 292 с.
5. Бондарко А.В. Переходность/непереходность глагола в системе субъектно-предикатно-объектных отношений / А.В. Бондарко // Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность. – СПб.: Наука, 1992. – С. 114–125.

Грибанова Ирина Владимировна
Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в Севастополе
irina_v_gribanova@mail.ru

**МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ОМОНИМИЯ
КАК ПРИЧИНА ДЕСАКРАЛИЗАЦИИ
ЭОРТОНИМИЧЕСКИХ ПАРЕМИЙ**

Паремиология как особая отрасль филологической науки, близкая к фразеологии, исследует пословицы, поговорки, изречения, загадки, народные приметы. В последние десятилетия фольклорные паремии (прежде всего пословицы) активно изучаются лингвистами с самых различных позиций. Объектом нашего внимания явились погодные приметы, в состав которых входят эортонимы (названия церковных праздников) [1]. Как отмечает Н.Н. Фаттахова, «неизученность народных примет и в то же время необходимость изучения, которая стимулируется не только филологической, но и общекультурной значимостью, делают данную проблему весьма актуальной» [2, с. 21]. Как правило, эортонимическая многочисленная номинация в народной примете предельно упрощается, сводится к агноантропониму (имени святого), поскольку наблюдается метонимический перенос. Так, например, эортоним «День памяти семи мучеников Маккавеев Авима, Антонина, Гурия, Елеазара, Евсевона, Алима, Маркелла, матери их Соломонии и учителя Елеазара» в народном месяцеслове превращается в «Маккавеев» или «Маккавея» (вариант «Маковей»), закрепляясь в приметах: *На Макковей мак пора собирать; Дождь на Маковей – пожар не разговееет; во что Маковей, в то и разговеемся.* Такие паремии обнаруживают феномен ложной этимологизации имени святого (святых), являющийся результатом межъязыковой

омонимии (частичной или полной). В переводе с арамейского языка слово «маккаба» обозначает «молот на врагов»: так именовались борцы за ветхозаветную веру. Такое ассоциативное сближение слов «Маккавей» и «мак» подобно целому ряду примеров аналогичной межъязыковой омонимии. Так, имя Святого Лупа Солунского сближается с глаголом «лупить» (*На Святого Лупа овес морозом лупит; На Лупа льны лупит*). Святой мученик Луп (Лупп) из Фессалоник известен чудесами, сотворенными им после мученической кончины св. Дмитрия Солунского. Сам Луп был подвергнут казни через усекновение мечом. Этимологически же имя Луп (или Лупп) происходит от лат. *lupus* – волк. День почитания преподобного Феодора Студита связывается в народе с наступающими морозами: *Федор Студит землю студит*, – что никак не соответствует изначальному зортониму, поскольку св. Феодор назван Студитом по названию монастыря, настоятелем которого он был (греч. Μονή Στουδίου). Имя Макрина (чаще Макрида) закрепилось в примете: *Макрида – дождь на шесть недель*. В сокращенном варианте зортонимической паремии очевидна ассоциация с сыростью, дождем, чем-то мокрым. Преподобная Макрина (чье имя происходит от др. греч. имени Μακρίνα от μακρός – «длинный, большой») была сестрой святителей Василия Великого и Григория Нисского, прославилась даром чудотворения.

Эортонимические паремии, являвшиеся результатом народного переосмысления агеоантропонима на основании ассоциаций с имевшимся в русском языке лексическим материалом, отражали «наивную картину мира», что, в свою очередь, способствовало десакрализации памятных событий христианской истории, связанных с подвигами святых.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ермолов А. Русский народ. Календарь народных примет. Полная иллюстрированная энциклопедия / А. Ермолов. – М., 2005.
2. Фаттахова Н.Н. Народные приметы: принципы классификации, структурирования и функционирования / Н.Н. Фаттахова. – Казань, 2009.

Игнатченко Ирина Родионовна
ФГБОУ ВО «Государственный институт
русского языка им. А.С. Пушкина»
reztsova.ir@yandex.ru

ДИСКУРСООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (НА МАТЕРИАЛЕ ЮМОРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)

Дискурсообразующая роль фразеологических единиц в юмористическом дискурсе зависит от позиции, которую занимает фразеологема в тексте. По степени участия в создании дискурса можно выделить две основные позиции: дискурсообразующая (ключевая) и факультативная позиции, которые можно рассмотреть на примере малой формы юмористического дискурса – анекдота. Факультативная позиция фразеологемы в анекдоте не связана с дискурсообразующей функцией и влияет на создание комического (юмористического) эффекта опосредованно: *В первую треть жизни женщина портит нервы своему отцу, во вторую – мужу, в третью – зятю. Значит, самая безобидная со всех точек зрения женщина – это бездетная незамужняя сирота (1).* Фразеологема «портить нервы» может быть заменена

любой другой с таким же значением: «не давать житья», «выматывать душу», «портить кровь» и т.п. Эта замена никак не повлияет на лингвокультурную составляющую анекдота и не разрушит комический эффект дискурса.

Дискурсообразующая (ключевая) позиция фразеологемы – это позиция пуанты, которая в анекдотическом тексте, как правило, занимает финальную позицию и содержит в себе комическую развязку. Пуанта-фразеологема может быть представлена в: 1) нарративном режиме (в этом случае весь текст может быть равен пуанте (2) или кроме пуанты содержать также экспозицию (3)); 2) коммуникативном (диалоговом) режиме, где пуанта является одним из структурных элементов среди других (4): *Плохому танцору даже омлет не в кайф* (2). *Робинзон поймал Золотую рыбку. Теперь у него семь Пятниц на неделе* (3). – *Доктор! Мне так неудобно было вызывать вас в такой ливень!* – *Да ну! У меня в соседнем доме еще один больной, так что я сразу убью двух зайцев* (4).

Фразеологема с дискурсообразующей функцией может занимать не только позицию пуанты, но и любые другие позиции, контекстуально связанные с пуантой как в нарративном (5), так и в диалоговом режиме (6): *Постричь всех под одну гребенку невозможно, ведь есть и лысые* (5). *Две подружки: А мой брат женится. – Ну и какая она, красивая?* – *Нет, уродина, но он с нее пылинки сдувает – Ужас, она еще и пыльная!* (6).

Пуанта и фразеологема связаны контекстуально повтором элементов в пределах одного фрейма (5) (*постричь, гребенка* во фразеологеме и *лысый* в пуанте) и (6) (*пылинка* во фразеологеме и *пыльная* в пуанте). Фразеологему с дискурсообразующей функцией нельзя заменить синонимичной, это приведет к разрушению дискурса. Такой тип дискурса является безэквивалентным, создающим трудности при переводе.

Дискурсообразующая роль фразеологем в юмористическом дискурсе связана не только с их позицией в тексте, но и с интерпретационными возможностями самих фразеологем. В основе создания комического эффекта, в том числе с помощью фразеологем, лежат два хорошо описанных в литературе способа – эффект «обманутого ожидания» и эффект «комического шока» [1, с. 21]. Несмотря на то, что сами механизмы включения фразеологем при реализации этих двух универсальных способов очень разнообразны, составляют огромное количество комбинаций, что является, собственно, условием для создания дискурса, предполагающего неожиданность, непредсказуемость развязки, подобные дискурсивные средства могут быть типологизированы. Прежде всего, дискурсообразующая функция фразеологем возможна: 1) без их трансформации (примеры 3, 4, 5, 6) и 2) с трансформацией (пример 2). В случаях без трансформации дискурсообразующий потенциал фразеологем основывается на возможности двоякого истолкования совпадающих в написании и звучании сочетаний – как свободных и как несвободных (фразеологизированных). Переход от одного смыслового плана к другому возможен в двух направлениях: 1) от свободного значения к несвободному (пример 3) и, наоборот, 2) от несвободного к свободному (пример 4, 5, 6).

Трансформации фразеологем могут быть очень разнообразными, чаще всего парафразическими, и требуют от интерпретатора дискурса большей искусности и мастерства во владении дискурсивными средствами, чем в случаях без трансформации. По этой причине, видимо, первый тип дискурса (без трансформации) встречается чаще, чем второй. К дискурсивным парафразическим изменениям фразеологем можно отнести: 1) включение

отдельных компонентов фразеологемы в другой контекст (7): *Жених звонит в двери своей невесты. Открывает младший брат. Увидев жениха, зовет сестру: «Маша! Твоя синица в руках пришла»* (7); 2) замена одного компонента фразеологемы другим (8): *Рука ногу моет*; 3) контаминация разных фразеологем (9): *Лучше один раз увидеть, чем с дураком найти* (9); 4) контаминация фразеологемы и не-фразеологемы (10): *Не рой яму другому – а вдруг он не придет* (10) и др. Изучение «пусковых» механизмов переключения смысловых планов и их особенностей в разных типах юмористического дискурса представляет исследовательский интерес.

ЛИТЕРАТУРА

1. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры / В.З. Санников. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 552 с.

Марфіна Жанна Вікторівна
ДОЗ ВПО ЛНР «Луганський національний
університет імені Тараса Шевченка»
lib_lnpu@ukr.net

МІКРОКОНЦЕПТ «МАТЕРИНСТВО» В УКРАЇНСЬКІЙ ПАРЕМІЙНІЙ КАРТИНІ СВІТУ

Останні десятиліття в лінгвістиці позначені зростанням інтересу до особливостей національних мовних картин світу. У зв'язку із цим паремії стають об'єктом лінгвістичних досліджень, оскільки вони є не лише результатом «акумулювання та систематизації соціокультурного досвіду, але й соціальної адаптації найрізноманітніших виявів конвенційних норм

культурного регулювання, що виявляються на ментальному рівні» [1, с. 34].

Одним із ключових макроконцептів української паремійної картини світу є макроконцепт «родина», складовими якого є відповідні мікроконцепти, як-от: «батьки», «діти», «син», «дочка» тощо. Одним зі стрижневих компонентів цього складного, багаторівневого макроконцепта є «материнство».

Семантичний компонент «материнство» розгортається у низці субкомпонентів. Прислів'я, що відбивають ідеалізовані стосунки **матір – дитина (діти, дитя)**, включають характерні епітети (**найкраща, мила мати / дитя**), а також інші засоби оцінки: *Всяке дитя матері миле; Яка б дитина не була, а для матері вона найкраща; Матері своїх дітей жаль, хоч найменшого, хоч найбільшого; Дитина хоч кривенька, та батькові-матері миленька; Людям, як болото, а матері, як золото.*

Соціокультурний компонент семантики цих паремій пов'язаний з акціональними й оцінними значеннями:

а) «зовнішня й внутрішня психологічна подібність з матір'ю». Причому, в одних паремійних текстах простежується концептуальний зв'язок {[яка/ **мати**] → /однакові → *таке, такі*/ [**діти**]}: *Який талан матці, такий і дитяці; Яка мати, такі й дітки; Яка матка, таке й дитячко; Яка мама, така й сама [така й ляля (лялька) / така й Катка]; Дурна мати – дурні діти; а в інших {[яка/ **мати / няня / мама**] → /однакові/ → [*така*/ **доня**]}: *Нема чого дивувати, така була й її мати; Яка няня, така доня; Яка клепка, така й бочка, яка мати, така й дочка; Вишилась у матір, як з воску; Чого мама научить, те й дочка знає* тощо;*

б) «несхожість дітей з матір'ю». Той самий концептуальний ланцюжок {[**мати, матка**] → [*щастя, звичай*/ /неоднакові/ [**детки / дітки**]}, що визначає

диференціальну характеристику дітей: *Одної матки, та не одні дітки; Одної матки неоднакові дітки; Одна мати рожає, да не один обичай дає; Одна мати родила, та не однакове щастя дала* тощо.

в) «співчуття, співпереживання». З таким семантичним напрямком пов'язаний концептуальний ланцюжок {[**матір, мати**] → /плач, сльози, біль, жаль/ ← [**дитина, дітки**]}: *У дитини заболить пальчик, а в мами – серце; Дітки плачуть, а в матері серце болить; Сльози матері дармо ніколи не пропадуть; Де мати плаче, та ріки течуть, де сестра плаче, струмки біжать, де жінка плаче – роси нема; Матері кожної дитини жаль: бо котрого пальця не вріж, то болить, і цей вріже – болить, і цього вріж – болить, всі однаково болять: так і в матір діти – усіх однаково жалко;*

г) «піклування» (*Мати дітей пушить, а мачуха сушить; Мати з малятами, як ластівка з ластів'ятами*).

Одним із напрямків узагальнення відносин матері й дитини є тема фізичного покарання (биття / небиття) (концептуальний ланцюжок {[**мати**] → /биття/ → [**дитя**]}), оскільки це було притаманно народним традиціям патріархального сімейного виховання: *Мене мати цілий вік дурила: казала «битиму», та не біла; Материні побої не болять; Мене мати в голову не біла («недурний»)*. Якщо негативні оцінки биття матір'ю пом'якшені, то в проекції на такі поведінкові мотиви мачухи вони засуджуються в українській паремійній картині світу: *Рідна мати, високо розмахує, а помалу б'є, а мачуха щосили*.

Мікроконцепт «материнство» реалізується в низці прислів'їв, які відображають ставлення дітей до матері, що виявляється в конкретних життєвих ситуаціях. У цілому, вони підкреслюють нерівність співучасті і співпереживання, як ось: *Одна мати вигодує семеро дітей, а*

семеро дітей одної матері не можуть; Мати подере пазуху, дітям ховаючи, а діти від матері; Мати рве пазуху, збираючи, а діти, відбираючи.

Відзначені в українській етнокультурі й відносини матері з дітьми різної статі (відповідні концептуальні пари {[мати] ↔ [син], [мати] ↔ [дочка]}). У цьому ключі паремії узагальнюють процес рівновіддаленості дітей, пов'язаний з їхнім дорослішанням: *Прийшла **мати** до **сина** – **гірка** її година, прийшла до **доньки** – навадалась **бідоньки**; Прийшла до **сина** – **кепська** часина, прийдеши до **доньки** – **наберешся бідоньки**, прийдеши до **зятя** – не твоя хата.*

Не менш значущими для етнокультури є паремійні тексти, що мають форму узагальнених діалогів. Це ритмізовані мікротексти з деякою часткою іронічності в оцінці відносин матері й домочадців, в основному – дітей, для яких у приказках закріпилися власні імена. Найбільш виражені в таких пареміях сценарії харчування (*Пекла б **мати** і млинці, та не сходяться кінці; «Дай, мамо, масла!» – «У печі погасло!» «Дай, мамо, вечеряти!» – «Підожди, долото вкипить!»; «Мамо, недобрый борщ!» – «Ет, прийде, де тато з панцини, то й недоброго з'їсть!»; Сьорбай, Андрушко, добра юшка: мала **мати** свиням дати), а також одруження (*Віддайте мене, мамуню, хоч за вола, щоб я вдома не була*) й долі (*Мати моя Василю, зростила мене на лихо*).*

Таким чином, аналізований мікроконцепт «материнство» має складну семантичну структуру, що відбиває парадигми взаємодії концептів загальнолюдської культури побуту.

ЛІТЕРАТУРА

1. Коцюба З.Г. Паремії як об'єкт етнолінгво-психологічного дослідження / З.Г. Коцюба // Мовознавство. – 2009. – №2. – С. 34–47.

Перетяга Олеся Сергіївна
ДОЗ ВПО ЛНР «Луганський національний
університет імені Тараса Шевченка»
peretyataya@mail.ru

ОСОБЛИВОСТІ ВИКОРИСТАННЯ ФРАЗЕОЛОГІЇ З АНІМАЛІСТИЧНИМ КОМПОНЕНТОМ У СУЧАСНІЙ ЛІТЕРАТУРНІЙ КАЗЦІ

Використання фразеологічних одиниць у казковій площині стає невід'ємною складовою відображення семантики та конотації розвитку етнокультури, акумулюючи вияви національної духовності. Якщо звернути увагу на казки, то одразу помітно, що мовні знаки всередині тексту відбивають вірування, звичаї, обряди, міфологічні уявлення певного народу. За зразками народної творчості ми спостерігаємо, як упродовж віків у різних народів і культурах сформувались стереотипні уявлення про тваринний світ, представники якого входять до складу фразеологічних одиниць. У сучасному мовознавстві такі фразеологізми називають анімалізмами (зоонімами). Вивченню фразеологізмів із подібними компонентами присвячено багато наукових розвідок, зокрема праці І. Голубовської, О. Левченко, В. Мокієнка, В. Ужченка та інших. Водночас особливості використання фразеологічних одиниць з компонентом-зоонімом у сучасних літературних казках не були розкриті вповні.

Сучасні письменники, використовуючи фольклорні матеріали, переосмислюють їх у дусі свого часу. Глибокі фольклорні вислови, використані у казках сучасною дитячою письменницею Зіркою Мензатюк, творять новий мовно-культурний світ.

У цьому плані показовими є казки письменниці, адресовані наймолодшим дітям. Особливу увагу привертає казка «Ярмарок», яка за зміненою локалізацією місця дії через уведення топонімів дозволяє З. Мензатюк окреслити певний простір художнього твору.

Неодмінним атрибутом ярмарку стає гостинець від зайчика. Ця фразеологічна сполука постала на основі культурологічних специфічно-національних і загальнолюдських традицій, коли від зайців приносять з подорожі гостинці дітям. Насамперед, це пов'язано з асоціативними зв'язками, що базуються на специфіці народних уявлень про тварину.

Подібну культурологічну оцінку подає у своїх етнографічних матеріалах В. Скуратівський: «Це хлібець від зайця... Вірили й не вірили ми в ті слова. Але з яким смаком ївся він, хліб «від зайця» – прекрасно вибрана народом форма частування дітей невикористаним у полі сніданком» [5, с. 423]. Загалом же в українській обрядовості фразеологічна сполука «від зайця» асоціювалася з традицією пригощати свіжоспеченим хлібом чи пирогами дітей. Подібне тлумачення знаходимо у вірші В. Камінчука «Хліб від зайчика»: «Їздив заєць до млина. П'ять пудів змолот зерна. Цілу ніч у хатці тихо // Випікала хліб зайчиха. Рано-вранці у хустинці // Понесли зайці гостинці. Аж хрумтять окрайчики. Добрий хліб від зайчика!». Або у В. Захарченка: «Хрещений батько дружить із зайцем, бо завжди... виймає з кишені або пряник, або цукерку, або яблуко, простягає мені й каже: – Оце ж перестрів мене по дорозі заєць і передав тобі,

Васильку, гостинця. – Який заєць? Той, що й учора? – Той самий. Сірий. – А звідки він мене зна? – Та вже знає. Каже: отому слухняному хлопчикові передайте» [5, с. 424].

Інваріантний образ подарунка («від зайця – принести»; «відняти – від зайця»), наприклад, у східнослобожанських і східностепових говірках реалізується в багатьох варіантах. Наприклад, на Луганщині побутують вислови «зайчик передав» (с. Містки Сватівського р-ну), «заєць передав» (м. Лисичанськ), «заєць приніс» (с. Оборотнівка Сватівського р-ну), «у зайця вкрав» (с. Містки), «гостинець від зайчика» (с. Привілля Лисичанського р-ну), «Зайчик у сумочку кинув» (м. Ровеньки) [5, с. 424].

У казці З. Мензатюк можна виділити кілька аспектів характеристики образу зайця, притаманних і фольклорним джерелам. По-перше, ця тварина є символом боягузтва – у творі це зображується як загальноновизнаний факт, тому в зайця виникає бажання продати свій страх на ярмарку. По-друге, заєць веде надзвичайно рухливий спосіб життя – «хутко плигає» [1, с. 11], порівняно з іншими казковими персонажами (лисицею, вовком, ведмедем) зайчик значно меншого розміру. Крім того, маленька тваринка найчастіше у фольклорних джерелах виглядає безпорадною – «Лихо та й годі з таким торгуванням. Сів зайчик, заплакав» [3, с. 12]. З огляду на етнокультурні характеристики, цю тваринку часто співвідносять із дитиною, називаючи її зайкою чи зайчиком, з ним пов'язують народження дітей («зайчик приніс»). З тих же міркувань вони стають персонажами колискових («Зайчику, зайчику, де ти був?», «Заюшки-баюшки»), забавлянок, лічилок («Зайчишка-трусичка», «Бігав зайчик по болоту», «Заюшка сіренький»), ігор («Мисливці полюють за зайцями», «Зайчичок-стрибайчичок»),

«Заюшка») і казок («Зайчик», «Заяче сало», «Бравий заєць», «Чому зайці сірі»), які так подобаються дітлахам.

Обравши за основу поширене повір'я про гостинне ставлення зайчиків до дітей, Зірка Мензатюк у казковій формі описує передумови передачі гостинця, торкаючись етимології фразеологічної сполуки. Із сюжету казки читачі дізнаються, що зайчик продавав на ярмарку свій страх, щоб на виторгуванні гроші купити собі смачний гостинець. З цим проханням він звертався до людей: чоловіка, жінки, богатиря, маленької дівчинки. І тільки поважний дід Микола зарадив зайчиковій біді, сказавши, що страх йому знадобиться в лісі, а гостинчика йому дадуть добрі люди, треба лише попросити. Коли дід Микола сповістив про причину туги зайця народові на ярмарку, ті охоче почали пригощати бідолаху – хто калачами, хто медівниками та бубликами, хто горіхами й пиріжками. Так цілу торбу гостинців назбирало зайченя, сіло край дороги й гукає: «Люди добрі! Чи є у вас дочки та синочки? [...] Натє для них по пиріжку. Скажете, від зайця! А то, їй-бо, не донесу...» [3, с. 14].

Аналізуючи фразеологію із анімалістичним компонентом «заєць» в сучасній літературній казці Зірки Мензатюк, помічаємо, що найчастіше фразеологічні одиниці використовуються письменницею у текстовій площині казок на позначення вад характеру та поведінки людини. У результаті літературна форма казки виконує камуфляжну роль щодо зображення існуючих соціальних змін і суспільних трансформацій. Пізнавши всю багатогранність української фразеології, З. Мензатюк вживлює в контекст казок вербальні маркери української культури, синтезуючи в одній площині синхронійні й діахронійні зрізи.

ЛІТЕРАТУРА

1. Булашев Г. Український народ у своїх легендах, релігійних поглядах та віруваннях / Григорій Булашев. – К.: Довіра, 1992. – 414 с.
2. Крижко О. Образно-номінативна та оцінна характеристика фольклорних зоосемізмів української мови / О. А. Крижко [Електронний ресурс]. – Режим доступу: www.nbu.gov.ua.
3. Мензатюк З. Тисяча парасольок : казки / Зірка Мензатюк. – К.: Веселка, 1990. – 49 с.
4. Словник фразеологізмів української мови / Укл. В. Білоноженко та ін. – К.: Наукова думка, 2003.
5. Слов'янський світ: ілюстрований словник-довідник міфологічних уявлень, вірувань, обрядів, легенд / Упор. О. Кононенко. – К.: АДС «Український міжнародний культурний центр», 2008. – 784 с.

Сердюкова Тетяна Ігорівна
ДОЗ ВПО ЛНР «Луганський національний
університет імені Тараса Шевченка»
kafedra_cja@mail.ru

ВЕРБАЛІЗАЦІЯ КОНЦЕПТУ *СОБАКА* В УКРАЇНСЬКИХ ЗООФРАЗЕОЛОГІЗМАХ

Кожна розвинена мова, як відомо, має у своєму складі значну кількість стійких словосполучень – фразеологічних одиниць (ФО), що вживаються носіями мови завжди у звичному, усталеному оформленні. Значна частина ФО має тваринні образні конкретизатори, які допомагають розкрити духовні та соціальні риси людини.

Мета статті – спроба дослідити значення концепту *собака* в українській фразеології, зробити етнокультурну

інтерпретацію аналізованого компонента, виявити характер функціонування цієї лексеми у фраземах.

В. Жайворонок у словнику-довіднику «Знаки української етнокультури» зазначає, що лексема *собака* має різні значення: (зменшене – *собачка, собача́, цуценя, щеня, цуцик, куций*; зменшено-пестливі – *собачатко, собаченя, собаченятко, цуценятко, щенятко*; збільшене – *собацюга, собацюра*) = *пес* (зменшене – *песик*; збільшене – *псище*) [1, с. 557].

Регулярними для української мови є такі порівняльні звороти, як *злий як голодний собака, сердиться як собака на блохи, боїться як собака мух, сумний як побитий пес, гарний як рудий собака, бреше як собака*.

Форми вираження смислу слова *дуже* («дуже змерз», «дуже підлий», «дуже голосний», «дуже скупий») функціонують у таких фразеологізмах: *попало як куцо́му на перелазі, заліз як собака на солом*.

Однією з ознак собак є те, що вони постійно гавкають (у народі кажуть *брешуть*). Ця риса собак відображена в наступних порівняннях: *гавкає, мов собака на прив'язі; виє, як пес на прив'язі; як собака в гречці; бреше, як пес (на місяць); бреше, як Сірко*.

Для актуалізації та підсилення різних відтінків значення дієслова *бігати* існує багато народних порівнянь: *бігає, як собака без хвоста; як собака по хаті* – «швидко бігає, привертаючи до себе багато уваги»; *ганяє як куций по череді, бігає як собака на цепу* – «безтолково, безладно метушиться»; *біжить, як гончий пес; біжить, як пес пішки до млина* – «дуже швидко біжить».

Процес утворення фразеологізмів з центральним смисловим компонентом *собака* служить для опису зовнішності людини: *босий, як пес; ходить босий, як пан*

пес; зубатий, як пес; рудий, як собака. Значна кількість народних порівнянь демонструє утворення значення порівняльної одиниці у формально-граматичному порівнянні таких елементів, що в сумі не утворюють логічне значення, яке має відношення до адекватного відображення реалій: *веселий, як цуцик на прив'язі, весело, як собаці після ціпа* – «невеселий, засмучений»; *йому це так потрібно, як собаці другий хвіст / палка / бантик / реп'ях; потрібний як собака на ярмарку* – «непотрібний»; *добрий, як собака* – «злий». Як бачимо з наведених прикладів, смислове значення порівнянь впливає із загального значення, утвореного шляхом поєднання таких елементів, сума яких заперечує логічність вислову, але залежить від інших членів мовної структури фразеологізмів: *така ладна, що як на двір вийде, то всі собаки брешуть, така красива, як собака сіра, хороший як собака на морозі; якби собаки побачили, то б три дні брехали* – «дуже некрасивий, незграбний».

Значний інтерес представляє пласт порівнянь, пов'язаних із процесами прийняття їжі: *зголоднів, як собака, зголоднів, як пан пес, голодний, як собака.* Коли хтось з'їв щось нетривне, кажуть: *наївся / поживився, як собака мухою.* Якщо ж зовсім нічого не отримав – *пожививсь, як Сірко паски(-ою); поживився в гостях, як пес макогоном.*

Людину, яку в товаристві не вважають вдалим господарем чи господинею, порівнюють з *собачим хвостом*, підкреслюючи цим іронічно-зневажливе ставлення як до хвоста, так і до господаря, тобто, даючи негативну оцінку людині: *буде з неї така господиня, як із собачого хвоста сито* – «кепський господар». Небажання працювати, іноді притаманне людям, часто описується і пояснюється через порівняння з діями собаки за певних умов, які унеможливають виконання якоїсь роботи.

Цікаво, що ці умови нібито виправдовують бездіяльність людини і є актуальними лише для людини, і насправді не мають жодного відношення до собаки: *так хочеться робити, як собаці орати, тобі так хочеться робити, як старому псові в завірюху брехати* – «не хочеться працювати»; *ховається від роботи, наче собака від мух* – «активно уникає роботи». Ситуації, у яких хтось позбавлений можливості вільно пересуватися і має певні обмеження свободи, іронічно змальовують, порівнюючи людину з прив'язаним собакою: *гуляє, як Сірко у ярмарку; гуляє, як собака на прив'язі*.

У художній літературі автори вживають народні прислів'я та приказки, повір'я та скоромовки, пов'язані з реальною дійсністю: *не всі собаки кусають, що лають; собака від хліба не втече; битий собака не боїться палиці* (П. Чубинський); *цуцик такий, що й панові до ночі мстить; маленька собачка – повік щеня*; «*пес бреше на місяць, а місяць світить* (І. Франко).

Із собакою пов'язана і новорічна ворожба: *де і як загавкає собака – туди й дівчина заміж вийде*. Найпоширеніші собачі клички – *Сірко* та *Рябко*: *позичив у Сірка очей та й дивиться, як Рябка годують, то так Рябко і бреше, робить як Сірко на глині, крутиться як Сірко в качанах*. Це об'єкт традиційних порівнянь: *загойться, як на собаці, любити, як собака палицю*; також об'єкт прокльонів: *хай тобі собаки губи лижуть*.

Таким чином, проаналізовані зоофразеологізми дають можливість зробити висновок, що концепт *собака* відбиває культурно-національну конотацію, що дозволяє охарактеризувати побутові, господарські, сімейні, духовні ознаки слов'ян, їх риси характеру, естетичні якості та інтелектуальні здібності.

ЛІТЕРАТУРА

1. Жайворонок В.В. Знаки української етнокультури: Словник-довідник / В.В. Жайворонок. – К.: Довіра, 2006. – 207 с.
2. Ужченко В.Д. Образи рідної мови / В.Д. Ужченко. – Луганськ: Знання, 2005. – 236 с.
3. Доброльожа Г. Красне слово – як золотий ключ: Постійні народні порівняння в говірках Середнього Полісся та суміжних територій / Г. Доброльожа. – Житомир: Волинь, 2003. – 160 с.

Скиба Ірина Геннадіївна

Луганська академія внутрішніх справ ім. Е.О. Дідоренка
kafedra_cja@mail.ru

ОСОБЛИВОСТІ ФІКСАЦІЇ ПАРЕМІЙ У СЛОВНИКАХ ЗА РЕДАКЦІЄЮ Б. ГРІНЧЕНКА ТА В. ДАЛЯ

Основним спільним завданням лексикографії кінця ХІХ – початку ХХ ст. було створення словника, який би містив усе лексичне багатство народної та літературної мови. Таким високим вимогам в українській лексикографії зазначеного періоду відповідав «Словарь української мови» за редакцією Б. Грінченка (далі СГ), а у російській – «Толковый словарь живого великорусского языка» В. Даля. За своїм жанром аналізовані словники належать до тлумачних, тобто реєстр супроводжується ілюстративним матеріалом, що робить їх важливими філологічно-енциклопедичними виданнями. Окрім того, словник за редакцією Б. Грінченка є ще й перекладним з перекладом реєстрових слів російською мовою або (у тих випадках, коли не вдалося виявити російський

відповідник) із тлумаченням російською мовою. Словники за редакцією Б. Грінченка і В. Даля мають як спільні, так і відмінні риси щодо фіксації сталих виразів, зокрема, фразеологізмів, словосполучень-номінацій, часто термінологічного характеру, форм привітання, прощання, побажання, а також паремій.

У нашій роботі на прикладі лексико-семантичної групи назв спорідненості ми спробували прослідкувати особливості фіксації паремій, що виступають у ролі результатів морально-ціннісної концептуалізації дійсності.

Назви спорідненості – один з давніх і найбільш досліджених шарів питомої спільнослов'янської лексики, що значною мірою залежить від соціальних, біологічних та історичних чинників розвитку суспільства; є закритою й чітко організованою ієрархічною структурою. У слов'янських мовах термінологія спорідненості має багато спільного, відповідно, й наведений ілюстративний матеріал підтверджує належність паремійних аналогів до української та російської етнічних концептосфер, що зумовлено, зокрема, спільним походженням російської та української мов.

Чимало паремій утворено за відповідними моделями-формулами, характерними для паремій багатьох народів, їхня понятійна модель універсальна, хоча й можуть мати національні ознаки. Серед найбільш поширених моделей паремій, представлених у словниках за редакцією Б. Грінченка та В. Даля, можна виокремити такі формули:

1) прями стверджувальні $A = B$: СГ – *Тільки в світі правди, що рідная мати. Отцева і материна молитва зо дна моря рятує. Що білая лебедина Дунай сколотила, невірная дружинонька жалю нарбила. Ой жоно ж моя, жонухно, ревниее серце моє.* СД – *Дочь – чужое сокровище.*

2) протиставні А не = Б: СГ – *У сусіда доньок сім, та й є доля всім – у мене єдна, та й тій долі нема. Жінка-голубочка пече млинці з полубочка, а мужик, щоб здоров, більш муки намолов. З великою худобою битись да сваритись, з хорошою дружиною на світі нажитись. СД – Сын в дом глядит, дочь из дому. Сын глядит в дом, а дочь глядит вон. Хорошая невеста, худая жена. Молода годами жена, да стара норовом. Добрая жена дом сбережет, плохая рукавом растрясет.*

3) порівняльні А співставне з Б: СГ – *Що білая лебедина Дунай сколотила, невірняя дружинонька жалю наробила. Чужі жони хорошії як макув цвіт.*

4) заперечні А не = Б: СГ – *Не веліла мати вдовиної дочки братиш. Негідня дружиночка молодому світ зав'яже. СД – Не хвались отцом, хвались сыном молодцом. На чужемужню жену не заглядывайся. Четки не спасут, а жена рая не лишиш.*

5) допустові А не = Б: СГ – *Хоч у мене мужичок з кулачок, а я таки мужикова жінка.*

6) А зумовлює Б: СД – *Первую дочь берут по отце-матери, вторую по сестре. Муж жене отец, жена мужу венец.*

7) яке А, таке й Б: СД – *Муж с женой, что мука, с водой (сболтать сболтаешь, а разболтать не разболтаешь).*

8) де є А, там є й Б: СД – *Где муж, там и жена.*

Наведений матеріал підтверджує неоднорідність паремійного корпусу аналізованих лексикографічних праць і водночас спорідненість семантичної будови, спільні структурні ознаки народного дискурсивного мовлення (зіставлення, протиставлення, повтор, порівняння тощо), а також особливості використання зафіксованих одиниць в мовній практиці і традиціях у синхронії.

Аналізовані лексикографічні праці залишаються цінною пам'яткою української та російської мови, оскільки мають для нашого часу значення великих і важливих довідників – зібрання матеріалів лексики живої народної та літературної мови ХІХ – початку ХХ ст., що виконують важливу ілюстративну функцію та виступають джерелом дослідження спільнослов'янського лексичного фонду.

ЛІТЕРАТУРА

1. Голубовська І.О. Паремії як відбиття ціннісних пріоритетів етнічної спільності (на матеріалі української, російської, англійської та китайської мов) / І.О. Голубовська // Мовознавство. – 2004. – № 2–3. – С. 66–74.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – М., 1998. – 4249 с.
3. Пирогов В.Л. Структура і семантика паремійних одиниць японської, англійської, української та російської мов: типологічний та лінгвокультурологічний аспекти : автореф. дис. ... канд. філол. наук / В.Л. Пирогов. – К., 2003. – 19 с.
4. Грінченко Б. Словар української мови / За ред. Б. Грінченка: В 4 т. Фотопередрук. – К., 1997.

О МЕХАНИЗМАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРЫЛАТЫХ ВЫРАЖЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАТЕКСТЕ

СМИ стали одним из компонентов психосоциальной среды обитания современного человека и небезосновательно претендуют на роль важного фактора формирования мировоззрения личности и системы ценностных предпочтений общества. Им принадлежит неоспоримое лидерство в идеологическом воздействии на общество и личность. СМИ являются трансляторами культурных достижений, отражают наиболее значимые тенденции в современной коммуникации, влияют на процессы принятия, либо непринятия и отрицания тех или иных ценностей культуры.

Хорошо известно, что фразеологизмы, пословицы и поговорки, крылатые слова и выражения широко используются в современной публицистике. Застывание, однообразие крылатых выражений, частота их употребления в известной степени стирают образность и выразительность. Журналисты стремятся избегать устойчивых формул, поэтому прибегают к трансформациям крылатых выражений. Преобразование устойчивых единиц расширяет границы авторской мысли, делает выражение более заметным и ярким. Желание привлечь наибольшее количество читателей приводит к тому, что современные журналисты ищут наиболее яркие способы для выражения своих мыслей.

Трансформационным изменениям чаще всего подвергаются семантика и структура крылатых

выражений, использованных автором в медиадискурсе с определенными иллокутивными намерениями. Функциональная универсальность и многообразие таких преобразований кажутся неисчерпаемыми, они играют значительную роль в достижении различных стилистических и смысловых эффектов.

Переформатирование крылатых выражений придает им новую экспрессивную окраску, усиливая их выразительность, за счет качественного изменения исходных крылатых выражений создается высокая образность. Изменения крылатых выражений, фразеологизмов, пословиц, поговорок и т.д. позволяют журналистам избегать штампов, так как в этих случаях «фразеологизм получает, помимо свойств, заложенных в нем самом (а иногда и вопреки им), новые экспрессивные свойства» [1, с. 10]. Трансформированное крылатое выражение выступает в роли ассоциативного элемента, при помощи которого наша память находит нужную информацию, связывая измененное выражение с исходным. При трансформации «изменяется стилистическая окраска крылатого выражения, ему придается значительная весомость и экспрессивность» [2, с. 42].

Мы выделили следующие основные способы преобразования крылатых выражений, используемых в современном медиатексте:

1. Замена одного или нескольких лексических компонентов фразеологической единицы: «*Какая гадость эта ваша цветная капуста*» (КП.25.12.2016 г.) / «*Какая гадость эта ваша заливная рыба*» – трансформировано прецедентное выражение из известного советского фильма «Ирония судьбы, или с легким паром». Изменены субъекты высказывания, однако основная сема

данного выражения не утрачивается. Статья повествует об особенностях приготовления пищи по интернет-рецептам.

2. Расширение крылатого выражения за счет введения добавочных компонентов: *«Каждая погода – благодать (если знать, куда зимой летать)»* (КП 14.03.2017 г.) – за счет расширения состава строка песни из известного кинофильма «Служебный роман» приобретает дополнительный оттенок: любая погода хороша, если правильно выбрать место для отдыха. В выражение вносится уточнение, а особую яркость заголовок приобретает за счет рифмы. Распространение крылатого выражения, включение в него нового слова или слов, с одной стороны, напоминает читателю исконный афоризм, его смысл, а с другой стороны, позволяет журналисту кратко выразить содержание газетного материала и дать его оценку.

3. Усечение крылатого выражения: *«Соломки бы подстелить...»* (КП 27.05.2017 г.) – сокращение фраземы *«Знал бы, где упасть, соломки бы подстелил»*. По концовке пословицы сознание носителя языка легко восстанавливает первоначальное высказывание. Смысл высказывания о желании подстраховаться в случае неприятностей сохранен. Прием усечения фразеологической единицы создает эффект усиленного ожидания.

4. Контаминация крылатого выражения: *«Вечная память стала мультимедийной»* («Факты и комментарии» 23.04.2017г.) – статья повествует о выпуске электронной хрестоматии «Новосибирская область в годы Великой Отечественной войны». Обыгрывается выражение «вечная память», которое, как правило, употребляется по отношению к солдатам Великой Отечественной войны. Языковая игра строится на общем компоненте «память», который в исходном крылатом выражении обозначает

память человека вообще, а во втором – компьютерную память.

Наш анализ использования крылатых выражений в современном медиатексте показал, что переформатирование данного типа фразем закрепляет их за конкретной речевой ситуацией, повышает выразительность, наполняет новыми смысловыми оттенками, при этом исходное выражение и производное от него могут находиться в разных отношениях друг с другом: синонимических, паронимических, антонимических и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вакуров В.В. Русская речь: Фразеологический каламбур в современной публицистике / В.В. Вакуров. – М.: Высшая школа, 1994. – 65 с.

2. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка / Н.М. Шанский. – М.: Высшая школа, 1985. – 160 с.

Чубина Елена Александровна
ФГБОУ ВО «Московский государственный
юридический университет
имени О.Е. Кутафина»
chubina@mail.ru

ДРЕВНЕЙШИЕ АНТРОПОМОРФИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ, ЗАПЕЧАТЛЕННЫЕ В ОБРАЗНОМ ОСНОВАНИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

К древнейшим антропоморфическим представлениям относится анимизм, вера в существование души и духов. К анимистическому мировосприятию восходят

образные основания многих современных фразеологизмов с компонентом *душа*. Человеческая душа мыслилась древним человеком поначалу как уменьшенная копия человека, как его маленький, бестелесный двойник, обитающий в сердце, печени или каком-нибудь другом органе человеческого тела и способный покидать его временно (сон, обморок) или навсегда (смерть). Душа – это «малый человек, но нет в ней ни костей, ни мяса»; «...душа чалавека такая сама, як чалавек, анно маленька» [1]. Такие представления о душе были широко распространены в славянской дохристианской культуре, более того, они сохранились в христианской иконографии – традиция изображения человеческих душ в виде спеленутых младенцев.

Согласно верованиям славян, душа появляется у человека до или в момент рождения: человек рождается вместе с душой. Такие анимистические представления породили образы, лежащие в основании идиом: *вдохнуть душу во что-л., кого-л., вкладывать душу, человек большой души, мелкая душонка*.

Человек большой души – «книжн. одобр. О человеке высоких моральных качеств – благородном, нравственном, чутком». Здесь в основе метафорического переноса лежат анимистические представления многих древних народов о том, что человек при рождении получает душу большего или меньшего размера.

Душа живого человека обитает в самом теле, а не около него. В народной традиции существуют различные представления о месте локализации души: в сердце, в груди (ср. русск. диал. душа – «грудь»), реже – в желудке. Семантика идиомы *душа нараспашку* у кого-л. – «об очень откровенном, не скрытном, прямодушном, чистосердечном человеке» объясняется народными представлениями о местонахождении души. Душа здесь – «ямочка на шее, над

грудной костью, под кадыком», первоначально фразеологизм буквально обозначал человека с расстегнутым воротом рубахи, не боящегося показать, что у него за пазухой» [2].

Древние представления о том, что душа человеческая обязательно должна находиться на своем месте, послужили образным основанием для следующих ФЕ: *душа не на месте, душа ушла в пятки, душа упала*. Изменение местопребывания души сопровождается кризисными для человека состояниями: *душа не лежит, душа перевернулась, еле-еле душа в теле, берeditь душу, выворачивать душу*. В момент смерти душа покидает тело, оставляет его: *душа вон, отдавать богу душу*.

Вместе с тем существует представление, что душа в момент смерти может не выйти из тела. При умирающем должны находиться близкие, которые «караулят» душу и даже магическими приемами «выманивают» ее из тела, по колыбанию воды в чашке (вода – символ пограничной стихии) убеждаются, что душа покинула тело. Возможно, именно этим объясняется обилие «водных» метафор, связанных с семантическим полем «душа»: *наполнять, омыть, иссушить, переполнять, взволновать, всколыхнуть, взбаламутить, возмутить, излить душу; оставить осадок в душе; черпать из души* и пр.

Страхом перед оставшейся в мертвом теле душой объясняется обычай «вытряхивать душу», т. е. трести покойника на пороге при выносе из хаты, в сенях, в воротах, в поле, при вносе в церковь и при выносе. Можно предположить, что эти анимистические представления запечатлены в образном основании выражения *вытряхивать/вытрясти всю душу*.

У славян (как и у многих других народов) нередко душа отождествлялась с летающими насекомыми или птицами. По поверьям, душа в виде мухи, жучка, мурашки,

птички (мы говорим *воспарить, встрепенуться душой*) может покидать тело человека во время сна, и если она не найдет оставленного тела и не вернется в него, человек умрет или сойдет с ума.

Растительный образ души присутствует в фольклорных мотивах «прорастания» душ в виде деревьев и цветов (отсюда, возможно, метафорические переосмысления: *надломить душу, прирасти душой*), в поверьях о «произрастании» детей на грядках, в поле, в траве, в кустах, в представлениях о дереве как двойнике человека (сохранился обычай сажать деревья на могиле). Растения, особенно зелень деревьев, травы, цветы считаются также местом обитания невидимых душ, приходящих на землю, к примеру, в поминальные дни троичного цикла.

Внутренняя форма, в которой отражены древние антропоморфические представления, лежит в основе мотивации фразеологического значения целого ряда единиц: *Кондрашка хватил, карачун пришел, отдал концы, дал дуба, сыграл в ящик, откинул (отбросил) копыта, почил в бозе, заснул вечным сном, надел деревянный тулуп, приказал долго жить, склеил лапы, испустил дух и других.*

Внутренняя форма предопределяет и характер значения этих фразеологизмов, и их функционально-стилистические особенности, и особенности формально-структурной вариантности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5-ти томах / под ред. Н.И. Толстого. – М.: Международные отношения, Т. 2, 1999. – С. 165.
2. Шанский Н.М., Зимин В.А., Филиппов А.В. Опыт этимологического словаря русской фразеологии /

Н.М. Шанский, В.А. Зимин, А.В. Филиппов.– М., 1987. – С. 48.

Шкуран Оксана Володимирівна
ДОЗ ВПО ЛНР «Луганський національний університет
імені Тараса Шевченка»
oksana.shkuran@mail.ru

ТРАДИЦІЙНА ПОРІВНЯЛЬНА ФРАЗЕОЛОГІЯ СЕРЕДНЬОГО ПОДІНЦІВ'Я НА ПОЗНАЧЕННЯ ЕСТЕТИЧНОГО ОДЯГУ

Споконвіку одяг та взуття були важливими елементами соціального та духовного життя народу, його побуту. Перш за все одяг виконує практичну функцію: захищає людину від холоду, приховує окремі частини тіла; робить життя людини більш зручним, комфортним. Одягу властива також розмежувально-вікова роль, напр.: дівчина або молода жінка носили облягаючі плахти чи запаски; юнки взували парчеві чоботи, молодиці – сап'янці: «Кому хустка на голову – то й сап'ян на ногу, а в кого стрічки в косі – то парча на нозі». Хлопець мав право вперше одягти штани в п'ятнадцятирічному віці – це означало перейти в парубоцтво [2, с. 466]. Мав одяг і соціально-видільну роль: багаті верстви шили одяг із дорогих тканин, густо прикрашали сріблом, золотим шиттям, бісером, вишиванням, мереживом [1, с. 181]. Досить часто крій одягу також указував на суспільний стан особи: *Убрався в жупан, та й дума, що пан; Так кравець крає, як матерії стає; По Савці свита, бо на Савку шита; Видно пана по халявах.*

Не менш важливою є й естетична функція одягу, взуття та прикрас. Здавна вбрання, особливо святкове,

прикрашали вишиванням, мереживом, стрічками, квітами, вишуканим покромом. Зразком естетичної довершеності були весільні сорочки, керсетки, плахти, плетені пояси з вовняних ниток, дівочі вінки та намисто. Тему красивого одягу обіграно в багатьох прислів'ях: *Прибереться, аж світ стрепенеться* та ін. Проте народна мудрість застерігала від надмірної модності, химерності у вбранні: *Чорт плаче, що моди не настаче; Прийти можна до наготи, як тільки держатись моди*. Зовнішній вигляд людини є її візитною карткою – він несе певну інформацію про особу, її виховання, поведінку, мораль, інтелект.

Значення досконалого смаку в зовнішньому вбранні спостерігаємо в незначній кількості порівняльних фразем. Зазвичай, вони пов'язані з важливими подіями в житті людини: 1) релігійними та світськими святами: *вбрався як у празник* (Лисич, Луган, Новайд); *вистроїлась як дівка на Великдень* (Бул, Новайд, Новпск); *зібрався як кум на Паску* (Бул, Новайд, Новпск); *вистроївся як на парад* (Лисич, Луган, Новайд); 2) смертю: *одягнутий як на смерть* (Лисич, Луган, Новайд); 3) обрядами й ритуалами: *оділась як дівчина на перше свіданіє* (Лисич, Луган, Новайд); *зібралася як на вечорниці* (Лисич, Луган, Новайд); *вдягнулася як на весілля (свадьбу, свальбу)* (Лисич, Луган, Новайд); *вистроїлась як дівка на вінчання* (Бул, Новайд, Новпск); *вибирається як до загсу* (Бул, Новайд, Новпск); *прибрався як жених* (Бул, Новайд, Новпск); *вбралася як кума на свадьбу* (Бул, Новайд, Новпск); *наряжається як Меланка на весілля* (Бул, Новайд, Новпск); *убраний як кум перед весіллям* (Бул, Новайд, Новпск) та ін.

Про одягнену в усе нове та гарне людину кажуть: *одітий як з іголочки* (Лисич, Луган, Новайд); а про святково наряджену дівчину: *вистроїлась наче лялечка* (Лисич, Новайд); *прибралась як цяцька* (Лисич, Новайд);

вирядилась як писанка; нарядилась як пава (Лисич, Луган, Новайд) та ін.

Найчастіше респонденти помічають недоречності в одязі та макіяжі: 1) невідповідність одягу певній події чи заняттю: *вбрався як на чорниці* (Бул, Новпск); *вирядився як по гриби у ліс* (Луган, Новайд); *збирається як на коноплі* (Бул, Новайд); *убралась як дурна дівка на весілля* (Лисич, Новайд); *прибрався як Хівря* (Бул, Новпск); *вдівся як дурний на Паску* (Новайд, Новпск); *вбрався як придуток на Паску* (Лисич); *одітий як чорт* (Бул, Новпск); *вирядився як чорт на утренік* (Лисич, Сіверс); *збирається як чорт на витрішки* (Бул, Новпск); 2) недоречність одягу, пов'язана з віком: *вбралась як стара баба* (Лисич, Новайд); 3) недоречність одягу, пов'язана з диспропорціями тіла: *вирядився як болячка* (Луган, Новайд); 4) неохайність: *розхристаний як антихрист* (Луган, Новайд); *вбрався як ахламон* (Лисич, Новайд); *як з рук вирвався* (Бул, Новпск); *згруб. гарний як сруль* (Лисич); *як розхристаний* (Луган, Новайд); *іде як обскубаний півень* (Бул, Новпск); *чепуриться як сорока* (Бул, Новпск); *гарний як собака з ярмарки* (Бул, Новпск); 5) вигляд одягу: *ходить як підстрелений* (Луган, Новайд); *підтиканий як віник з дерези* (Верх); 6) немодність одягу: *впуталась як Настя в лапті* (Новайд, Новпск); *модне як чучало городне* (Верх); *в моді як свиня в городі* (Новайд, Новпск); 7) невміння зі смаком одягатися: *вбрався як чорт* (Лисич); *вбралась як Феська* (Лисич, Новайд); *вбрався як пугало городне* (Лисич, Новайд); *вигляд як в опудала на городі* (Верх); *обвішана як опудало* (Бул, Новайд); *стоїть як опудало* (Бул, Новпск); *стоїть як горохове опудало* (Лисич, Новайд) та ін.

Для номінації людини, яка ходить у старому подертому одязі, зафіксовано такі КФ: *як замухришка* (Полов); опозиційні компаративами: *як босячка* (Біллуц) –

як босяк (Кудр), *як голодранець* (Лант, Шт) – *як голодранка* (Куряч, Гонч); *як задрипанка* (Біллуц) – *як задрипанець* (Петр), *як обі(о)рванець* (Бул, Зор) – *як обі(о)рванка* (Бар, Трємб), *як обшарпанка* (Прост, Черв) – *як обшарпанець* (Прос), *як старець* (Бонд, Вар) – *як старчиха* (Тит).

Таким чином, порівняльна сфера ілюстрована реаліями, які репрезентують традиційну культурологічну інформацію повсякденного життя подінцівців.

ЛІТЕРАТУРА

1. Потапенко О.І. Шкільний словник з українознавства / О. І. Потапенко, В.І. Кузьменко. – К.: Укр. письменник, 1995. – 291 с.

2. Скуратівський В.Л. Русалії / В. Л. Скуратівський. – К.: Довіра, 1996. – 734 с.

3. Шкуран О.В. Національно-культурне підґрунтя східнослов'янських та східностепових говірок Середнього Подінців'я: дис. ... канд. філ. наук: 10.02.01 / Оксана Володимирівна Шкуран ; Луг. нац. ун. ім. Т. Шевч. – Луганськ, 2011. – 525 с.

Колесникова Анна Юрьевна
ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный
университет имени Тараса Шевченко»
kolesnikova.a.u@mail.ru

СПЕЦИФИКА ЭКВИВАЛЕНТНОГО ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Выполнение точной и правильной интерпретации фразеологических единиц в условиях современного общества является важной проблемой переводоведения. Как отмечает Н.Ф. Алефиренко: «Осмысления требует

проблема универсального и уникального в культуре. Скрытое желание каждого народа, войдя в общеевропейское культурное пространство, сохранить глубинные связи с архетипом материнской культуры» [1, с. 147].

Ученые утверждают, что фразеологические единицы основаны на особой системе предметных смыслов, культурных стереотипов, языковых моделей. Поэтому фразеологизм как национально обусловленное восприятие мира невозможно дословно перевести на другой язык. В. фон Гумбольдт и другие исследователи в своих работах доказали, что каждый язык обладает внутренней формой, своей спецификой организации мыслительной деятельности.

Перевод фразеологизмов в текстах требует особого внимания, его дословная передача обычно невозможна, так как фразеологическая единица является единым семантическим целым, а замена его словами в прямом значении искажает семантику. Специфика перевода фразеологизмов основана на поиске в языке перевода фразеологизма-аналога с тем же уровнем семантического родства. Если же такого эквивалента не существует, то необходимо использовать семантическое преобразование, например, слабую дифференциацию, которая представляет собой переводческий прием лексико-семантического преобразования исходного сообщения, в результате которого «семантически значимая единица исходного текста заменяется в переводном тексте единицей языка перевода, имеющей минимально необходимое для достижения адекватности число аналогичных сем» [2, с. 454].

Для понимания правильной переводческой стратегии нужно оценить компонентный состав фразеологических единиц. Так, повышенной структурно-

семантической эквивалентностью обладают те идиомы, которые были заимствованы из других языков, чаще классических: *Ахиллесова пята, сизифов труд, перейти Рубикон, кануть в Лету*. Однако включение имен собственных в состав идиом также асимметрично в разных языках. Так, библейское имя *Адам* используется в образных конструкциях, в русском языке существуют *адамово яблоко, костюм Адама и Евы*; во французском языке известно тринадцать образных словосочетаний с этим именем, а в английском – двадцать, например, *Adam's fig* («райское дерево»), *Not to know from Adam* («не знать ни о чем, букв. ни об Адаме, ни о Еве»), *Old Adam* («старый распутник»). Эти идиомы не имеют эквивалентов с именем *Адам* в русском языке, в этом случае переводчик окажется перед выбором: либо «применять эквиваленцию и заменять фразеологизм фразеологизмом, но уже на другой образной основе, либо калькировать иностранный оборот, сохранив оригинальный образ» [2, с. 479].

Фразеологические единицы, которые включают в себя имена собственные, а также существующие или исторические реалии конкретного народа имеют низкую структурно-семантическую эквивалентность (*филькина грамота, как сидорову козу, валять ваньку, показать кузькину мать, сирота казанская*), поэтому перевод таких идиом будет неоднозначный. Например, фразеологизм *ехать в Тулу со своим самоваром* со значениением «возить что-либо туда, где этого и так достаточно», на английский язык следует переводить как *carry coals to Newcastle*, дословно – «возить уголь в Ньюкасл», который считается центром английской угольной промышленности.

Усложняет перевод также употребление просторечного компонента в составе фразеологической единицы: *отворачивать рыло; ни рожки, ни кожи; разделить под орех; раскинуть умом*.

«Близка к нулю, – отмечают ученые, – структурно-семантическая эквивалентность у фразеологических единиц, содержащих некротизмы (компоненты, не встречающиеся вне фразеологических единиц, т.е. не имеющие самостоятельного употребления как лексемы)» [3, с. 37]. Например: *ни зги не видно, попасть впросак, бить баклуши, распустить нюни*. Такие фразеологические единицы не имеют эквивалентов, так как некротизму не соответствует никакая определенная лексема в другом языке. Эквивалентность оказывается не всегда возможной и не всегда желательной в переводе. «Современная «мода» художественного перевода предписывает, чтобы переводчики в большей степени следовали формам текста оригинала. Искушенному читателю уже не интересно узнать, о чем пишет автор оригинала. Ему интересно узнать, как это «звучит» на языке оригинала» [2, с. 411].

Закономерным следует считать также тот факт, чем лексемы в фразеологизмах чаще и активнее используются носителями языка, тем больше вариантов найти эквиваленты в других языках, особенно когда эти лексемы связаны с частями тела человека: *голову ломать, голову морочить, голову положить, голову склонить*; внутренними органами: *сердце болит, сердце замирает, сердце не лежит, сердце поет*.

Таким образом, эквивалентность перевода фразеологических единиц осуществляется на основе компонентного анализа фразеологизмов, который помогает установить меру структурно-семантического единства. Заимствованные фразеологизмы, а также обороты содержащие наименования частей тела и внутренних органов, имеют высокий уровень эквивалентности в других языках. Особую сложность для перевода имеют фразеологизмы, включающие в себя имя собственное,

просторечный компонент или некротизм. В этих случаях переводческая стратегия зависит от стиля, контекста, эстетической функции высказывания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: Монография / Н.Ф. Алефиренко. – М.: ООО Изд-во «Элпис», 2008. – 271 с.
2. Гарбовский Н.К. Теория перевода / Н.К. Гарбовский. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 544 с.
3. Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии / А.Д. Райхштейн. – М.: Высшая школа, 1980. – 144 с.

Приходько Сергей Александрович
МБУК «Новозыбковский краеведческий музей»
sapclfl@yandex.ru

ПАРЕМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОЛЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В.И. ЛЕНИНА: БОРЬБА МНЕНИЙ

Пословично-поговорочные паремии играют чрезвычайно важную роль в организации дискурса, выступая как в явном виде, так и в форме фрейма (скрытого смыслового каркаса). Они отражают наиболее характерные и востребованные в социально-культурном плане ситуации и коммуникативно-релевантные смыслы [7, с. 7].

Пословица часто прибегает к сопоставлению предметов или явлений: народ либо сравнивает понятия,

либо противопоставляет их [9, с. 123], поэтому пословица чрезвычайно востребована в полемическом контексте.

Вариантность поговорок и пословиц является их важнейшим динамизирующим свойством. Теоретически возможен самый широкий взгляд на определение паремии – от образной лексемы до законченного воспроизводимого текста [5, с. 11 – 12].

Можно признать, что паремия – собирательное название пословиц, поговорок, примет, присловий, а также этикетных формул [6, с. 18].

Паремический смысл В.И. Ленина выступал целевой установкой его дискурса. Теоретические положения перемежаются с практическими соображениями и доводами. Его речь обычно пересыпана примерами, сравнениями, но не цифрами. Подтверждая свои доводы, он часто употреблял меткие словечки, ходовые народные поговорки; в этом отношении никто так не пользовался богатством русского языка, как В.И. Ленин [1, с. 252 – 253].

Другие исследователи не признают дискурс В.И. Ленина паремически богатым и связывают поговорочно-пословичный компонент не с добрым юмором, а с речевой агрессией.

Ленинский дискурс отличает малое количество литературных реминисценций, поговорок, пословиц, сравнений, цитат и эпитетов [10, с. 170]. Большевики являлись агрессивными, жёсткими, неподатливыми и подозрительными людьми [11]. Их отношение к действительности и речевые поступки напоминают деятельность и мировосприятие религиозных фанатиков [4, с. 17].

Связь пословиц и крылатых слов с личной моралью в сфере идейно-политической борьбы у В.И. Ленина не всегда носит полемический, сатирический оттенок. Оно

проводилось и с целью утверждения положительного правила поведения, а иногда и как указание, призыв (лозунг) [2, с. 17]. В.И. Ленин глубоко вскрывал смысл, содержание, которое имеет та или иная пословица, что само по себе является богатейшим материалом для истории и теории народнопоэтического творчества. В.И. Ленин задействовал сходные по смыслу пословицы в различных значениях. Если идиомы, поговорки, пословицы и крылатые слова выступают в своём собственном, исконном значении, они вносят в дискурс оживление и придают оттенки иронии, юмора, помогая оппоненту усваивать какую-либо критику [2, с. 20 – 21], смягчая негативный психологический эффект.

Итак, пословицы являются важным композиционным и экспрессивно-эмоциональным элементом полемики В.И. Ленина. Характерной чертой является привлечение фразеологических материалов различных стилистических пластов. В.И. Ленин применял фразеологизмы, умело видоизменял устойчивые структуры и сам обогащал русскую фразеологию афористическими изречениями [3, с. 30].

Народные изречения и литературная фразеология являются неисчерпаемыми источниками живого, меткого и образного языка. Они употребляются в научных, ораторских и публицистических работах В.И. Ленина в различных функциях: 1) они являются могучим средством идейно-эмоционального влияния на массы; 2) с их помощью раскрываются достаточно сложные общественные явления, понятия и процессы; 3) они представляют собой сильнейшее оружие сатиры, полемики и политической борьбы. Для дискурса В.И. Ленина характерна афористическая и чёткая форма выражения мыслей [8, с. 138 – 140].

Метафоричность и поговорочная меткость пронизывают очень разнообразный дискурс В.И. Ленина. В каждом случае народная мудрость подчёркивает какое-либо положение, способствует глубокому раскрытию мысли и усилению воздействия на читательскую аудиторию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев А.А. Ленин, каким он был на трибуне / А.А. Андреев // Об ораторском искусстве. – М.: Политиздат, 1958. – С. 252–254.

2. Бабушкин Н.Ф. Фразеологические обороты в сочинениях В.И. Ленина (пословицы, поговорки, крылатые слова) / Н.Ф. Бабушкин // Русский фольклор. Материалы и исследования. Т. I. – М., Л.: Издательство АН СССР, 1956. – С. 5–21.

3. Баканова Н.Г. Фразеологические единицы и их стилистическое использование в публицистических произведениях В.И. Ленина (дооктябрьский период): Дисс. ... канд. филол. наук / Н.Г. Баканова. – Иркутск: ИГУ, 1969. – 272 с.

4. Будаев Э.В. Современная политическая лингвистика / Э.В. Будаев, М.Б. Ворошилова, Е.В. Дзюба, Н.А. Красильникова. – Екатеринбург: УрГПУ, 2011. – 252 с.

5. Мокиенко В.М. Современная паремиология (лингвистические аспекты) / В.М. Мокиенко // Мир русского слова. – 2010. – №3. – С. 6–20.

6. Свалова Е.Н. Культурно-прагматические свойства русской диалектной паремии (на материале устойчивых высказываний-микрожанров обиходно-бытовой и обрядовой речи Прикамья): Дисс... канд. филол. наук / Е.Н. Свалова. – Пермь: Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2016. – 182 с.

7. Сидорков С.В. Пословично-поговорочные паремии как фактор структурно-смысловой организации дискурса: Дисс... докт. филол. наук / С.В. Сидорков. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2003. – 314 с.
8. Фесуненко П.М. Стиль произведений В.И. Ленина / П.М. Фесуненко. – Киев: Редакционно-издательский отдел КГПИ имени А.М. Горького, 1972. – 192 с.
9. Хачак Ф.Д. Отражение особенностей национального менталитета в пословицах писателя-билингва Р. Трахо / Ф.Д. Хачак // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2017. – №1. – С. 120–125.
10. Яров С.В. Риторика вождей: В.И. Ленин и И.В. Сталин как ораторы / С.В. Яров // Звезда. – 2007. – №11. – С. 168–179.
11. Leites N.C. A Study of Bolshevism / N.C. Leites. – Glencoe, Illinois: Free Press, 1953. – 639 p.

Самошкина Александра Юрьевна
Гуманитарно-педагогический колледж ГОУ ВО МО
«Государственный гуманитарно-технологический
университет»
adejnova@mail.ru

Трофимова Юлия Александровна
Гуманитарно-педагогический колледж ГОУ ВО МО
«Государственный гуманитарно-технологический
университет»
g-yulia@mail.ru

УПОТРЕБЛЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБОРОТОВ В РЕЧИ МОЛОДЕЖИ

В последние годы вопрос употребления негативной лексики стоит очень остро, особенно он касается молодежи, которая зачастую использует в своей речи слова и выражения, взятые с экранов телевизоров. Наш язык полон прекрасных выражений и высказываний великих людей, но в современном мире книги, к сожалению, не пользуются такой популярностью, как телевидение.

В работе проводится анализ употребления фразеологических оборотов в речи студентов нашего колледжа. Так как эти обороты могут носить сленговый характер, а будущий педагог должен следить за своей речью, формировать правильное произношение, обогащать словарный запас и не допускать засорения своей речи, поэтому наша задача – снизить количество употребляемых студентами негативно-окрашенных фразеологизмов.

Фразеологизм – устойчивый оборот речи, свойственный определенному языку и потому дословно не переводимый на другие языки, имеющий самостоятельное значение, которое в целом не является суммой значений входящих в него слов.

В художественной литературе пословицы и поговорки чаще всего используются как образное средство раскрытия внутреннего облика персонажа, характеристики его речевой манеры. Примером являются многочисленные пословицы в «Повестях Белкина» и «Капитанской дочке» А.С. Пушкина, «Мертвых душах» Н.В. Гоголя, произведениях М. Горького.

Во все времена люди использовали в своей речи различные фразеологические обороты, устойчивые выражения, афоризмы и часто брали их из любимых произведений, а с появлением телевидения в речь вошли фразеологизмы из фильмов. Но, к сожалению, телевидение может способствовать проникновению в нашу речь негативно окрашенной лексики.

Каковы же особенности речи студентов колледжа, используют ли они в своей речи фразеологические обороты, какие именно и как часто? Чтобы ответить на поставленные вопросы, мы спланировали и провели исследование, в котором приняли участие 90 студентов Гуманитарно-педагогического колледжа ГГТУ в возрасте от 15 до 19 лет. В течение двух месяцев несколько студентов из разных групп анализировали речь своих однокурсников и записывали произнесенные ими фразы или «переделки» фраз. Выяснилось, что 67,9% из общего числа выражений носят негативный или сленговый характер. Для исправления данной ситуации мы провели ряд мероприятий. Под руководством преподавателей русского языка и литературы были оформлены стенд «Забота о русской речи». Преподаватели подготовили и провели урок по русскому языку на тему «Слова-паразиты в речи молодежи». Интерес у студентов вызвал лингвистический конкурс «Правильно ли мы говорим?» и литературная гостиная «Учитесь читать стихи». При

подведении итогов урока преподаватели обращали внимание на грамотность речи студентов.

Повторное изучение речи студентов позволило сделать вывод: студенты стали меньше использовать фразеологизмы сленгового характера, речь студентов стала правильнее, но следует отметить, что данная работа должна быть продолжена. Необходимо сформировать у наших студентов, будущих педагогов, потребность в совершенствовании своей речи и искоренению сленговых фразеологизмов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка / Д.Э. Розенталь. – М.: Высшая школа, 1987.
2. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б. Секреты стилистики / Д.Э. Розенталь, И.Б. Голуб. – М: Айрис-Пресс, 1998.
3. Словарь сочетаемости слов русского языка. – М.: Русский язык, 1983.
4. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь трудностей русского языка / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – М.: Русский язык, 1987.
5. Словарь синонимов русского языка. В 2 т. – Л.: Наука, 1970 – 1971.
6. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография / В.В. Виноградов. – М., 1977. – С. 140–161.

Серебряк Марина Владимировна
ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный
университет имени Тараса Шевченко»
marinasv86@gmail.com

СОВРЕМЕННЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ

Непрерывное развитие любого современного языка выражается в обогащении его состава новыми языковыми средствами, в трансформации или расширении значений уже существующих единиц. Эти процессы связывают со стремлением человека к познанию окружающего мира, с изменениями в общественно-политической и культурной жизни, появлением новых объектов внеязыковой действительности, что неминуемо приводит к отражению этих изменений в составе языка. Изучением фразеологических новообразований (далее – ФН) занимались Е.Н. Ермакова, Е.П. Бережная, В.М. Мокиенко и др.

ФН частотны в устной коммуникации, что значительно затрудняет их поиск и анализ. Появление новых единиц зачастую связано с реалиями современного общества: *дорога к храму* «истинный путь в жизни»; *перезагрузка отношений* «учиться договариваться»; *получить прописку* «войти в обиход, стать обычным явлением»; *зелёный коридор* 1. «упрощённое таможенное оформление», 2. *перен.* «свобода в продвижении чего-то»; *красная карточка* «штрафные санкции кому-то, отстранение от чего-то»; *футбольная вдова* «с иронией о женщине, муж которой всецело поглощён футболом» и др. Например, появление фразеологизма *погнали наши городских* относят к 60-м годам прошлого века, когда обострилось противостояние городских и деревенских

жителей по причине расширения Москвы. Фразеологизм использовали также и в ситуации молодёжных драк в колхозах, куда привозили студентов для оказания помощи в уборке урожая. В данном контексте выражение могло употребляться и в прямом значении, однако, в дальнейшем произошло переразложение семантики, основанное на абстрагировании от значения «деревенские» – «городские» к значению «свои» – «чужие». Так сформировалось семантическое значение «о перевесе в силе, наступлении или победе одной из сторон (поединка, конфликта и т.д.)»; «о начале каких-либо решительных действий» [1]. В коммуникативной ситуации выражение выполняет роль комментария к определенному событию. Заголовок статьи «*Погнали наши городских, или Откуда ноги у "нового реализма"*» [2] наглядно демонстрирует, что произошла фразеологизация выражения с приращением нового значения.

По свидетельству М.В. Ермолаевой, «многие новые устойчивые сочетания возникают в результате преобразования компонентного состава ранее известных фразеологических единиц благодаря стремлению обновить их лексико-грамматическую структуру» [3, с. 29]. Например, *питать иллюзии* (сравним: *питать слабость*), *держат лицо* (*держат удар*), *уронить корону жены* (*уронить корону*), *утонуть в сентиментальности* (*утонуть в слезах*), *разинуть клюв* (*разинуть рот*) и др.

Особую роль в появлении ФН играют также общеизвестные крылатые выражения. Утрата связи с первоисточником, трансформация семантической структуры и другие изменения свидетельствуют о процессе фразеологизации данной единицы. Например, некоторые выражения из кинофильмов прочно вошли в современную речь носителей языка: *ветер перемен* («Мери Поппинс, до свиданья» 1983), *группа в полосатых*

купальниках («Полосатый рейс» 1961), птичку жалко («Кавказская пленница» 1966), руссо туристо облик морале («Бриллиантовая рука» 1968) и др. Утрату связи с первоисточником можно проследить на примере выражения *«Я мзду не беру. Мне за державу обидно»* («Белое солнце пустыни» 1970). Более распространенным стал усеченный вариант: *за державу обидно*, в семантике которого появились новые значения:

1) «о чувстве огорчения, досады при виде недостатков в стране» [4, с. 187]: *«Чтобы создать что-то серьёзное, нужны инвестиции. Западный бизнес очень осторожный, рисков не любит. Где же брать? Оказывается в России. У нас есть лишние деньги. А на своих нет. За Державу обидно!»* [5];

2) «о несоответствии между действительным положением дел и неверном истолковании действительности»: заголовок статьи *«Подлинная история русской революции: "За державу обидно!"*»;

3) «неприятие человеком каких-то негативных вещей в жизни, обусловленное его воспитанием, чувством долга»: *«Руководству вокзала советуем обращать внимание на каждую деталь, чтобы не портить имя, заработанное честным и непосильным трудом. А редакция Vesti.Az готова бесплатно помочь в нахождении и исправлении ошибок. Почему бесплатно? Да потому, что за державу обидно...»* [7].

Как видим из примеров, ФН особенно активно используют в публицистике, поскольку они обладают яркой эмоционально-экспрессивной окраской и приносят в текст оригинальность.

В заключении можно сделать вывод о динамических процессах фразообразования, происходящих в современном русском языке. Фразеологические неологизмы активно отражают новые явления в

современном обществе, тем самым представляя интерес для дальнейшего изучения нового языкового материала в коммуникативно-прагматическом аспекте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белко В.К. Жгучий глагол: Словарь народной фразеологии / Владимир Кузьмич Белко. – Зеленый век. – 2000 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://maxima-library.org/izbrannoe/b/251949/read>.
2. Пирогов Л. Погнали наши городских, или Откуда ноги у «нового реализма» / Лев Пирогов // Литературная газета. – 6262 (№58). – 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://public.wikireading.ru/148400>.
3. Ермолаева М.В. Фразеологические новообразования, реализующие коммуникативные установки современных носителей русского языка / М.В. Ермолаева // Вестник ЮУрГУ: серия «Лингвистика». – 2016. – Т. 13. – №3. – С. 27–30.
4. Мокиенко В.М. Большой словарь русских поговорок / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.
5. Ермаков В. За державу обидно / Ермаков Валерий // Открытые письма Путину В.В. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://napisat-pismo-putinu.ru/raznoe/za-derzhavu-obidno-3>.
6. Вести.аз [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vesti.az/news/346119>.

Араму Виорика Николаевна
ГБОУ СПО ЛНР «Луганский художественно-
промышленный колледж»
lhpp16@yandex.ru

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ
В РАССКАЗЕ МИХАИЛА ШОЛОХОВА
«СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА»**

Фразеологические единицы (далее – ФЕ) способны сделать повествование более красочным, образным, сформировать идиостиль писателя. Рассказ «Судьба человека» относится к числу лучших произведений М. Шолохова. Главный герой Андрей Соколов, победивший свою судьбу, остался Человеком, и символом этой победы стал ребёнок.

Для того чтобы раскрыть образ Андрея, а через него – идею произведения в целом, автор среди прочих средств использует и ФЕ, на одну страницу текста в среднем приходится по 1,8 ФЕ.

Автор использует речевую характеристику. Речь героя наполнена разговорными и просторечными ФЕ, состав которых указывает на социальный статус, уровень развития, характер: *«Иной раз не спишь ночью, глядишь в темноту пустыми глазами и думаешь: «За что же ты, жизнь, меня так покалечила? За что так исказила? Нету мне ответа ни в темноте, ни при ясном солнышке... нету и не дождусь!»*. Если в речи героя распространены разговорные ФЕ, то речи автора свойственны нейтральные: *«Мальчик был одет просто, но добротно: и в том, как сидел на нём подбитый лёгкой, поношенной цигейкой длиннополый пиджачок, и в том, что крохотные сапожки были сшиты с расчётом надевать их на шерстяной носок, и очень искусный шов на разорванном когда-то рукаве*

пиджачка – всё выдавало женскую заботу, умелые материнские руки». Такой контраст дает возможность лучше понять героя и глубже проникнуться идеей автора. Интересен и состав ФЕ с точки зрения их соотносительности с частями речи. Среди 22 ФЕ 9 соотносятся с глаголом, 6 – с наречием, 7 – с незнаменательными частями речи (4 – с междометием, 3 – с модальными словами). В рассказе «Судьба человека» наиболее распространены глагольные ФЕ, однако интересно, что эти единицы характеризуют не столько действие, сколько внутреннее, психологическое состояние героев, например, ФЕ *кренделя ногами выписывать* – «быть пьяным»: *«Бывало и так, что идёшь домой и такие крендели ногами выписываешь, что со стороны глядеть страшно*». Использование таких фразеологизмов свидетельствует о том, что для М. Шолохова важно показать не столько внешние действия героев, сколько, прежде всего, те чувства и мысли, которыми были вызваны эти действия. Адвербиальные ФЕ, используемые М. Шолоховым для характеристики действий героя, отражают его характер и образ жизни. Андрей постоянно думает о своих родных и близких: *«Тут у самого от жалости к ней сердце на части разрывается, а тут она с такими словами. Должна бы понимать, что мне тоже нелегко с ними расставаться, не к теще на блины собрался»*. ФЕ *не к теще на блины собрался* означает в данном контексте «туда, где очень тяжело».

Адвербиальные фразеологизмы являются ярким средством характеристики действия, указывают на отношение автора к его поступкам: *«С тяжёлой грустью смотрел я им вслед... И вдруг словно мягкая, но когтистая лапа сжала моё сердце, и я поспешно отвернулся. Тут самое главное – не ранить сердце*

ребёнка, чтобы он не увидел, как бежит по твоей щеке жгучая и скупая мужская слеза...».

Для раскрытия образа героя особенно важны ФЕ, соотносящиеся с междометиями, которыми насыщена речь Андрея: *«Марш за нами, тебя сам лагерфюрер требует. Понятно, зачем требует. На распыл».*

Однако наиболее яркими являются диалектные единицы: *«Ты что же делаешь, фашист несчастный?»*, *«Аж красные искры у меня из глаз посыпались».* Они используются для выражения возмущения и негодования. Кроме того, включение подобных выражений в текст характеризует М. Шолохова как писателя, мастерски владеющего языком и умело использующего различные его пласты.

Использование модальных ФЕ способствует приобщению читателя к творческому процессу, заставляет его размышлять над произведением, задумываться над тем, что хотел сказать автор и как он оценивал описанные события.

Таким образом, грамматическая характеристика ФЕ имеет очень большое значение: автор тщательно выбирает используемые единицы, каждая идиома точно передает его мысль, ни одна из них не является случайной.

При анализе произведения было замечено, что писатель достаточно редко прибегает к индивидуально-авторским преобразованиям ФЕ: *«Идём с ним враздробь, как конь с черепахою»*, *«Почём фунт лиха стоит»*, *«Хоть шаром покати»*, *«А тут ведь за ним глаз да глаз нужен».* Преобразование ФЕ изменяет ее стилевую принадлежность: из нейтральной она превращается в разговорно-просторечную, что в большей степени свойственно речи героя и соответствует языковому окружению.

Таким образом, ФЕ в творчестве М.А. Шолохова играют значительную роль. Их использование делает его произведение более выразительными, приобщает читателя к творческому процессу, заставляет задуматься над идеей, которую автор пытался воплотить с помощью фразеологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библиотека мировой литературы для детей / М. Шолохов. – М.: «Детская литература», 1977.
2. Виноградов В.В. Лексикология и лексикография: Избранные труды / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1977.
3. Шанский Н.М. Фразеология русского современного языка / Н.М. Шанский. – М.: Высшая школа, 1985.
4. Ашукин Н.С. Крылатые слова / Н.С. Ашукин. – М.: Издательство Москва, 1960.
5. Даль В.И. Пословицы русского народа / В.И. Даль. – М.: Художественная литература, 1989 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/contents.nsf/dahl_proverbs/.

Белякова Юлия Александровна
ГБОУ СПО ЛНР «Антрацитовский горный колледж»
yuliya.belyakova.2012@bk.ru

БИБЛЕЙСКИЕ ВЫРАЖЕНИЯ В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Часто мы употребляем яркие языковые перлы, не ведая, откуда то или иное слово или выражение пришло к нам. Первоначальный адрес многих из них – Библия. Даже тот, кто в жизни никогда не держал в руках эту книгу, постоянно обращается к ней.

Целый ряд библейских выражений, ставших фразеологизмами, понять трудно, если не знать их происхождения. Вот некоторые из них.

Манна небесная. Сорок лет вел пророк Моисей свой народ по пустыне, где, как известно, нет ни съедобных растений, ни живности. И погибли бы люди от голода, если бы Бог не послал им с неба манну: «Народ же ходил и собирал ее, и молот в жерновах или толочил в ступе, и варил в котле, и делал из нее лепешки; вкус же ее подобен был вкусу лепешек с елеем» [1, Числа, гл.11, 7, 8, 9].

Глас вопиющего в пустыне. В книге пророка Исаии означало благовест – голос, возвещающий о Боге. «Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте в степи стези Богу нашему» [1, Исаия, гл. 40, 3]. В современном русском языке употребляется как книжное, часто с ироническим оттенком. Так говорят о случаях, когда нет надежды на результативность высказанного кем-либо сообщения, предложения.

Святое святых (святая святых). В древнем тексте это словосочетание встречается лишь в описании культового сооружения: «Вот закон храма: на вершине горы все пространство его вокруг – Святое святых...» [1, Иезекииль, гл. 43, 12]. Ныне же употребляется тогда, когда речь идет о чем-то самом дорогом, заветном. Как и ряд других фразеологизмов, является принадлежностью книжной речи, в основном публицистического стиля.

Соль земли. Так называет Иисус Христос своих учеников, обращаясь к ним в Нагорной проповеди: «Вы – соль земли» [1, Матфей, гл. 5, 13]. В современном русском языке это выражение применяется по отношению к выдающимся представителям какого-либо общества, общественной группы.

Бросить камень. Это часть фразы, сказанной Христом в то время, когда к нему привели повинную в грехе женщину: «Кто из вас без греха, первый брось в нее камень» [1, Иоанн, гл. 8,7]. Современное значение – осуждать кого-либо, предъявляя ему обвинения.

Испить чашу (испить горькую чашу). Иисус обращается к одному из своих учеников – апостолу Петру: «Неужели Мне не пить чаши, которую дал Мне Отец?» [1, Евангелие от Иоанна, гл. 18, 11]. В современном языке означает испытывать несчастья.

Нести свой крест. До места казни Иисус Христос нёс на себе тяжёлый крест, на котором его потом распяли. «И, неся крест Свой, Он вышел на место, называемое Лобное, по-Еврейски Голгофа» [1, Иоанн, гл. 19, 17]. *Нести свой крест* означает терпеть муки, страдать.

Фома неверующий – апостол, ученик Христа, который не хотел поверить в его воскресение из мертвых, пока собственными глазами не увидит ран от гвоздей на теле Иисуса. «Потом говорит Фоме: подай перст твой сюда и посмотри на руки Мои; подай руку твою и вложи в ребра Мои; и не будь неверующим, и верующим» [1, Иоанн, гл. 20, 27]. *Фома неверующий* говорят о человеке, упорно не желающем поверить во что-то очевидное.

Умывать руки. Словосочетание представляет интерес тем, что означает снять с себя ответственность за что-нибудь, отстраниться от чего-либо фразеологизм употребляется сегодня. В прямом смысле употребляется в Библии: «Зачем ученики Твои преступают предание старцев? Ибо не умывают рук своих, когда едят хлеб» [1, Матфей, гл. 15, 2].

Иудин поцелуй. По преданию, Иуда привел с собой вооруженную стражу и, поцеловав Иисуса, тем самым выдал его. «Предающий же Его дал им знак, сказав: Кого я

поцелую, Тот и есть, возьмите Его...» [1, Матфей, гл. 26, 48, 49]. Фразеологизм означает предательство, измену.

Козёл отпущения. Выражение связано с древнейшим обычаем жертвоприношения. Для искупления грехов к священнику приводили двух козлов. Одного из них по жребию приносили в жертву, а второго живым отпускали в пустыню, предварительно совершив над ним обряд: «И понесет козел на себе все беззакония их...» [1, Левит, 16, 21, 22]. Ныне козлом отпущения называют человека, на которого постоянно сваливают ответственность за все, что бы ни случилось.

В основе многих библейских фразеологизмов лежит метафора, гипербола, аллегория. «Созданные много веков назад, они точно и ярко характеризуют явления современной жизни: *упасть духом* [1, Иов, гл. 4, 5]; *сеять зло* [1, Иов, гл. 4, 8]; *волосы становятся дыбом* [1, Иов, гл. 4, 15]; *пускать на ветер* [1, Иов, гл. 6, 26]; *вода стирает камни* [1, Иов, гл. 14, 19]; *отвести душу* [1, Иов, гл. 33, 18] и множество других» [2, с. 68].

Роль библейских выражений в обогащении русской фразеологии трудно переоценить. Их значение не только в художественной ценности, но и, главное, в том нравственном заряде, который несут они в себе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия: Книги священного писания Ветхого и Нового Завета: Канонические. – М.: Российское библейское общество, 1998.

2. Грибова Л.А. Алмазные россыпи / Л.А. Грибова // Русский язык и литература. – № 10 (141). – 1991. – С. 65–68.

Бунга Оксана Николаевна
ГБОУ ЛНР «Краснолучская
общеобразовательная школа I-III ступеней №3»
Bunga1988@mail.ru

ФРАЗЕОЛОГИЯ АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА ГРИБОЕДОВА

В середине XX века ученые-лингвисты подробно начали изучение устойчивых сочетаний слов. Отдельное внимание отводится авторским фразеологическим единицам, которые позволяют глубоко понять самобытный характер русского народа. Мастерами образного языка считаются Иван Андреевич Крылов, Антон Павлович Чехов, Александр Николаевич Островский и другие. Особый интерес вызывает комедия Александра Сергеевича Грибоедова «Горе от ума», которая занимает первое место в русской литературе по количеству фразеологических единиц в одном произведении. Многие крылатые выражения вошли в нашу речь и становятся общеупотребительными. Ниже представлены фразеологизмы из комедии «Горе от ума», которые прочно закрепились в современном языке.

Счастливые часов не наблюдают. Фраза употребляется в прямом смысле, когда человек счастлив, течение времени для него совершенно не важно. Но при этом, почему-то, время в такие мгновения течет до неприличия быстро: «Лиза: «Смотрите на часы, взгляните-ка в окно: Валит народ по улицам давно; а в доме стук, ходьба, метут и убирают». Софья: «Счастливые часов не наблюдают» [1, действие I, явление 3, с. 7].

Герой не моего романа. Выражение имеет значение «не в моем вкусе»: «Чацкий: «Но Скалозуб? Вот заглядень! За армию стоит горой, и прямизною стана,

Лицом и голосом – герой...» Софья: «Не моего романа» [1, действие III, явление 1, с. 58].

Ум с сердцем не в ладу. Высказывание применяется к тем, кто влюблён. Это означает, что если человека настигла любовь, обрести гармонию между разумом и чувством нелегко: «Чацкий: «Ум с сердцем не в ладу» [1, действие I, явление 7, с. 17].

Хорошо там, где нас нет. Человек очень часто бывает недоволен своим нынешним положением, считая, что где-то в другом месте ему будет гораздо лучше, совершенно не задумываясь, что и там, где его нет сейчас, также много проблем. Фраза прочно закрепилась в русском языке как пословица: «Софья: «Гоненье на Москву! Что значит видеть свет! Где ж лучше?». Чацкий: «Где нас нет» [1, действие I, явление 7, с. 19].

Злые языки страшнее пистолета. Нравственные страдания, которые навлекают на человека клеветники, злопыхатели и т. д., бывают порой страшнее физических мук и самой смерти: «Молчалин «Ах, злые языки страшнее пистолета!» [действие II, явление 11, с. 49].

С чувством, с толком, с расстановкой. В комедии фраза касается скорости прочтения текста. Впоследствии это выражение стало крылатым. Оно обычно используется, когда кому-то советуют что-то делать неспешно, вдумчиво, не торопиться, чтобы понять, прочувствовать и(или) донести это до других в удобном для понимания виде: «Фамусов: «Читай не так, как пономарь, а с чувством, с толком, с расстановкой» [1, действие II, явление 1, с. 25].

Проанализировав самые яркие фразеологические обороты из комедии А.С. Грибоедова, мы пришли к выводу, что труд писателя неоценим, так как благодаря его тонкому уму наш язык пополнился замечательным пластом высказываний, делающих речь насыщенной и

эмоциональной. В мае 1825 года писатель В.Ф. Одоевский утверждал: «Почти все стихи комедии Грибоедова сделались пословицами, и мне часто случалось слышать в обществе целые разговоры, которых большую часть составляли стихи из "Горя от ума"» [3, с. 1–12]. Сам же Александр Сергеевич Грибоедов писал, что «первое начертание этой сценической поэмы, как оно родилось во мне, было гораздо великолепнее и высшего значения, чем теперь в суетном наряде, в который я принужден был облечь его... Ребяческое удовольствие слышать стихи мои в театре, желание им успеха заставили меня портить мое создание, сколько можно было» [4, с. 142].

ЛИТЕРАТУРА

1. Грибоедов А.С. Горю от ума / А.С. Грибоедов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.Royallib.ru>.
2. Московский телеграф. – 1825. – Ч. 3. – № 10. – С. 1–12.
3. Драматический писатель и публика. Черновой набросок не для печати по поводу «Горя от ума» // Русский архив. – 1874. – № 6.
4. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка / Н.М. Шанский. – М.: Высшая школа, 1985.
5. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. – М.: Локид-Пресс, 2003.

Василенко Елена Сергеевна
ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный
университет имени Тараса Шевченко»
damiancvua@gmail.com

СОВРЕМЕННАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ: МЕМЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Влияние Интернета на современное общество сложно переоценить: Сеть стала неотъемлемой частью человеческой жизни, и сейчас довольно сложно представить себе сферу общественных и личных взаимоотношений, которая бы не испытала на себе влияние «интернет-глобализации». Речевое общение не исключение.

Надо отметить, что изучение фразеологических особенностей языка Интернета началось относительно недавно (см., например, работы В.Ф. Хайдаровой). Опираясь на общую теорию фразеологии, ученые пытаются проанализировать функционирование «традиционных» фразеологизмов в Сети, описать способы фразеологических трансформаций, выявить природу фразеологических окказионализмов и неологизмов.

Под интернет-фразеологизмами (сетевыми фразеологизмами) мы понимаем устойчивые обороты, обладающие основными категориальными признаками фразеологических единиц (идиоматичность, устойчивость, воспроизводимость), возникшие в Глобальной сети и используемые преимущественно в этой сфере.

Мем – это единица культурной информации. Им может быть любая фраза, идея, символ, изображение или звук, которые передаются от человека к человеку на основе подражания. Впервые термин «мем» был употреблен британским ученым Ричардом Докинзом в

книге «Эгоистичный ген» 1976 г. Данная книга стала отправной точкой в зарождении науки меметики, которая собственно изучает вопросы происхождения, развития и влияния мемов на человеческую культуру.

Интернет-мемы, конечно, не тождественны фразеологизмам хотя бы потому, что включают в себя единицы разной природы: слова, часто окказиональные, эрративные (*интернетсы; ничоси, узбагойся*); устойчивые сочетания (*капитан очевидность; британские ученые*); цитаты и их модификации (*денег нет, но вы держитесь; а чего добился ты?; делать этого я конечно не буду*); изображения, аудио, видео и пр. Тем не менее многие устойчивые интернет-выражения имеют мемовую природу и связаны с ситуацией / событием / человеком, популярным в Интернете в определенное время. Во-вторых, интернет-фразеологизмы в большей степени, чем традиционные обороты, соотносятся с понятием моды, меняющейся достаточно быстро, поэтому жизнь многих таких выражений яркая, но довольно короткая. В-третьих, может показаться, что интернет-фразеологизмы часто основаны на языковой игре, на нарушении языковых, особенно орфографических, норм (*аффттар жжот, ржу ни магу*) и этических правил (использование нецензурной или грубой лексики). Однако наши наблюдения над современным словоупотреблением позволяют сделать вывод о том, что мода на эрративное написание уходит, и даже те выражения, которые изначально принадлежали «жargonу падонков», сейчас приобретают нормативный вид: *многа букаф* – «много букв» [1].

С целью определения степени семантической освоенности и эмоционального принятия сетевых фразеологизмов носителями русского языка нами был проведен опрос, участникам которого было предложено

определить наиболее популярные сетевые фразеологизмы, а также их значение и происхождение.

Участниками опроса выступили студенты различных специальностей в возрасте от 17 до 25 лет (всего получено 47 опросных листов). Практически все респонденты оценили свой уровень владения Интернетом как хороший / высокий и отметили, что используют Сеть часто / постоянно (в среднем 8,5 часов в день). Наиболее часто посещаемыми сайтами были названы социальные сети ВКонтакте, YouTube и Инстаграм.

Респондентам было предложено определить наиболее популярные фразеологизмы, встречающиеся на просторах Интернета, выяснить их происхождение и предполагаемое значение.

Наиболее известными оказались следующие фразеологизмы:

1) *Это фиаско, братан!* (47%). Правильное происхождение данного мема назвали 20% опрошенных (видео на канале YouTube, автор которого – Владимир Лавров из Пятигорска и его собака Стив). Значение же интерпретируется как «потерпеть поражение», «неудача».

2) *на доньшке* (39%). Все респонденты знакомы с происхождением данного фразеологизма (Передача «Пусть говорят» с Андреем Малаховым, цикл о Диане Шурыгиной, авторство её же). Встречаются следующие значения: «немного, небольшое количество чего-либо», «большое количество чего-либо, выдаваемое за меньшее».

3) *хайпанем немножечко* (27%). Только 10% студентов знают, что данный фразеологизм принадлежит авторству Владимира Дружко и прозвучал в одном из выпусков его передачи «Дружко-шоу», но при этом все респонденты дают однозначное трактование этого фразеологизма – «поднять шумиху ради популярности».

Среди наиболее интересных, но редко встречающихся фразеологизмов следует также отметить следующие: *вжух, ничоси, узбагойся, но это не точно, так, блэт*. И единичные упоминания: *весь мир русский язык, а ты в нем слово «ихний»*; *совсем скоро Кевин останется дома один; он вам не Димон*.

Подводя итог, подчеркнем, что интернет-фразеологизмы, полученные нами в ходе опроса, обладают разной степенью семантической освоенности: хорошо известны, понятны и относительно активно употребляемы. Радует, что молодые носители языка осознают принадлежность этих выражений интернет-коммуникации и стараются не злоупотреблять ими в своей повседневной речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Интернет-мем [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www. phluder.ucoz.ru/publ/2-1-0-21](http://www.phluder.ucoz.ru/publ/2-1-0-21) (дата обращения: 12.01.2018).
2. Докинз Р. Эгоистичный ген / Р. Докинз. – М.: Мир, 1993.
3. Хайдарова В.Ф. Становление лексико-фразеологического корпуса Интернет-языка как синергетический процесс / В.Ф. Хайдарова. – Челябинск, 2011. – 19 с.

Воронина Светлана Александровна
Колледж Луганского национального университета
имени Владимира Даля
S.Voronina73@mail.ua

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ РУССКИХ И КИТАЙСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК

Сказки – неотъемлемая часть фольклора каждой национальности. Они отражают быт, культуру, менталитет и историю языка. Они передаются из уст в уста, из поколения в поколение. Существуют особенности восприятия фольклора каждого народа, особенности передачи художественных произведений при переводе с одного языка на другой при помощи единиц языка, одними из которых являются фразеологизмы.

Фразеологизмы – это устойчивые сочетания слов, близкие по лексическому значению одному слову, поэтому фразеологизмы часто можно заменить одним словом, менее выразительным. Фразеологизмы существуют на протяжении всей истории языка. Уже с конца XVIII века они объяснялись в специальных сборниках и толковых словарях под различными названиями: крылатые выражения, афоризмы, идиомы, пословицы и поговорки [2, с.50].

Огромную роль для формирования фразеологии любого народа играют сказки, мифы, предания, легенды. Именно этот пласт народного творчества питает образную базу языка, делает его насыщенным и красочным. В русском и китайском языках такая ситуация прослеживается как нигде ярко.

Впрочем, говоря о китайском языке, следует сделать уточнение. Дело в том, что огромное воздействие

на формирование метафор в языке оказала классическая литература. Самые яркие образы, символы китайский народ черпал и продолжает черпать из своих литературных шедевров: философских трактатов, исторических хроник, художественной литературы, легенд и мифов.

Источниками исконно русских фразеологизмов выступают быт и традиции, верования древних славян, профессии и ремесла, тексты Библии.

Постоянный герой русской сказки – Иванушка-дурачок. Он лежит на печи и не работает. Зато потом выходит победителем из всех ситуаций, женится на царевне и получает полцарства. Из этих сказок родились поговорки: дуракам закон не писан, дуракам везет [2, с. 79]. Иванушка-дурачок в современном понимании – «человек, не руководствующийся общепринятыми законами и принципами, а создающий свою наивную логику».

В XII – XIV веках на Руси были популярны скоморохи – бродячие актеры, которые первыми узнавали новости и в отсутствие газет были незаменимыми источниками информации. Знали они также и много народных сказок. Как повелось, сначала слушателей подготавливали – рассказывали присказку. Часто в стихотворной форме, с прибаутками. Затем следовало повествование. Обычные фразеологизмы из сказок, примеры для начала сказания: «В некотором царстве, в некотором государстве»; «За тридевять земель»; «В тридевятом царстве»; «На море-окияне, на острове Буяне». Потом шел рассказ о приключениях главного героя. Он преодолевал трудности и встречал разные чудеса: «Шел горами высокими, плыл реками глубокими»; «Три дня и три ночи»; «Долго ли, коротко ли»; «Молочные реки и кисельные берега»; «Ни в сказке сказать, ни пером описать»; «Сказано – сделано». Заканчивалось

повествование послесловием: «И я там был, мед-пиво пил».

В древних летописях XIII – XIV веков сохранились сведения о волхвах – славянских языческих жрецах, передававших тайные знания своим последователям через сказы и былины, часто играя на гусях. До нас дошли фразеологизмы из сказок волхвов, сейчас потерявшие прежнее значение: *Толочь воду в ступе* – сейчас так называют бесполезное занятие; *бить баклуши* – это символ безделья; *писать вилами по воде* – означает неопределенные обещания.

Фразеологизмы китайского языка проявляются в способах образного переосмысления фактов действительности, в типологических особенностях языка. В китайских фразеологизмах часто встречаются реалии, которые хорошо знакомы и понятны китайцам, но остаются загадкой для иностранцев. Например, «височная прядь волос» не имеет аналога в русском языке [3, с. 111], а в Древнем Китае такую прядь специально отращивали и мужчины и женщины. По ним сразу узнавали китайцев.

Некоторые слова в китайском языке входят во фразеологизмы, без которых он утратил бы присущую ему образность. Например, бамбук, о котором ещё древние китайцы говорили, что в жизни немислимо обойтись без бамбука: он и пища, и кров, и одежда, и бумага, и обувь. Отсюда и масса фразеологизмов, связанных с бамбуком: «Лучше уж пища без мяса, чем жилище без бамбука»; «Выложить всё, рассказать без утайки, как на духу» – в буквальном переводе звучит следующим образом: «выкатить горошины из бамбуковой трубки – ни одной не оставить»; *чэньюй* – «неисчислимы злодеяния» – в буквальном переводе звучит так: «не хватит всех бамбуковых дощечек для письма, чтобы описать все злодеяния».

Очень много китайских фразеологизмов, берущих свое начало в мифах: *Jing wei tian hai* (цзиньцзэй) – мифическая птица, в которую превратилась утонувшая в Восточном море дочь Шэнь-нуна; *засыпает море* – «упорно идти к цели»; *Shou zhu dai tu* – «сторожить пень в ожидании зайца» (согласно притче о крестьянине, который нашел зайца, разбившегося о пень, и после этого, забросив поле, стерег пень в ожидании другого зайца), «пассивно ждать дара судьбы, рассчитывать на милость рока, забросив свое дело» [3, с. 65–81] и др.

В китайском языке немало фразеологических единиц, берущих свое начало в далеком историческом прошлом китайского народа: *da qi wan cheng* – «большой сосуд долго делается» (данное выражение взято из книги Лао-цзы «Даодэцзин» в значении «только время формирует характер»); *bei shui yi zhan* – «вести бой, имея в тылу водный рубеж» (выражение взято из книги «Исторические записки» Сыма Цяня).

Без фразеологизмов наш язык был бы беден и невыразителен. Вовремя сказанное меткое слово способно выразить суть сказанного, утешить народной мудростью, разрядить напряженную обстановку. Речь, богатая народными пословицами, интересна и самобытна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка / А.И. Молотков. – СПб.: Наука, 2006. – 248 с.
2. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки / В.Я. Пропп. – М.: Лабиринт, 2011. – 147 с.
3. Ходза Н.А. Свадьба дракона. Китайские сказки / Н.А. Ходза. – М.: НИГМА, 2012. – 144 с.

Гуртовая Татьяна Викторовна
Колледж Луганского национального университета
имени Владимира Даля
gurtovayat@mail.ua

СОВРЕМЕННЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Современные средства массовой информации во многом определяют языковую, социально-психологическую и культурную ситуации в обществе. Информирова человека о состоянии мира и заполняя его досуг, СМИ оказывают влияние на весь строй его мышления, на стиль мировосприятия, на тип современной культуры.

Язык СМИ относят к одной из основных форм языкового существования. Именно анализ текстов массовой коммуникации позволяет сделать вывод относительно языковой компетенции говорящих и тех тенденций в развитии литературных языков, которые наблюдаются в данный период.

Обладая высоким престижем и самыми современными средствами распространения, язык СМИ выполняет в «информационном обществе» роль своеобразной модели национального языка, он активно воздействует на литературную норму, языковые предпочтения.

С одной стороны, язык массовой коммуникации по своему обогащает литературный язык, насыщая его оценочными оборотами, формируя отточенную, нередко афористическую речь. С другой стороны, нельзя не видеть негативной роли языка некоторых СМИ, изобилующего многообразными отступлениями от нормы, наводняющего речь жаргонизмами и иноязычными словами. Именно в

СМИ происходят активные процессы изменения языковой нормы русского языка.

Новые лексические единицы (слова, устойчивые словосочетания, фразеосочетания) формируются в большинстве в тех же тематических сферах, в которых осуществляется заимствование, что свидетельствует о единых причинах этих двух явлений в современном русском языке. Количественно среди новых единиц преобладают устойчивые словосочетания.

В тематической сфере «рыночные отношения» появились такие единицы, как *рекламодатель, работодатель* (калька с немецкого), *лоббировать*, устойчивые сочетания – *коммерческие структуры, налоговая полиция, валютный коридор, кризис неплатежей, либерализация цен, выиграть тендер, теневой сектор*.

В тематической сфере «массовая культура и быт» возникают такие единицы, как *чернуха, ужастик, видик, видак, таксовать*. Наибольшее количество новых единиц возникает в тематической сфере «политика». К примеру, возникают многочисленные названия различных политических сил – *зюгановцы, жириновцы, державники, коммуно-патриоты, выбороссы, демороссы, нардепы, думцы, силовики* и др.; устойчивые сочетания – *ближнее зарубежье, дальнее зарубежье, вынужденные переселенцы, властные структуры, коммерческие структуры, квалифицированное большинство, силовые министерства, региональная элита, субъекты федерации, муниципальная собственность, криминальные структуры, проходной кандидат*.

Анализируя способы образования новых единиц в последнее десятилетие, выделяют следующие характерные черты: активизация словообразования от ключевых для сегодняшнего этапа развития языка слов (*путч, ГКЧП,*

рынок, совок, тусовка, бомж, разборка); активизация словообразования от базовых основ – собственных имен (*зюгановцы, баркашовцы, антигорбачевский, гайдаровщина, брежневщина, шариковщина*); увеличение числа наименований процессов на *-изация, -ировать, -изировать*; рост именной префиксации (особенно активны префиксы *после-, пост-, до-, анти-, контр-, псевдо-, квази-, де-*: *постимперский, дореформенный, постперестроечный, антигорбачевский, посттоталитарный, деполитизация, псевдодемократический*); образование универбатов (*пятиэтажка, напряженка, визитка, неучтенка*); аббревиация как средство создания экспрессивных номинаций (*ЯБЛОКО, нардепы*); активизация префиксации иноязычных глаголов (*пролоббировать, отрекламировать, спрогнозировать, пробойкотировать, отксерить*); образование каскадов незуальных лексических единиц (*грузинизация, абсурдистан, гимназиада, рерихнутый*).

Активизация образования нарицательных имен от собственных (*шариков, ленья голубков, кашпировский*), увеличение суффиксального словообразования от иностранных основ (*ваучеризация, долларизация, нуклеаризация, гешефтники*). В.Г. Костомаров отмечает возникновение составных наименований, образованных в основной массе путем калькирования английских образцов, в которых компоненты русской единицы выстраиваются в присутствии английского языка порядке: *факс-аппарат, бизнес-клуб, мастер-класс, дебют-альбом, факс-модем* [3].

Следует также отметить пропагандистское словотворчество, ведущее к появлению специфических лексических единиц оценочного характера. Так, в процессе «митинговой войны» возникли такие единицы, как *коммуняки, наплюйрализм, прихватизация, телявидение*,

объегорить-обгайдарить и ряд других. Функционируют устойчивые сочетания: *средний класс, адресные меры, дикий рынок, шоковая терапия, теневая экономика, теневые доходы, отмывание денег, пакет предложений, момент истины, агент влияния, русскоязычное население, лицо кавказской национальности, страны ближнего (дальнего) зарубежья, группа поддержки, потребительская корзина, встреча без галстуков, размер минимальной зарплаты*. Новым в таких клише является именно сочетание слов, а не слова как таковые. В образовании новых, актуальных устойчивых словосочетаний может участвовать некоторый набор ключевых слов, объединяющих словосочетания в единое семантическое поле. Например, *силовой – силовые руководители, силовые министерства, силовые министры, силовые структуры; пространство, поле – конституционное пространство, административное пространство (поле), антимонопольное пространство, экономическое пространство (поле), политическое пространство, общеобразовательное пространство, культурное пространство (поле), психологическое пространство*.

Находясь в постоянном движении, язык СМИ непрерывно развивается, совершенствуется, имея свое настоящее, прошлое и будущее. Обогащение словаря – это один из важнейших факторов развития языка, свидетельство его динамического характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2001.
2. Стернин И.А. Общественные процессы и развитие современного русского языка. Очерк изменений в

русском языке конца XX века / И.А. Стернин. – Воронеж, 2004. – 93 с.

3. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи / В.Г. Костомаров. – М., 1984. – С. 81.

Канунникова Оксана Валерьевна
ДНР, Горловская общеобразовательная
школа I-III ступеней №23
kanunnikova.oksana@yandex.ua

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В КОМЕДИИ Н.В. ГОГОЛЯ «РЕВИЗОР»

Современные образовательные тенденции предусматривают формирование и развитие у учащихся различных компетенций, включая ценностную, которая предполагает усвоение знаний и выработку умений ценить культурное наследие своего и других народов. В этой связи учеными (Н.М. Андронкина, В.А. Зайцева, Л.П. Костикова, Т.А. Сырина и др.) большое внимание уделяется формированию лингвокультурной компетенции, которая интерпретируется как усвоение текстов культуры, в том числе так называемых «малых» текстов, например, пословиц, поговорок, фразеологизмов и т. д. Важность изучения таких устойчивых выражений отмечал еще М.В. Ломоносов, убеждая в необходимости включения таких единиц в словари. Он называл их «российскими пословиями», «фразесами» «идиоматизмами» [1]. Последний термин образован от греческого слова *idioma* (идиома), что значит «своеобразная». Исследования ученых позволили установить, что фразеологизмы обладают особой лингвокультурологической значимостью, поскольку они по-особому отражают культурные

традиции, мировоззрение народа на различных исторических этапах его развития.

Фразеология как наука очень молода. За эти годы сделано много: изучены многие теоретические вопросы, собран и представлен в словарях огромный материал устойчивых единиц. Но на сегодня важной лингвистической и образовательной задачей является изучение «писательской» фразеологии, особенный интерес в которой представляет авторская, оригинальная фразеология.

В связи с этим особое внимание хотелось бы обратить на творчество Н.В. Гоголя. Значение писателя в истории литературного языка определяется творческой изобретательностью, которую он обнаруживал при использовании общеупотребительной фразеологии. Многие выражения имеют и прямые, и переносные, образно-фигуральные значения. Гоголь мастерски пользовался этой смысловой и стилевой многогранностью единиц языка. Изобилие фразеологизмов, которые писатель использовал в «Ревизоре», поражают и удивляют читателя своей оригинальностью.

С помощью фразеологизмов писатель дает яркую характеристику героям литературных произведений. Например, в замечаниях для господ актеров Гоголь, давая характеристику Хлестакову, пишет: «... *как говорят, без царя в голове...*», то есть человек глупый, ограниченный умом. С помощью одного фразеологизма Гоголь охарактеризовал его, как человека не понимающего, что он делает. А Хлестаков в письме к Тряпичкину о городничем говорит: «*городничий – глуп, как сивый мерин*», что означает «безнадежно глуп» [2, т. 4, с. 54, 67].

Чтобы охарактеризовать начальника Аммоса Федоровича, писатель говорит: «*Начальство имеет тонкие виды, а оно себе мотает на ус*», показывая тем

самым, что тот рассчитывает использовать ситуацию в свою пользу и все примечает [2, т. 4, с. 57]. В споре о взятках и сотворении мира Гоголь от лица городничего заявляет, что «*просто волосы дыбом поднимаются*» [2, т. 4, с. 58], выражая ярким фразеологизмом весь ужас происходящего.

Для описания полной картины состояния Бобчинского от встречи с Хлестаковым, Николай Васильевич использует следующую фразеологическую единицу: «...*Меня так и проняло страхом*», что означает сильный испуг Бобчинского [2, т. 4, с. 43]. Показывая надежду городничего на хороший исход дела, автор вкладывает в его уста следующую фразу: «*авось Бог вынесет и теперь*» [2, т. 4, с. 37].

Кроме характеристики персонажей, Гоголь использовал в комедии фразеологические сочетания и как важное стилистическое средство для выражения иронии. Так, именно они создают ироническую тональность поздравительной речи судьи Ляпкина-Тяпкина, обращенной к городничему: «*Большому кораблю – большое плаванье <...> (в сторону)*. Вот выкинет штуку, когда в самом деле сделается генералом! Вот уж кому пристало генеральство, как корове седло! Ну, брат, до этого еще далека песня» [2, т. 4, с. 45]. Крылатое выражение «*большому кораблю – большое плаванье*», обозначающее пожелание успеха достойному человеку, имеет положительную коннотацию, но, противопоставляясь ряду фразеологизмов с негативной семантикой: «*выкинуть штуку*» – «напроказить, поступить ловко, необычайно, неожиданно» [4], «*как корове седло*» – «совершенно, совсем не идет» [5, с. 607], «*далека еще песня*» – «еще когда-то будет, не скоро», – получает негативную оценку [4]. С помощью указанных приемов Н.В. Гоголь неявно выражает свою негативную оценку

персонажей комедии, определяющей сущностью которых являются подхалимство и корыстолюбие.

Выделив в тексте фразеологизмы, мы обращаем внимание на то, что многие из них являются видоизменением тех, которые нам уже знакомы. Например, «остановил глаза» соответствует фразеологизму «остановил взгляд», «дума против воли лезет в голову», «его мысли гуляли» – «мысли витали» и др.

Исследование фразеологических оборотов в текстах позволяет решить ряд вопросов, касающихся значимых единиц языка в целом, характера лексического значения слов, соотношения синтаксической сочетаемости слов и их значения, различных вопросов словообразования и этимологии, стилистики художественной речи. Изучение фразеологии составляет важную часть в усвоении языка, в повышении культуры речи. Правильное и уместное использование фразеологизмов придает речи неповторимую, своеобразную, особую выразительность, меткость, образность. Фразеологизмы занимают достойное место в речи народа, отражая разные явления нашей жизни, поэтому мы используем их, обогащая свой язык.

ЛИТЕРАТУРА

1. Быстрова Е.А. Учебный фразеологический словарь русского языка / Е.А. Быстрова, А.П. Окунева, Н.М. Шанский. – Л.: Просвещение, 1984. – 271 с.
2. Гоголь Н.В. Собрание сочинений в 6 томах / Н.В. Гоголь ; под общей ред. С.И. Машинского. – М., 1959.
3. Гвоздарев Ю.А. Рассказы о русской фразеологии / Ю.А. Гвоздарев. – М.: Просвещение, 1988. – 192 с.
4. Большой толково-фразеологический словарь С. Михельсона [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/contents.nsf/michelson_new.

5. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А.И. Федоров. – М., 2008.

Корниевская Дарья Владимировна
ГООУ ЛНР «Луганский экономико-правовой
лицей-интернат имени героев «Молодой гвардии»
kornievskaya.dasha@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В 10 – 11 КЛАССАХ

Фразеология любого языка – это ценный источник сведений о культуре и менталитете народа, это его представления о мифах и легендах, обрядах и обычаях, ритуалах и привычках, морали и правилах поведения.

Фразеологические единицы отражают в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы. Уместное употребление фразеологизмов усиливает выразительность фразы, добавляет оценочности, эмоциональности. Знание семантики и стилистического соответствия фразеологизмов, наличие их в активном словаре придает речи особую яркость, меткость, образность. Обогащение речи обучающихся фразеологизмами, усвоение их значения и особенностей употребления требует целенаправленной, специально организованной работы.

В школьном курсе русского языка лексика и фразеология – это тот ярус языка, который даёт богатейший материал для наблюдений по стилистике и формирует образную речь обучающихся как важнейший признак культуры речи. Процесс обучения лексики и

фразеологии (в школьном курсе они изучаются в неразрывной связи) имеет ряд этапов: начальные классы, средние и старшие. Успешное освоение этого раздела в значительной степени зависит от того, насколько в ходе обучения учитывается внутренняя связь между уровнями. Методисты выделяют следующие этапы в изучении лексики и фразеологии:

1) Пропедевтический этап – начальные классы (фразеология изучается на практическом уровне, без введения терминов).

2) Систематический этап – изучение раздела «Фразеология» (5 – 6 класс).

3) Аспектное изучение фразеологии – рассмотрение фразеологии в 7 – 9 классах в связи с другими разделами.

4) Функционально-стилистический этап – фразеология изучается в 10 – 11 классах (как, в каких стилях функционируют фразеологические единицы).

Функционально-стилистический этап является завершающим в изучении фразеологии и приходится на 10 – 11 классы. Его цель – научить будущих выпускников определять стилистическую окраску и роль фразеологизмов в художественных и публицистических текстах.

Изучив базовую и углублённую примерную программу для образовательных организаций (учреждений) Луганской Народной Республики по русскому языку для 5 – 11 классов, мы можем утверждать следующее. На базовом уровне фразеология изучается в разделах «Общие сведения о языке» («Выявление лексических и фразеологических единиц языка с национально-культурным компонентом значения в произведениях устного народного творчества, в художественной литературе и исторических текстах; объяснение их значения с помощью лингвистических

словарей. Пословицы, поговорки, афоризмы и крылатые слова») и «Лексикология и фразеология» («Фразеологизмы и их признаки. Фразеологизмы как средства выразительности речи»). На этом этапе обучающиеся осваивают основные термины фразеологии, работают со словарями и выполняют практические задания. На углублённом уровне к этим темам добавляются следующие: «Основные типы фразеологических единиц русского языка. Синонимия, антонимия, омонимия и многозначность фразеологизмов. Стилистическое расслоение русской фразеологии».

В базовой программе для 10 – 11 классов о фразеологии упоминается только в культуроведческой компетенции: «Взаимосвязь языка и культуры. Лексика, обозначающая предметы и явления традиционного русского быта; историзмы; фольклорная лексика и фразеология; русские имена. Русские пословицы и поговорки». На профильном уровне фразеология в 10 – 11 классах изучается более детально в контексте формирования языковой и лингвистической компетенций в процессе повторения лексики и фразеологии: «Фразеологические единицы русского языка: идиомы, фразеологические сочетания, пословицы и поговорки, крылатые выражения. Основные признаки фразеологизмов. Источники фразеологизмов».

Именно на этапе изучения фразеологии в 10 – 11 классах мы и остановимся. В 10 классе при повторении темы «Лексика» на уроке «Выбор из синонимического ряда нужного слова с учётом его значения и стилистических свойств» целесообразно дать такие упражнения: сгруппировать фразеологизмы по их значению; подобрать к фразеологизмам синонимичные слова или обороты. Несколько уроков развития речи можно выделить для практического закрепления

теоретических знаний о фразеологии. К примеру, можно построить на работе с текстом и фразеологическими словарями. Обучающиеся анализируют текст, находят в нём фразеологизмы, если это возможно – самостоятельно определяют их значение, если упражнение вызывает затруднение – прибегают к помощи словарей. Ещё один урок предусматривает лексико-фразеологический анализ текста: обучающимся раздаются индивидуальные карточки с алгоритмом анализа текста и словари. Их задача: с помощью алгоритма научиться видеть фразеологизмы в незнакомом тексте и понимать их значение.

В курсе 11 класса в начале учебного года даётся 1 урок на повторение темы «Лексика и фразеология». В дальнейшем, в процессе изучения стилистики, фразеологии необходимо уделять внимание на уроках развития речи, которые посвящены анализу текстов.

При изучении разговорного стиля обучающиеся проводили наблюдение над собственной речью и речью окружающих: используют ли фразеологизмы их одноклассники, учителя; правильно ли понимают значение употребляемых выражений. Знакомство с публицистическим стилем даёт возможность самостоятельной работы: обучающиеся подбирают статьи из газет и журналов и анализируют их. После им необходимо сделать вывод: изменяется ли семантика фразеологизма в определённом контексте (если да – что этому способствует). Изучение художественного стиля в полной мере раскрывает суть метапредметных связей: обучающимся предоставляются тексты из тех произведений, которые они изучают по литературе: М.А. Булгаков «Мастер и Маргарита», Б.Л. Пастернак «Доктор Живаго», М.А. Шолохов «Тихий Дон». В этом же контексте можно изучать авторские фразеологизмы, используя поэзию Серебряного века.

Логическим завершением изучение курса русского

языка являются уроки, направленные на изучение взаимосвязей языка и культуры. В качестве исследовательских заданий обучающимся предлагаются темы, связанные с отражением материальной и духовной культуры народа: источники фразеологии, происхождение некоторых фразеологизмов, влияние русского быта на формирование фольклора и фразеологии. Лицеисты подбирают необходимый материал, пишут доклады и защищают их, тренируя публичное выступление. Также продуктивными будут упражнения на перевод фразеологизмов с русского на украинский язык и наоборот.

Таким образом, работа над фразеологией как средством формирования выразительной речи учащихся позволяет сделать следующий вывод: тщательный анализ стилистических возможностей фразеологии, особенностей её использования в художественных и публицистических текстах даёт возможность ученикам обогатить свой лексический запас, расширить кругозор и сделать речь разнообразной и экспрессивной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Примерная программа для образовательных организаций (учреждений) Луганской Народной Республики по русскому языку для 5 – 9 кл. / сост. В. Волкова, С.В. Вылиток. – Луганск, 2016. – 15 с.

2. Примерная программа для образовательных организаций (учреждений) Луганской Народной Республики по русскому языку для 10 – 11 кл. / сост. В. Волкова, С.В. Вылиток. – Луганск, 2016. – 15 с.

Минка Ирина Владимировна
ГБОУ ЛНР «Алчевская гуманитарная гимназия-
детский сад им. Петра Николаевича Липовенко»
irishka-minka@yandex.ru

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ БИБЛЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Речь современного человека невозможно представить без употребления фразеологизмов. Во фразеологическом составе современного русского языка очень много места занимают обороты, приближенные к текстам Библии. Проблема, которая рассматривается в данной статье, состоит в том, что не сразу можно объяснить значение употребляемого фразеологизма, а только обращаясь к первоисточнику. Фразеологизмы, которые взяты из Библии, имеют свое значение. Наибольшее количество употребляемых в русском языке фразеологизмов библеизмов представлено в словаре библейских фразеологизмов К.Н. Дубровиной [1], который состоит из 547 единиц. Но автор отмечает, что в словаре далеко не все известные «библейские изречения», таким образом богатство русской фразеологии не исчерпывается.

Очень часто мы рассматриваем данные фразеологизмы в литературе под заголовком «Заимствованные фразеологические обороты», это правомерно только частично. На самом деле более целесообразно указывать, что интересующий нас объем фразеологизмов можно разделить на три группы:

1. Новозаветизмы, заимствованные из старославянского варианта Нового Завета, используемого с момента введения христианства на Руси по сей день. Эти фразеологические библеизмы представляют собой цитаты из Евангелий, Деяний Святых Апостолов и других книг

Нового Завета. Это многочисленная группа фразеологизмов-библейзмов: *алчущие и жаждущие (правды)* [1, с. 25]; *благую часть избрать* [2, Лк. 10, 38–42]; *в плоть и кровь* [3, с. 474]; *взыскующие града* [1, с. 79]; *еже писах, писах* [1, с. 193]; *имя им (нам) лешон* [1, с. 255]; *кимвал бряцающий* [3, с. 292] и др.

2. Новозаветизмы «русские», восходящие к синодальному переводу Библии в 1876 году и с того момента получившему распространение преимущественно среди обычных людей. Фразеологические обороты из Нового Завета представляют собой цитаты из русского текста Библии. К ним относятся: *бросить камень (в кого-либо)* [1, с. 55]; *взявший меч мечом погибнет* [1, с. 79]; *гробы окрашенные* (Мф. XXIII, 2); *жнет где не сеял* [2, гл. 25, ст. 24]; *какою мерою мерите, такою же обмерится и вам* (Матф. 7:2); *кому мало прощается, тот мало любит* [2, Лк. 7:44-47]; *кому много дано, с того много и взыщется (спросится)* [1, с. 314] и др.

3. В эту группу входят многочисленные фразеологизмы библейзмы, возникшие в русском языке на основе новозаветных образов и ситуаций путем их переосмысления. Такими, например, являются обороты *бесплодная смоковница* [1, с. 38]; *вавилонская блудница* [1, с. 65]; *блудный сын* [1, с. 45; 2, Лк. гл. 15]; *кто с мечом к нам придет, от меча погибнет* (Евангелие от Матфея, гл. 26, ст. 52); *внести (свою) лепту* [3, с. 82]; *волк в овечьей шкуре* [3, с. 88]; *заблудшая овца* [1, с. 202]; *зарыть (свой) талант (в землю)* [3, с. 202]; *книга за семью печатями* [1, с. 299]; *идти но Голгофу (на крест)* [1, с. 232]; *избиение младенцев* [1, с. 240; 3, с. 272]; *изгнать из храма* [1, с. 245] и др.

Наблюдается постепенное развитие значения библейских фразеологизмов. При этом процессе формируются новые, интернациональные фразеологические

единицы. Например, фразеологическая единица *манна небесная*, где манна (по библейской легенде) – «пища, падавшая с неба во время странствования евреев по пустыне» [4, с. 68], начинает функционировать в литературе XIX в. в различных значениях: «1. Переносно. Вкусная, приятная пища. 2. В сравнении – нечто весьма ценное и приятное. *Жду, как манны, сладких слов ваших* (Гоголь. «Мертвые души»). 3. Скучная пища, которую при том не всегда можно раздобыть (иронически). *Без гроша наличного (Владимир)... питался только что не манной небесной* (Тургенев)» [5, с. 156–162]. И наконец, во «Фразеологическом словаре русского языка» анализируемая фразеологическая единица фиксируется в значении «что-либо желанное, крайне необходимое, редкое» [6, с. 237].

Следует отметить, что фразеология – одна из самых медленно изменяющихся подсистем языка. Во фразеологии намного дольше сохраняются устаревшие слова, архаические формы и конструкции, чем в лексике.

В результате можно сделать следующие выводы:

1. Основа переосмысления фразеологизмов библеизмов заложена в самих текстах Библии. Тем не менее, это переосмысление, как уже подчеркивалось, способствует отрыву их от этих текстов и последующей интернационализации.

2. Славянские языки, а особенно русский, украинский и белорусский, обладают похожими чертами не только в письменности, но и в словарном запасе. Фразеологизмы, заимствованные из Библии, обладают схожим значением в славянских языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубровина К.Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов / К.Н. Дубровина. – М.: Флинта : Наука, 2010. – 808 с.
2. Библия: Книги священного писания Ветхого и Нового Завета: Канонические. – М.: Российское библейское общество, 1998.
3. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А.И. Фёдоров. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 828 с.
4. Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков: Историко-диалектологический очерк / Ф.П. Филин. – Л.: Наука, 1972.
5. Автономова С.И. Обогащение фразеологического запаса учащихся: Из опыта работы / С.И. Автономова // Русский язык в школе. – 1988. – № 3.
6. Диброва Е.И. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: Учебник для студентов высших учебных заведений: В 2 ч. / Под ред. Е.И. Дибровой. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 442 с.

Морєва Ольга Андріївна
ДБОЗ ЛНР «Краснолуцька загальноосвітня
школа I-III ступенів №7»
molya2805@gmail.com

ФУНКЦІЙНА СПЕЦИФІКА ВИГУКОВИХ ФРАЗЕОЛОГІЗМІВ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ

Процес розуміння й аналізу фразеологізмів як мовних знаків національної культури – це шлях до пізнання менталітету народу. Національно специфічними є ті фразеологічні одиниці (далі ФО), які віддзеркалюють у своїй внутрішній формі характерні особливості культури і побуту, тваринного і рослинного світу, народні звичаї, символіку. Більша частина лексем-компонентів ФО передає національні особливості завдяки усталеним народним асоціаціям, бо ФО з'являються в мові як знаки вторинної номінації дій, станів, які вже мають свої первинні назви.

Важливим для дослідження вигуківих фразеологізмів (далі ВФ) у функційному аспекті є те, що вони можуть бути предметом дослідження як фразеології, так і фольклору, оскільки мають ознаки мовних одиниць фразеологічного рівня (є клішованими знаками, мають мотивовані значення, можуть вступати у відношення синонімії, омонімії та антонімії, входять у систему синтагматико-парадигматичних відношень мови) і фольклорних текстів (мають самодостатнє значення і можуть використовуватися автономно; моделюють ситуацію і позначають її).

Вищезазначена специфіка ВФ обумовлює дослідження їх функційної природи з урахуванням фольклорних аспектів, що поглиблює загальноприйняте

трактування ВФ як одиниць, що репрезентують волевиявлення, емоції та виконують етикетні функції.

Прагматичною основою формування усього пласта ВФ є давні уявлення про дієві властивості слова, наділення його магичною силою, у чому переконує зв'язок вербальної магії з магією ритуальною, що й ілюструє внутрішня форма частини ВФ (напр.: *Дулю вам під ніс! Тьху, аби не наврочити!*), спорідненість із замовляннями (напр.: *Сіль тобі в очі, часник на язик! Бис так скапала, як свічка!*). Проте внаслідок історичних, соціальних, світоглядних змін магична функція в більшій частині ВФ відступає на периферію їх функціональної природи, поступаючись емоційно-виражальній та етикетній.

Слідом за Г.Т. Кузь за домінуючою функційною ознакою, яка реалізується в мовленні сучасників, поділяємо на три групи: вигуківі фразеологізми з магичною, з етикетною (контакторегулюючою) та з емоційно-виражальною функціями. До групи з домінуючою магичною функцією відносимо відворотні формули та ВФ-клятви, основним прагматичним підтекстом яких є вплив за допомогою енергії емоційно наснаженого слова на події життя (напр.: *Напрасниця, обійди около! Дух святий з нами! Цур очей поганих! Скарай мене, Боже, на гладкій дорозі! Хай мене святий хрест поб'є!*) [4, с. 7].

Значну кількість ВФ складають етикетні формули, функційна природа яких обумовлена потребою регламентувати різноманітні ситуації людського спілкування. З-поміж них виділяємо групи поліфункційних ВФ (напр.: *Дай, Боже, здоров'я!* – привітання, прощання, побажання, тост; *Поздоров вас, Боже!* – подяка, привітання, тост) та етикетні формули з вузькою сферою застосування: а) привітання з нагоди релігійних свят (напр.: *Верба б'є, не я б'ю, за тиждень Великдень!*);

б) побажання з нагоди господарських подій (напр.: *Дай, Боже, сто кіп, де торік був еден сніп!*); в) побажання з нагоди входу, весілля тощо (напр.: *Дай вам, Боже, легкого прожитку в новій хаті!*); г) застільні етикетні формули (напр.: *Будьмо здорові, пивши!*); д) етикетні формули, що використовуються у ситуаціях гостювання (напр.: *Гість в дім, Бог з ним!*).

ВФ з домінуючою емоційно-виражальною функцією у свою чергу поділяються на такі структурно-семантичні групи: а) вокативні та номінативні вигуки, що найчастіше виражають емоції гніву, роздратування, обурення (рідше – замилювання, захоплення): *Чортова матір! Мати моя рідна!*; ВФ-імперативи, що також виражають агресивні емоції, проте мають на меті спонукати співрозмовника до певних дій: *Геть з-перед очей! Май же Бога в серці!*; в) ВФ з вказівними частками *от, ось, он*, які виражають емоції несподіваності, здивування, розчарування: *От тобі, бабо, й Юрія! Ось тобі й на! Он воно що!*; г) ВФ-прокляття (найчастіше імперативи), що можуть виражати цілу гаму почуттів – від незадоволення, роздратування до захоплення чимось; агресивні емоції у таких фразеологізмах, окрім інтонації, виявляються ще й у пониженні соціального статусу співбесідника через звинувачення його у «знайомстві» з нечистими силами (напр.: *Мара його знає! Вража мати ті там знає!*), відправлення у сферу діяльності нечистої сили (напр.: *До чорта лисого! Іди до дідька в зуби!*), надсилання хвороб, нещастя (напр.: *Щоб він горів ясним вогнем! Бодай ти сказився!*).

Аналіз ВФ української мови в контексті відображення ними етнокультурної інформації доводить, що загалом емоційний світ тісно пов'язаний з природовідповідним типом їх світогляду, який має глибоке коріння в язичницькій світоглядній концепції. Тематична

обумовленість ВФ свідчить про те, що вони увібрали найархаїчніший пласт язичницької свідомості та культури: значна частина проаналізованого матеріалу побудована на апелюванні до природних сил, стихій, до світу духів і тотемних тварин.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авксентьев Л.Г. Сучасна українська мова. Фразеологія / Л. Авксентьев. – Харків : Вища школа, 1983. – С. 51–53.
2. Білоноженко В.М., Гнатюк І.С. Функціонування та лексикографічна розробка українських фразеологізмів / В.М. Білоноженко, І.С. Гнатюк. – К.: Наукова думка, 1989. – 156 с.
3. Гаращенко О.В. Фразеологічні одиниці та проблеми їх класифікацій / О. Гаращенко // Наукові записки : зб. наук. пр. Серія : Філологічні науки. – Кіровоград : Кіровоградський державний педагогічний університет імені Володимира Винниченка, 2010. – Вип. 89 (3). – С. 176–180.
4. Кузь Г.Т. Вигуківі фразеологізми української мови: етнолінгвістичний та функціональний аспекти: автореф. дис. канд. філол. наук / Г. Кузь. – Івано-Франківськ, 2000. – 13 с.

«МУЖСКАЯ» ФРАЗЕОЛОГИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Фразеология обладает большими возможностями выражения гендерного аспекта в языке, что раскрывает иные, ранее не акцентируемые стороны в изучении фразеологического фонда. Лингвисты Е.И. Горошко, А.В. Кирилина, В.М. Самарина и др. в исследованиях мужского и женского речевого поведения концентрируют внимание на психологических и социальных аспектах вариантов языка, а также на лингвокультурологической проблематике гендерного знания.

С точки зрения первоначального употребления устойчивых выражений в составе русской фразеологии выделяют выражения из художественной, публицистической и научной литературы, называемые обычно крылатыми выражениями: *блажен тот, кто смолоду был молод; братья-разбойники; глаголом жечь сердца людей; да, жалок тот, в ком совесть нечиста* (из произведений А.С. Пушкина); *беда, коль пироги начнёт печи сапожник; да только воз и ныне там* (из басен И.А. Крылова); *дворянское гнездо; лишние люди* (из произведений И.С. Тургенева) [1, с. 11]. Исследуя подобные единицы, видим разнонаправленность русской культуры. Однако во фразеологическом фонде русского языка выделяют выражения с ярко выраженной гендерной семантикой.

Фразеологизм *быть под каблуком* объясняется тем, что у многих народов была традиция падать ниц, вставать на колени и опускать голову перед царем, господином,

которые иногда могли поставить ногу на голову или шею своего подданного, показывая тем самым свою власть над ним, требуя беспрекословного подчинения своей воле. Сходными по смыслу выражениями являются: *быть под пятой, быть под сапогом* – «быть в подчинении, в сильной зависимости, под чьей-то властью, гнётом» [2]. Но чаще всего оно применяется к мужчинам, которые полностью попали в подчинение супруги (подруги). Отсюда – «подкаблучник». В художественном произведении находим такие иллюстрации: *«Знали матросы, что «капитанша» держит под каблучком молодящегося капитана, что уступил, подчинился девчонке старик капитан»* (И. Соколов-Микитов «Матросы») [1, с. 13]; *«Липатов вдруг сказал без обиняков: – Вы сателлит Колосова. Вы утратили самостоятельность, вы у него под каблучком»* (В. Кочетов «Молодость с нами») [1, с. 13].

Выражение *дамский (женский, бабий) угодник* означает того, кто очень любит ухаживать за женщинами, угождать им (сравним лексемы *гуляка, повеса, ловелас* и т.д.). Например, И.С. Тургенев использует выражение: *«Тут подлетел к ней известный дамский угодник мсье Вердие»* [1, с. 15]. Для достижения большей выразительности А.П. Чехов применяет этот фразеологизм в рассказе «Дамы» для характеристики Ползухина: *«Дрянь, – шипел он, шагая из угла в угол. Добился своего, негодный шаркун, бабий угодник! Гадина! Тварь»* [1, с. 15]. Функционируют в речи также выражения *бабий хвост, бабий прихвостень*, обладающие уже более сниженной коннотацией.

Для объяснения фразеологизма *жить бирюком* необходимо выяснить этимологию слова *бирюк*: русское «бирюк» – от тюркского «бир» – «один» [2, с. 307]. В фольклоре и у писателей есть немало историй и рассказов о суровом и угрюмом человеке, служившем

лесником у помещика. Жил он в лесу в сторожке, вдали от всех, был неразговорчив и озлоблен. Крестьяне звали его за его образ жизни и хмурый нрав Бирюком. Так стали называть всех одиноких, нелюдимых, избегающих общения людей. В некоторых местностях России бирюком называют и волка. Таким же распространением пользовались и выражения *быть (жить, сидеть, смотреть) бирюком*. В художественной литературе немало примеров использования этого фразеологизма: «Меня зовут Фомой, – отвечал он, а по прозвищу – Бирюк» (И.С. Тургенев «Записки охотника») [2, с. 306].

Выражение *старый хрыч (прост. бран.)*, обозначающее «старый человек, старик», связано с этимологией слова «хрыч», которое восходит к звукоподражательному «хры» (покашливание, хрипота в голосе и т. п.) [3, с. 703]. В художественных текстах находим ряд примеров: «*А, старый хрыч! – сказал ему Пугачев*» (А.С. Пушкин); «*Старый хрыч, цыган Илья, глядит на пляску удалую*» (Д. Давыдов); «*Что этот старый хрыч разворчался!*» (А. Островский); «*Молчи, хрыч! – отвечал я ему, запинаясь*» (А.С. Пушкин) [2, с. 1047].

Фразеологизм *жив курилка* применяется при встречах тех (известиях о тех), о ком давно не было ничего ведомо. Находим примеры применения выражения в литературе: «*Только одна утеха у меня и осталась: письменный стол, перо, бумага и чернила. Покуда все это под рукой, я сижу и пою: жив, жив курилка, не умер! Но кто же поручится, что и эта утеха внезапно не улетучится?*» (М. Салтыков-Щедрин «Письма к тетеньке») [2, с. 526]; «*Ба, жив Курилка! – засмеялся губернатор. – Господа, поглядите, наша городская голова идет*» (А.П. Чехов «Мороз») [3, с. 258].

Таким образом, проанализировав особенности употребления «мужской» фразеологии в произведениях писателей, можем сделать вывод, что фразеологизмы позволяют усилить значение высказываний, в составе которых они употреблены, сделать речь более выразительной и убедительной. Писатели широко используют фразеологизмы для того, чтобы подчеркнуть с их помощью ту или иную мысль, усилить выражение своего отношения к описываемым явлениям, создать особую речевую характеристику персонажей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крюков Н.С. Дидактический материал «Фразеологизмы. Их роль и употребление в художественной литературе» / Н.С. Крюков // Русский язык и литература. – 2017. – №7-8. – С. 11–17.
2. Михельсон М.И. Большой толково-фразеологический словарь Михельсона: в 3-х т. / М.И. Михельсон. – Т. 1-2: Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). – СПб. : ETS Publishing house, – 2004. – 2208 с.
3. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А.И. Фёдоров. – М.: АСТ – Астрель, 2008. – 828 с.

ПОНЯТТЯ «ЩАСТЯ» В УКРАЇНСЬКІЙ ФРАЗЕОЛОГІЇ

Фразеологізми в усьому своєму розмаїтті становлять основу сучасної української мови, відображають матеріальне й духовне життя народу. Вони несуть не тільки предметну, а й естетичну інформацію: пробуджують уяву, викликають переживання в слухачів (мовців), прикрашають мову, передають її дух [1, с. 3].

Під фразеологізмом розуміють семантично цілісні відносно стійкі (з допуском варіантності), відтворювані й експресивні одиниці мови, організовані за моделлю словосполучення (сполучення слів) або речення [1, с. 3].

Значну частину українських фразеологізмів становлять образні вислови з компонентом *щастя*. Метою статті є дослідити фразеологічні одиниці з концептом щастя і проаналізувати його роль у семантичній структурі усталених виразів.

Поняття *щастя* неоднозначне, і всі люди мають своє розуміння щастя. Але не конкретна людина, а ціле суспільство формує загальноприйняті моделі. Спільний для більшості представників соціуму зразок стає широковживаним і визнаним поняттям, що відображене в лексикографічних працях. Словник української мови подає тлумачення іменника *щастя*: 1) стан цілковитого задоволення життям, відчуття глибокого вдоволення та безмежної радості, яких зазнає хто-небудь; 2) досягнення, успіх, удача [3, с. 781].

Можна навести деякі приклади й розтлумачити сталі вирази з фразеологічного словника української мови,

у яких використовується поняття *щастя*. В основному іменник *щастя* використовується поряд з дієсловами або займенниками, наприклад:

1. *Випадає щастя*: 1. Кому-небудь таланить бути гідним здійснити, виконати щось почесне. «— *Це моє рідне місто, мені випало щастя визволяти його власними руками*» (О. Гончар). 2. Щастить, фортунить у чому-небудь. «*Роман насмішувато і гидливо зміряв їжакове обличчя Корнюші: – Не всім таке щастя, дядьку, випадає*» (М. Стельмах) [2, с. 781].

2. *Спробувати / пробувати щастя (удачі)*. Відважитися на щось, сподіваючись на успіх. «*Будь-щобудь! Хома вирішив спробувати щастя в сусідів*» (О. Гончар) [7, с. 766].

3. *Щастя ще десь заваялося, чие*. У кого-небудь несподівана радість, непередбачений успіх у чому-небудь. – *Невже наше щастячко ще десь заваялося, і я скоро обійму тебе, обцілюю, синочка свого?* (В. Логвиненко) [8, с. 970].

4. *Щастя твоє (ваше, наше і т. ін.)*. Кому-небудь поталанило, пощастило. «*Ну, щастя твоє! Проскочив!..*» (Панас Мирний) [8, с. 970].

5. *Вхопити щастя за бороду*. Досягти чогось особливого, незвичайного, вимріяного. «— *Виліпила з пластиліну дві якихось фігурки і думає, ніби вже Бога за бороду вхопила*» (В. Нестайко) [6].

Деякі фразеологізми є дуже давніми за походженням. Вживаючи фразеологізм *бути на сьомому небі*, ми навіть не замислюємося, звідки він до нас прийшов. А виявляється ще Арістотель, великий грецький учений і філософ IV ст. до н. е., вжив його у творі «Про небо». *Бути на сьомому небі* – радіти від захоплення ким-, чим-небудь, бути дуже задоволеним: «— *Матяш був на сьомому небі від щастя*» (В. Собко) [4, с. 74].

Можна також зауважити, що є такі стійкі вислови, де саме слово *щастя* не вживається, але його семантика залишається незмінною, наприклад: *землі під ногами (під собою) не чути* – бігти, іти легко, швидко; бути переповненим радістю, щастям: «– *Він ішов, землі під собою не чуючи: голова його повна була образів щасливої будущини, серце повне було... негасимого жару*» (І. Франко) [6].

Також поняття *щастя* стало основою для творення емоційно наснажених прислів'їв та приказок, що поповнили багатство української фразеології: *Найбільше щастя в житті – здоров'я; На чужому горі щастя не збудуєш; Не родись багатий та вродливий, а родись при долі та щасливий; Під щасливою зіркою народився; Хто рано встає, тому щастя є; Щастя, як і горе, – точить сльози; Щастя не підкова, під ногами не знайдеш* та інші [5, с. 20].

Як бачимо, мовна скарбниця нашого народу безмежна, потрібно ще багато зусиль і часу для того, щоб більше пізнати її, доторкнутися до її вершин. Дуже цікаво й яскраво передають душевний стан людини фразеологічні одиниці з концептом *щастя*.

ЛІТЕРАТУРА

1. Ужченко В.Д. Фразеологічний словник української мови / В.Д. Ужченко, Д.В. Ужченко. – К.: Освіта, 1998. – 224 с.
2. Словник фразеологізмів української мови / уклад. В.М. Білоноженко та ін. – К.: Наук. думка, 2003. – 1104 с.
3. Тлумачний словник української мови / уклад. Т. В. Ковальова, Л.П. Коврига. – Харків: Синтекс, 2005. – 672 с.

4. Удовиченко Г.М. Фразеологический словарь украинского языка: В 2 т. / Г.М. Удовиченко. – К.: Высшая школа, 1984. – 384 с.

5. Українські прислів'я, приказки та загадки / упоряд. Н. Сойко. – К.: Національний книжковий проект, 2012. – 176 с.

6. Фразеологічний словник української мови [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://slovoopedia.org.ua/49/53394/356913.html>.

7. Фразеологічний словник української мови / уклад. В.М. Білоноженко та ін. – К.: Наук. думка, 1993. – 984 с.

8. Фразеологічний словник української мови / уклад. В.М. Білоноженко та ін. – К.: Наук. думка, 1999. – 984 с.

Пакула Оксана Васильевна

ГБОУ ЛНР «Стахановская специализированная школа I-III ступеней №9 имени А. Стаханова»

pakula.oksana@bk.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОБРАЗОВ-СИМВОЛОВ ЕВАНГЕЛЬСКИХ ПРИТЧ

Библия – связующее звено между культурами и языками народов, исповедующих христианскую религию. Для развития межкультурных коммуникаций очень актуальным становится более глубокое изучение библейских фразеологизмов, отраженных не только в национальных культурах славянских народов, но и в общеевропейской культуре.

Одним из первых, кто выделил Библию как источник фразеологии, был Э.А. Вартаньян. В

предисловии к его книге «Из жизни слов» Л.В. Успенский пишет: «Так удивительно ли, если теперь немалое число наших фразеологических словосочетаний находит свое начало в Евангелии и Библии, относится к так называемым библеизмам» [3, с. 11]. Позднее в своей книге «Русская фразеология, её источники и развитие» А.М. Бабкин напишет: «В кругу фразеологических единиц современного русского литературного языка заметное место принадлежит тем идиоматическим выражениям, которые своим происхождением связаны с источниками церковно-книжного характера» [1, с. 106]. Также к проблеме библеизмов обращались Н.М. Шанский, В.Г. Гак, К.Н. Дубровина, Е.М. Верещагин, Н.П. Матвеева, В.И. Макаров. Вызывают интерес словари библейских фразеологизмов, составленные Л.Г. Кочедыковым и К.Н. Дубровиной.

К.Н. Дубровина в своей книге «Библейские фразеологизмы в русской и европейской культуре» дает следующее определение символа: «Символ (от греч. *symbolon* – «условный знак») – это вещественный или условный код, обозначающий или напоминающий какое-либо понятие, художественный образ, воплощающий какую-либо идею» [4, с. 31]. Всем известно выражение *масличная (оливковая) ветвь* – символ мира, знак миролюбия. Это выражение восходит к библейской истории о всемирном потопе, которым Бог за грехи человечества истребил всё живое на земле. Спасся только благочестивый патриарх Ной со своим семейством и животными – по паре от всех видов. Через семь дней Ной выпустил голубя из ковчега. Голубь возвратился к нему со свежей масличной веткой во рту.

В Священном Писании масличное дерево, вечнозелёное, обильно плодоносящее и необычайно красивое, выступает символом неизменного благочестия и

Божьего благословения, а масличная (оливковая) ветвь считается символом радости, мира и обновления. Во многие языки вошло также выражение *голубь мира* и закрепилось в массовом сознании как символ мира.

Другой пример: *манна небесная* – что-либо желанное, крайне необходимое, ценное, порою недостижимое. Выражение восходит к ветхозаветному рассказу о событии, произошедшем с израильтянами по пути из Египта в землю обетованную. Уставшие и голодные израильтяне получили от Господа лепёшки с мёдом, дав тому хлебу название «манна».

Таким образом, манна – это синоним хлеба, который в свою очередь является символом Христа. Манна в Библии – это не только материальная, но и духовная пища, ведь не «хлебом единым» живёт человек.

Следующий пример – библейское выражение *живая вода*. Глубокий символический смысл этого понятия раскрывается в Евангелии от Иоанна, где описывается эпизод встречи Иисуса Христа с самаритянкой. Иисус и самаритянка говорят как будто на разных языках: самаритянка понимает слова Иисуса буквально – на бытовом, житейском уровне; Иисус же под живой водой подразумевает истинный дар Божий – символ благодати Святого Духа, которую Он может дать верующим в Него. Как нам известно, в сказках всех славянских народов широко используется фразеологизм *живая вода*, как символ исцеления и возрождения.

Приведем ещё один пример: *терновый венец*. Выражение восходит к евангельскому рассказу о страданиях Иисуса перед казнью. Воины Понтия Пилата, чтобы унижить Иисуса как можно сильнее, возлагают Ему на голову венец из колючего терна («драгоценный головной убор, корону») и одевают Его в багряницу (одеяние багряного цвета, ещё один знак «царского

достоинства»), а затем жестоко издеваются над Ним. Таким образом, терновый венец – символ страданий, мученичества.

Приведенные выше примеры доказывают, что библейские фразеологизмы имеют глубокий символический смысл, наполняют нашу жизнь высокой духовностью, имеют четко выраженную поучительность. Многие выражения так тесно вошли в запас фразеологизмов всех славянских языков, что уже не осознаются как заимствованные или утратили стилистическую окраску, «мы, совершенно забывая об их происхождении, то и дело употребляем слова и выражения из церковных книг» [3, с. 12]. Однако нам необходимо изучать истоки их возникновения в наших языках, чтобы не утратить духовности, а иногда и заполнить свой духовный вакуум.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабкин А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники / А.М. Бабкин. – Л.: Наука, 1970. – 261 с.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. Перепечатано с Синодального издания. – М.: СЕП и СМИ, 1988. – 1509 с.
3. Вартаньян Э.А. Из жизни слов. – М.: Государственное Издательство Детской Литературы Министерства Просвещения РСФСР, 1963. – 319 с.
4. Дубровина К.Н. Библейские фразеологизмы в русской и европейской культуре / К.Н. Дубровина. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 264 с.

Панарина Ирина Владимировна
Колледж Луганского национального
университета имени Владимира Даля
irina-pb@mail.ru

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В КОНТЕКСТЕ
ЛЕКСИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЯЗЫКА
РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ**

Рекламный текст относится к наиболее популярным предметам исследования в современной лингвистике, что обусловлено его ролью в формировании мнения как отдельного человека, так и общества в целом. Став неотъемлемой частью общественной жизни, сегодня реклама определяется как часть культуры, развивающаяся согласно собственным законам и характеризующаяся не только неограниченными возможностями воздействия, но также специфическими формами выразительности.

В течение последних лет рекламные тексты постепенно заняли рейтинговые позиции в глазах читателей и, безусловно, представляют собой один из существенных сегментов всего объема информации различных источников. Принимая во внимание сказанное, мы определили целью нашей работы исследование лексических особенностей рекламных текстов. При проведении анализа использовали рекламу, представленную на страницах периодических изданий республики, и частично примеры наружной рекламы.

В рекламном тексте значимы и функционально нагружены все языковые средства, каждое из них несет глубокий смысл, но главная воздействующая сила рекламного текста определяется словом. Поэтому при создании рекламного текста должно быть учтено

множество лексических составляющих, целесообразное использование которых поможет создать эффективное рекламное сообщение.

В рамках данной статьи мы остановимся на некоторых аспектах использования фразеологизмов в рекламных текстах. В сравнении со всеми другими лексическими средствами языка именно для фразеологизмов характерны такие необходимые для эффективного рекламного сообщения свойства, как сжатость, выразительность, лаконичность выражения и емкость информации. Кроме этого, фразеологизмы обладают оценочностью, образностью, способностью отражать особенности национального менталитета и культуры.

Многие фразеологизмы используются в рекламе в их исходном виде, в то же время проведенные наблюдения свидетельствуют о том, что в рекламных текстах преобладают видоизмененные, индивидуально-авторские обороты, что можно объяснить высокой степенью готовности фразеологизмов к трансформации применительно к конкретной задаче, к объекту рекламы.

В научных исследованиях представлено несколько подходов для характеристики использования фразеологизмов в рекламных текстах. Ю.С. Бернадская выделяет четыре формы употребления фразеологизмов: парафраз, чистый фразеологизм, переосмысленный фразеологизм и фразеологизм, обыгрывающий имя бренда [3, с. 73]. Е.М. Гирняк определяет три типа рекламных текстов: первые содержат в своем составе фразеологические единицы в чистом виде; вторые – трансформированные единицы; третьи имеют образования, заимствовавшие внешнюю структуру фразеологической единицы [4, с. 33]. Е.М. Бебчук разделяет все виды трансформации на два раздела: трансформацию

неаналитическую (семантическую, смысловую) и аналитическую [2, с. 140]. Т.В. Акимова видоизменения фразеологизмов сводит к следующим типам: 1) структурные изменения, при которых сохраняется значение фразеологизма; 2) семантическое обновление фразеологизма; 3) структурно-семантические изменения [1, с. 2].

Фразеологизмы используются практически во всех элементах композиции рекламного текста: заголовке, слогане, основном тексте, эхо-фразе, справочной информации (коде). Однако, по нашим наблюдениям, наиболее частотны данные языковые единицы в рекламных слоганах.

Приведем некоторые примеры использования фразеологизмов в рекламных текстах, представленных на страницах периодических изданий республики: *Согрей душу у камина* – тепло домашней кухни (ресторан «Плакучая ива»); *Любое печатное желание* (типография «Авангард»); *Наша мебель задает тон и стиль* (магазин «Прогресс»); *Сделайте правильный выбор вместе с Оптика Спектр* (магазин оптики); *Кухня с характером* (гриль-бар «Джюзик»). В данных выражениях произошло семантическое обновление фразеологизма, т. е. расщепление общего, целостного значения на значения составляющих частей при сохранении структуры оборота, такой прием усиливает экспрессивный эффект слогана. Вследствие семантического преобразования происходит двойная актуализация, когда оба значения – прямое и переносное – сосуществуют в одном высказывании. Такой слоган обладает оригинальностью и большей силой воздействия. За счет окказионального употребления фразеологизма рекламный текст несет дополнительную смысловую и стилистическую информацию.

Таким образом, ведущая роль в создании рекламных текстов принадлежит лексическим средствам. Они дают возможность воспринимать рекламный текст как яркое, образное, стилизованное произведение. При этом одним из самых действенных и частотных способов создания образа в рекламном тексте является использование фразеологизмов. При внешней простоте идиоматичность, смысловая нагруженность, узнаваемость фразеологизма, безусловно, помогает реализовать главную функцию рекламного текста – оказание эмоционального и интеллектуального воздействия на адресата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимова Т.В. Фразеологизмы в рекламном тексте [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/frazeologizmy-v-reklamnom-tekste>.
2. Бебчук Е.М. Современный русский язык / Е.М. Бебчук – В., 2012. – 320 с.
3. Бернадская Ю.С. Текст в рекламе / Ю.С. Бернадская. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 288 с.
4. Гирняк Е.М. Идиоматичность рекламного текста [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rfp.psu.ru/archive/1.2011/girnyak.pdf>.
5. Жуков В.П. Русская фразеология / В.П. Жуков. – М.: Высшая школа, 2006. – 408 с.

САКРАЛЬНА ФРАЗЕОЛОГІЯ З КОМПОНЕНТАМИ-СОМАТИЗМАМИ

Поняття «сакральність» знову знайшло свою цінність для багатьох людей, які проживають на Луганщині. Багато статей, дисертацій та книг було написано на тему сакрального. Спробуємо долучитися до цього процесу в нашому дослідженні, а також проаналізуємо використання сакральних слів у фразеологізмах східних слов'ян.

Актуальність статті пов'язана з підвищенням інтересу людей до теми сакральності. Особливо ця тема актуальна для молоді, яка використовує сакральні слова у своєму лексиконі, не знаючи, який сенс вони в собі несуть.

Мета наукової розвідки полягає в дослідженні сакрального змісту слів, пов'язаних із жіночою красою.

Для реалізації цієї мети потрібно виконати такі завдання:

1. Дати визначення терміну «сакральність», «сакральний фразеологізм».
2. Розглянути фразеологізми з компонентами-соматизмами, що містять сакральне значення.

Поняття *сакральності* стає все більш поширеним. *Сакральне* – це все, що має відношення до божественного, релігійного, небесного, потойбічного, ірраціонального, містичного, що відрізняється від звичайних речей, понять і явищ [2, с. 186].

На нашу думку, сакральний фразеологізм – це семантично пов'язане сполучення слів, яке має відношення

до Божественного, містичного, надприродного та яке відтворюється у вигляді усталеної, неподільної, цілісної конструкції.

Термін «сакральне» виник у науковій літературі на межі XIX – XX ст. в працях таких учених, як Е. Дюркгейм, А. Юбер і М. Мосс. Більш активно він почав уживатися в XX ст., тоді ж виникли поняття «священне», «святе» і «символічне», які використовували В. Вундт, З. Фрейд, М. Шеллер, Б. Маліновський, Г. Меншінг, К. Леві-Стросс, К. Юнг та інші. У роботах учених формується дискурс філософії сакрального, і саме на їх роботи будуть орієнтуватися послідовники цього дискурсу [3, с. 5].

Слів із сакральним значенням досить багато, серед них ми обрали ті, які стосуються жіночої краси та які є досить поширеними, але менш розкритими. Перше слово, яке ми обрали – *волосся*. У народних уявленнях волосся символізувало вмістилище людських сил. У давнину думали, що воно робить чаклуна нечутливим до болю, а тому перш ніж піддати тортурам, йому голили голову. Знищення волосся було даниною найдавнішої магії й мало сакральне значення. Дарування пасма волосся закоханим було найвищим виявом довіри, своєрідною присягою на вірність.

Розчісування волосся обмежувалося цілим рядом заборон, в той же час у деякі свята розчісування вважалось обов'язковим. Наприклад, на Вітебщині селяни похилого віку розчісували волосся на Пасху, *«чтобы было столько внуков, сколько волос на голове»* [4, т. 1, с. 421]. Недопустимо було змінювати колір волосся, адже, за звичаєм наших прашурів, змінити колір – означало змінити свою долю.

Серед фразеологізмів східних слов'ян досить часто можна зустріти фразеологізми з компонентом «волосся»:

1) українські фразеологізми: *волосся дибом стає* – відчуття страху; *до сивого волосся* – до старості; *не давав волоску впасти з голови* – повна безпека;

2) російські фразеологізми: *жизнь на волоске*, *висеть на волоске* – бути близьким до загибелі; *до седых волос (дожить)* – до старості; *рвать на себе волосы* – шкодувати, бути в розпачі, в відчаю;

3) білоруські фразеологізми: *шапка на галаве расце / аж шапка паднялася / вочы слупам сталі / дрыжыкі працінаюць / з капылоў далоў* («волосся дибом встало») – відчувати страх, жах.

Досить часто фразеологізми з компонентом «волосся» можна зустріти в літературних творах, наприклад: «*Та й розповів мені таке, що аж волосся сторч стало*»; «*А принц аж волосся на собі скубе, чому випустив дівчину й не спитав, де живе*» [5].

Літературний фразеологізм *світити волоссям* зі значенням «ходити з непокритою головою, не зав'язувати на голівіхустки», «залишатися неодруженою» вербалізує традиційне ставлення українців до символіки волосся. Форма зачіски може розповісти про психологічний портрет людини, передавати її внутрішній стан.

Отже, термін «сакральність» – це все, що має відношення до божественного, релігійного та потойбічного. Безліч слів мають сакральний зміст, але для нашої статті ми вирішили розкрити сакральний зміст поняття «волосся». Ми подали лише кілька прикладів з української, російської та білоруської фразеології, звичайно їх набагато більше. Але вже дивлячись на ці приклади, можна зробити висновок, що кожне слово має сакральне значення, яким ми, східні слов'яни, наділяємо їх.

ЛІТЕРАТУРА

1. Войтович В.М. Українська міфологія / В.М. Войтович – К.: «Либідь», 2002. – 664 с.
2. Забияко А.П. Сакральное // Культурология. XX век. Энциклопедия / А.П. Забияко. – СПб.: Университетская книга, 1998. – 447 с.
3. Ростова Н.Н. Изгнание Бога. Проблема сакрального в философии человека / Н.Н. Ростова. – М.: Проспект, 2017. – 432 с.
4. Толстой Н.И. Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 т. // Н.И. Толстой. – М., 1995. – Т. 1.
5. Фразеологічний словник української мови [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://slovopedia.org.ua/49/53392-0.html>.

Брейво Наталия Генриховна
Варшавский университет
nbreyvo@yahoo.com

К ВОПРОСУ О ПОДБОРЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЙ

Пренебрежение этимологией фразеологических единиц (ФЕ) или некорректная подача материала в переводном словаре может стать причиной неточностей в процессе перевода. Для исключения такого рода ошибок необходимо учитывать, что компоненты ФЕ играют определенную роль в сохранении национально-культурной семантики. Они как бы аккумулируют в себе информацию об истории, культуре и быте языковых сообществ.

В качестве примера рассмотрим вопрос эквивалентности английской ФЕ *to be born with a silver*

spoon in one's mouth, польской ФЕ *urodzić się w czepku* и русской ФЕ *родиться в рубашке / сорочке*. Именно эти соответствия представлены, как правило, в переводных фразеологических словарях и на страницах форумов в интернете.

На первый взгляд, анализируемые единицы в трех языках обозначают счастье или везение, но необходимо обратить внимание на объяснение ФЕ в толковых словарях исходных языков.

ФЕ *to be born with a silver spoon in one's mouth* [1, с. 263]: «be born into a wealthy family of high social standing».

ФЕ *urodzić się w czepku* [2, с. 53]: «o kimś mającym wielkie szczęście w życiu».

ФЕ *родиться в рубашке / сорочке* [3, с. 575]: «быть во всем удачливым, счастливым».

Согласно толкованию ФЕ *to be born with a silver spoon in one's mouth*, везение логически проистекает из того, что человек рождается в богатой семье, наследует социальное положение и все преимущества с этим связанные. Ему ничего добиваться не надо, т.к. все уже и так имеет от рождения.

В толкованиях ФЕ *urodzić się w czepku* и ФЕ *родиться в рубашке / сорочке* говорится о предопределенности счастья и везения, но не упоминается благосостояние удачливого человека.

Если обратиться к этимологии, английская ФЕ *to be born with a silver spoon in one's mouth* связана с тем, что новорожденному из богатой семьи было принято дарить серебряную ложку как столовый прибор для защиты от бактерий во время эпидемий и как символический знак будущего благополучия, т.е. буквально он рождался «с серебряной ложкой во рту». В бедной семье такой подарок,

а, соответственно, будущие благополучие и достаток были менее вероятны.

В польской и русской фразеологической этимологии рождение в «чепчике», «рубашке» или «сорочке» соотносится с появлением ребенка на свет в неразорвавшейся околоплодной оболочке или с ее фрагментом. Неординарность ситуации, предопределяющая избранность ребенка независимо от материального благосостояния его родителей, может трактоваться двояко: с одной стороны, он приходит в этот мир уже защищенным, поэтому и дальше ему будет сопутствовать удача, а с другой стороны, в таких условиях он мог погибнуть, и то, что остался жив, свидетельствует о его невероятном везении.

Возможно, со вторым трактованием может быть связан и второй оттенок ФЕ, который напрямую не указывается в толкованиях фразеологических словарей, но который можно вывести, анализируя употребление ФЕ *urodzić się w czepku*, *родиться в рубашке / сорочке*: «избежать неудачи, случайной гибели, выбраться живым из аварии или другой смертельно опасной ситуации».

«*Kierowca w czepku urodzony. Wypadek 30 tonowej ciężarówki, która ... wjechała na przeciwległy pas ruchu. Kierowca busa jadący z naprzeciwka ... cudem uniknął zderzenia czołowego*» [4].

«*Парень родился в "рубашке". ...20-летний брестчанин, ... не справился с управлением ... В результате ДТП водитель получил ссадины и ушибы, автомобиль восстановлению не подлежит*» [5].

С учетом вышесказанного, можно сделать вывод, что ФЕ *urodzić się w czepku* и ФЕ *родиться в рубашке / сорочке* могут рассматриваться в качестве фразеологических аналогов, т.к. близки по структуре и значению, но отличаются образом. При переводе можно

использовать фразеологический или описательный перевод.

ФЕ *to be born with a silver spoon in one's mouth* по отношению к ФЕ *urodzić się w czerpku* и ФЕ *родиться в рубашке / сорочке* не может рассматриваться в качестве фразеологического эквивалента или фразеологического аналога, т.к. отличается от них по структуре, образу и значению. При переводе данной английской ФЕ на польский и русский языки предпочтительно прибегать к описательному переводу: *urodzić się bogatym / w bogatym domu, pochodzić z bogatej rodziny, быть богатым, родиться в богатой семье, прийти в этот мир на все готовое*, а к использованию калькированного варианта *urodzić się ze srebrną łyżeczką w ustach* или *родиться с серебряной ложкой во рту* следует относиться очень осмотнительно.

ЛИТЕРАТУРА

1. The Oxford dictionary of idioms / ed. by Judith Siefring. – Oxford; New York: Oxford University Press, 2004. – 340 p.

2. Wielki słownik frazeologiczny PWN z przysłowiami / red. A. Kłosińska, E. Sobol, A. Stankiewicz. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN SA, 2017. – 840 s.

3. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А.И. Фёдоров. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.

4. Kierowca w czerpku urodzony [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cda.pl/video/117087c>.

5. ДТП на мосту: подробности от ГАИ. Парень родился в «рубашке» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://virtualbrest.by/news41495.php>.

Делеврамова Ирина Сергеевна
ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный
университет имени Тараса Шевченко»
ira1995delev@gmail.com

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В СКАЗКАХ М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Функции фразеологических единиц в тексте обусловлены системными свойствами устойчивых выражений: структурной раздельной оформленностью, асимметрией формы и семантики как результата метафоризации и абстрагирования от значения деривационной базы, образностью, семантической емкостью, коннотацией, а также способностью к окказиональным структурно-семантическим модификациям [3, с. 67]. Данные свойства фразеологических единиц обусловили их широкое употребление в сказках М.Е. Салтыкова-Щедрина.

В сказках крылатые выражения представлены как в традиционном, так и в преобразованном виде. Автор широко использует возможности повышения экспрессивности нормативных фразеологических единиц, используя приемы градации, антитезы, стилистического контраста.

Основными приемами индивидуально-авторских преобразований фразеологических единиц являются структурные (*конца не видать* вместо *конца-краю не видать*; *выше всякой меры* вместо *сверх меры*; *стрелять оком* вместо *стрелять глазами* и др.).

Устойчивые обороты речи выполняют в сказках Михаила Евграфовича различные текстообразующие функции:

- структурно-композиционную функцию, обусловленную непосредственным участием фразеологических единиц или их элементов в формировании заголовков или подзаголовков («*Вяленая вобла*», «*Баран непомнящий*» и др.), а также отдельных фраз или сверхфразовых единств текста;

- смыслообразующую функцию, обусловленную участием индивидуальной семантики фразеологических единиц в формировании смысла всего текста как коммуникативной единицы (*ежовые рукавицы, куда Макар телят не гонял* в сказке «*Вяленая вобла*», *собака – собачья смерть* – «*Верный Трезор*» и под.);

- стилеобразующую функцию, обусловленную участием стилистически значимых фразеологических единиц в формировании текстов того или иного функционального стиля;

- жанрообразующую функцию, обусловленную участием фразеологических единиц в формировании жанрового своеобразия текста (сказочные зачины «*в некотором царстве, в некотором государстве*», присказки «*ни в сказке сказать, ни пером описать*», пословицы и поговорки «*бабушка надвое сказала*», «*стыд глаза не выест*»).

Фразеологические единицы в произведениях являются ярким средством характеристики образов героев, участвуют в формировании идейно-тематического содержания произведений, используются как одно из средств создания комического (часто сатирического) эффекта.

Язык сказок глубоко народен, близок к русскому фольклору. Сатирик использует не только традиционные сказочные приемы, образы, но и фразеологизмы, пословицы, поговорки, присказки: «*Не давши слова – крепись, а давши – держись!*», «*Двух смертей не бывает,*

одной не миновать», «Уши выше лба не растут», «Моя изба с краю», «Простота хуже воровства». Диалог действующих лиц красочен, речь рисует конкретный социальный тип: властного, грубого орла, прекрасногодушного карася-идеалиста, злобную реакционерку воблушку, ханжу попа, беспутную канарейку, трусливого зайца и т. п.

М.Е. Салтыков-Щедрин часто использовал фразеологизмы для придания сказкам выразительности, образности и небрежного сатирического стиля. Например, *«ну, пускай себе до поры до времени так постоит!»; «лешего какого-нибудь нелегкая принесла!»; «кишмя кишат», «с сумой по миру»; «а он уж тут как тут», «как на грех», «на своих двоих», «сказано – сделано».*

В особую группу следует выделить популярные у автора тавтологические словосочетания, которые характерны для народной речи: *«в кустах змеи да гады всякие кишмя кишат», «слонялись из угла в угол, окутанные мраком времен», «а Топтыгин уже тут, как тут», «вдруг выросла целая теория неблагополучного благополучия» [2, с. 49].*

Также следует выделить фразеологические сочетания народно-эстетического характера: *«В некотором царстве, в некотором государстве», «И начал он жить поживать».*

Опираясь на фольклорно-сказочную и литературно-басенную традицию, М.Е. Салтыков-Щедрин дал непревзойденные образцы лаконизма в художественном истолковании сложных общественных явлений. В этом отношении особенно примечателен авторский идиостиль, важной составляющей которого является фразеология.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баскаков В.Н., Бушмин А.С. М.Е. Салтыков-Щедрин. Сказки / В.Н. Баскаков, А.С. Бушмин. – Ленинград: Наука, 1988. – 280 с.
2. Кычева Н.Н. Особенности функционирования фразеологических единиц в художественном тексте (на материале «Сказок» М.Е. Салтыкова-Щедрина) // Ломоносов. – № 3. – 2007. – С. 49 – 55.
3. Малински Т. Возникновение новых фразеологических единиц / Т. Малински // Русистика. – Берлин. – 1992. – №2. – С. 67 – 76.
4. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – М.: Рус. яз., 1986. – 543 с.

Ігушкіна Наталя Олегівна
ДОЗ ВПО ЛНР «Луганський національний
університет імені Тараса Шевченка»
polza1294@mail.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦІЯ МОВНОГО ОБРАЗУ БАТЬКІВЩИНИ В УКРАЇНСЬКИХ ПАРЕМІЯХ

Сучасні лінгвісти все частіше звертають увагу на мовні явища, що відтворюють особливості національної мовної картини світу певного етносу. Серед них особливе місце посідають паремії, які, за спостереженнями дослідників, акумулюють у собі тисячолітній життєвий досвід народу, його світобачення, поведінкові приписи, норми, відображають ментальність і духовність, маніфестують риси національного характеру, настрої народу [3, с. 77].

Одним із центральних в українській мовній картині світу є образ *Батьківщини*. Учені констатують, що цей

мовний образ – важливий символ української етнокультури [2]. У паремійному фонді він представлений номінаціями Вітчизна, рідний (-а), свій (-я) край / земля / країна / сторона.

В українській етнокультурі поняття *Батьківщина* співвіднесено з позитивними образами родини, батьків, зокрема матері. Це зумовлено тим, що родина в повсякденно-побутовій культурі українців є невід’ємною від соціального й особистого життя індивідууму та завжди вважалася запорукою його підтримки й допомоги [4, с. 57]: *Та земля мила, де мати родила; Батьківщина починається з сім’ї*. У таких контекстах стверджується винятковість землі, на якій ми народжуємося й зростаємо, що підкреслено заперечним предикатом *не знайдеш*: ***Батьківщину, як і батьків, на чужині не знайдеш***.

У прислів’ї *Батьківщина – мати, умій за неї постояти* втілено думку про відповідальність людини за безпеку своєї країни. С. Воркачов висловив думку про те, що подібні контексти мають не фольклорне походження й виникли як ідеологічні гасла (пор. рос.: *Родина – мать, умей за нее постоять*) [1].

У народній свідомості зберігаються стійкі асоціації Батьківщини (рідної землі, рідного краю) із колискою, сонцем, золотом, раєм, тобто з архетипними символами. Таким чином передається усвідомлення Батьківщини як найдорожчої святині, її сакральність, значущість у житті кожної людини: *Рідна земля – мов колиска золота; Батьківщина краще сонця, дорожче золота; Де рідний край, там і під ялиною рай*. Симпатія до неї підсилюється атрибутивом *мила*, вжитому у предикативному значенні: *Кожному (будь-кому) мила своя країна (сторона); З рідної землі і ворона мила*.

Думку про абсолютну перевагу втілено в паремійному контексті: *На батьківщині і шкоринка –*

пиріг. У пареміях вказано на тісний зв'язок людини з Батьківщиною: *За своїм краєм серце болить*.

Типовими для української паремійної картини світу є контексти із семами:

- «добро»: *Багато країн пройшов, а добро лише на батьківщині знайшов*.
- «служіння»: *Жити – Вітчизні служити*;
- «захист»: *Бережи Вітчизну, як око, і вона тебе завжди берегтиме; Батьківщину головою оберігають*;
- «самопожертва»: *Для Вітчизни не шкода життя; За Вітчизну життя віддають; Для Вітчизни не шкода життя; Для своєї Батьківщини ні сил, ні життя не шкодує; За рідний край життя віддай*.

Нерозривний зв'язок людини з Батьківщиною / Вітчизною представлений у пареміях із генітивними конструкціями із прийменником *без*: *Без Батьківщини немає людини; Людина без Вітчизни, як соловей без пісні*.

Духовну спорідненість громадянина зі своєю державою втілено в паремійних контекстах, у яких номінації *батьківщина, земля, край* сполучаються з понятійно-оцінним епітетом *рідна (рідний)*. Такий зміст підсилюється порівняльною конструкцією *дорожча за...*, атрибутивним предикатом *мила*: *Рідна земля і в жмені мила; Грудка рідної землі дорожча за золото*.

В пареміях із оцінно-кваліфікаційним епітетом *своя* актуалізовано інтимізацію між людиною та батьківщиною: *Люблять батьківщину не за те, що мила, а за те, що своя*.

Типовим для української пареміки є опис рідної сторони (рідного краю) через протиставлення чужині: *У рідному краю сокіл, в чужому – ворона; Рідна земля – мати, а чужа – мачуха; Краще на рідній землі кістьми полягти, ніж на чужій слави досягти; Свій край, як рай, а чужина, що домовина*.

На цю істотну ознаку паремій вказують і дослідники, які зазначають, що «в текстах про чужину імпліцитно присутня характеристика батьківщини, а ситуації, пов'язані з чужим краєм, передбачають існування амбівалентних ситуацій, властивих рідній домівці» [5]. Наприклад: *У чужій сторонці не так світить і сонце; В чужий край не залітай, щоб крилечка мати; В чужім краю і солов'ї не цвірінькають.*

Отже, аналізовані паремії стверджують думку про те, що образ *Батьківщини* є одним із ключових в українській мовній картині світу. У паремійних текстах ретрансльовано позитивну оцінку мовного образу Батьківщини, декодовано етнокультурну інформацію про сприйняття людиною місця, де вона народилася, виросла, її ставлення до рідного краю.

ЛІТЕРАТУРА

1. Воркачев С.Г. Идея патриотизма в русской лингвокультуре [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zavantag.com/docs/427/index-2017049.html>.

2. Гоменюк О. Концепт «Батьківщина» у творах українських поетів-неокласиків: лінгвокультурологічний аспект [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.chdu.edu.ua/pdf/naukpraci/movoznavstvo/2012/195-183-1.pdf>.

3. Колоїз Ж.В., Малюга Н.М., Шарманова Н.М. Українська пареміологія : Навч. посіб. / Ж.В. Колоїз. – Кривий Ріг: КП ДВНЗ «Криворізький національний університет», 2014. – 349 с.

4. Кононенко В.І. Мова в контексті культури / В.І. Кононенко. – Івано-Франківськ: Плай, 2008. – 327 с.

5. Мазай Н.И. Реализация понятия «родина» в фольклорном тексте: былины, лирические песни, паремии [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://cyberleninka.ru/article/v/realizatsiya-ponyatiya-rodina-v-folklornom-tekste-byliny-liricheskie-pesni-paremi>.

Клименко Диана Андреевна

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко»
diana-klimenko110397@yandex.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СКАЗКАХ

Наша статья посвящена проблеме использования фразеологизмов в современных психологических сказках. Этот жанр в современной литературе только начинает развиваться, поэтому многие даже не знают его особенностей. Психологическая сказка – это любая авторская история, содержащая вымысел и которая имеет своей целью с помощью передачи важной информации в метафорическом виде повлиять на личностное развитие реципиента. Подобные поучительные рассказы особенно важны на ранних этапах развития личности, так как они носят поучительный характер. Нами была изучена сказка Татьяны Корниенко «Сразу» 2012 года.

Проанализировав вышеупомянутое произведение, мы обратили внимание на то, что в тексте традиционные фразеологические единицы заменены на фразеологизмы разговорного стиля. Некоторые из них даже невозможно узнать без лексического контекста. Эта задумка автора может быть оправдана тем, что сказка написана для подросткового возраста, соответственно и лексика употребляется в зависимости от возрастной категории реципиента.

Предлагаем рассмотреть вышеизложенную проблему на конкретных примерах. *Не зря холодок пробежал* («...– Плакса, посиди. У доски давно не была... – внутри похолодало. Точно, вызовут. Я всегда это чувствую. Наверное, это во мне что-то экстрасенсное живет. – Аля Дыряева. Вызвали. Не зря холодок пробежал. Вот интересно, почему, когда вызывают, страшно?...» [2, с. 2]) – выражение похоже на фразеологизм *Мороз по коже* – «неприятное ощущение от холода или от внезапного страха, ужаса» [3, с. 156]. *Надуться* («...– Это еще почему? – Самарин опять надулся и стал похож на дурака. Все-таки он порядочный тормоз!...» [2, с. 2]). Фразеологизм *Как мышь на крупу надулся* – «о человеке, имеющем обиженный вид» [3, с. 158]. *Превращаться в спелую помидорину* («...Наши засмеялись. Карина, совершенно ничего не понимая, разозлилась и прямо на глазах стала превращаться в спелую помидорину...» [2, с. 4]). Фразеологизм *Покраснеть до корней волос* – «вспыхнуть от стыда, негодования, разгневаться» [3, с. 122]. *Было пополам* («...Я раньше очень из-за всего этого переживала. Хотя нет, до четвертого класса мне пополам было...» [2, с. 5]). Фразеологизм *Все равно* – «безразлично, одинаково» [3, с. 28]. *Настроение – ниже плитуса* («...Даже слова ей не сказала. Потому что настроение было – ниже плитуса...» [2, с. 5]). Фразеологизм *Быть не в духе* – «быть в плохом настроении» [3, с. 74]. *Мозги отшибло* («...Я хотела ему ответить, но мозги отшибло, рот не открывался...» [2, с. 6]). Фразеологизм *Потерять дар речи* – «потерять способность говорить» [3, с. 61]. *Сердце во рту* («...Я неслась через парк – кобыла на дерби. Туфли, как копыта – цок, цок. Сердце где-то во рту – тук, тук. И жарко ужасно...» [2, с. 6]). Фразеологизм *Кровь ударила в голову* – «о внезапно наступившем состоянии сильного

возбуждения» [3, с. 124]. *Не подарок* («...В общем, мы ссоримся, а потом опять миримся. Что ж поделать, если мама нервная. Я тоже не подарочек...» [2, с. 6]). Фразеологизм *Хоть кол на голове теши* – «об очень упрямом и непонятливом человеке» [3, с. 133].

Это лишь малая часть идиом, которые употребляются в данном тексте. Исходя из вышеизложенных фразеологизмов, мы можем сделать вывод о том, что на данном этапе развития литературы и культуры, современные писатели стараются адаптировать текст как можно лучше к особенностям предполагаемых реципиентов. Мы считаем, что авторы преследуют цель не только привлечь больше читателей, а еще и сделать текст как можно более доступным и понятным. Если книга рассчитана на подростковый возраст, а в ней будут употребляться слова, которые дети еще не знают, то они не будут заинтересованы в прочтении этой книги. Но как всегда, есть и другая сторона монеты. Нам кажется, что если полностью заменять традиционные, распространенные идиомы разговорными фразеологизмами, то в последствии юные читатели так и не узнают, как на самом деле звучит тот или иной фразеологизм. А так как фразеологизмы выполняют не только функцию придания языку яркой эмоциональной окраски, а еще культурологический характер, ведь в каждом языке фразеологизмы звучат по-разному, детей нужно приучать к стандартным вариантам употребления идиом.

Эта проблема требует дальнейшего исследования, так как мы не можем судить о всей современной литературе, а в частности сказках психологического жанра, на примере одной книги.

ЛИТЕРАТУРА

1. Корниенко Т.Г. Crazy / Т.Г. Корниенко. – Севастополь: Детская литература, 2015. – 28 с.
2. Тихонов А.Н. Фразеологический словарь русского языка / А.Н. Тихонов. – М.: Медиа, 2007. – 334 с.

Кононченко Юлія Олександрівна
ДОЗ ВПО ЛНР «Луганський національний
університет імені Тараса Шевченка»
savonarola05061988@mail.ru

ОСОБЛИВОСТІ ВЕРБАЛІЗАЦІЇ КОНЦЕПТУ «ШАХТА» У СКЛАДІ ФРАЗЕОЛОГІЧНИХ ОДИНИЦЬ ДОНБАСУ

Останнім часом посилюється інтерес до розгляду фразеологічного складу мови з точки зору лінгвокультурології. В основі вивчення цього напрямку лежить поняття «мовної картини світу» (МКС), яке лінгвісти розглядають як виражену за допомогою різних мовних засобів, системно впорядковану, соціально значущу модель знаків, що містить інформацію про навколишній світ [2, с. 90]. Тобто МКС є одним із способів структурування знань про об'єктивну дійсність.

МКС тісно пов'язана з проблемою мови і мислення. У зв'язку з цим фразеологія, як її фрагмент, висловлює матеріальну і духовну культуру народу. Дослідники неодноразово відзначали національну унікальність фразеологізмів щодо відображення в них елементів національного менталітету чи регіональних особливостей. Це дозволяє вченим говорити про фразеологічні одиниці як засоби вербалізації тих чи інших концептів – ментальних утворень, узагальнено цілісних розумових

одиниць, що кодують у різних конфігураціях культурно значущі смисли [1, с. 225–226].

У мові, в основному, закріплюються і стають фразеологізмами ті аспекти значень, які асоціюються з культурно-національними моделями, стереотипами, ідеалами, а також регіональними соціально значущими концептами. Учені розглядають місцевий матеріал цілісно, зважаючи на специфіку регіону, водночас усвідомлюючи його частиною цілого, не відриваючи отримані результати від характеристик національної мови і національної картини світу [7, с. 10].

У МКС жителів Донбасу важливе місце посідає концепт **«шахта»**, який взаємодіє з мікрополіями «природа», «батьківщина» і «трудівник». Так, у творчості поетів Донбасу шахта стає центральним образом, який асоціюється з рідною домівкою, дружньою, згуртованою родиною, щастям, працею: *«Чорна **шахто**, гуркітлива **шахто**, / У важкому білому снігу, / Як я поспішав колись на шлях той, / Мріючи про щастя на бігу!»* [3, с. 42]; *«Скорботно й інші матері / Синів та батька проводжали / Самі на **шахтах** чи ланах / В ті роки важко працювали»* [4, с. 21].

Інше вербальне вираження концепту **«шахта»** простежуємо у складі фразеологізмів. Концепт формується за рахунок переносу місцевих уявлень про життя і смерть, хворобливого стану психіки на місцеву архітектуру з усталеним негативним образом. Так, сформувався місцевий фразеологізм ***перебратися на двадцять третю шахту*** у значенні «померти», оскільки біля 23-ої шахти розташоване кладовище. Також використовується місцевий фразеологізм з ***п'ятдесят третьої шахти*** у значенні «божевільний» (за назвою селища з психіатричною лікарнею) [Тут і далі 8].

Негативну конотацію має і фразеологізм *ні в шахту ні в Красну Армію* (те саме, що і *ні в колгосп ні в Красну Армію*). У значенні «ні до чого не здатний» він отримав досить широке розповсюдження в багатьох регіонах Донбасу: *«Школу закінчив, а таке, що ні в шахту ні в Красну Армію»*.

Як відомо, шахтар – дуже тяжка і виснажлива професія. Кожного дня, незважаючи на небезпеку, пил, бруд і втому, шахтарі спускаються в надра землі на сотні метрів, аби здобути «чорне золото». Саме тому в багатьох шахтарських містечках у значенні «дуже брудний» утворився фразеологізм *[як] із шахти (лави) виліз*.

Із фразеологізмами у вузькому значенні зближуються паремії – прислів'я, приказки, що вживаються здебільшого самотійно, як окремі висловлювання. Значна частина з них – зразки народної мудрості, свідчення високої моральної культури етносу, притаманних йому етичних норм. Інша частина – стереотипи, що характеризують різноманітні життєві ситуації. Тобто паремії – важливе джерело інформації про національну психологію, філософію, культуру та менталітет [5, с. 206]. Так, концепт *«шахта»* у прислів'ях асоціюється з тяжкою працею шахтаря як показником сили і величі людини, гордістю за тяжку працю шахтаря: *«На шахті того шана, у кого вугілля на-гора тече»* [Тут і далі 6]. Тяжка праця шахтаря інтерпретується у прислів'ях як гордість за стійкість і силу духу людини: *«Щоб шахтарем називатися, мало вугіллям забруднитися»*, *«Шахтарю слава, коли багато вугілля дає лава»*. Прислів'я про шахтарів стали типовими закличками прославити шахтарську працю і Батьківщину: *«Будь в лаві, як в бою, – прославиш Батьківщину свою»*, *«Шахтарський забій – фронт передовій»*, *«Закон шахтарський не забудь: соромся працювати як-небудь»*.

Отже, своєрідність світосприйняття тієї чи іншої етнокультурної спільноти корениться в способі життя і формування психіки. В МКС жителів Донбасу важливе місце посідає концепт «*шахта*», який формується зважаючи на регіональні особливості природи і праці жителів. У складі фразеологічних одиниць і паремій він набуває конотацій під впливом специфічних елементів світосприйняття, пов'язаних із життєдіяльністю і особливостями світосприйняття жителів Донбасу.

ЛІТЕРАТУРА

1.Алефиренко Н.Ф. Фразеология в системе современного русского языка / Н.Ф.Алефиренко. – Волгоград: Перемена, 1993. – 147 с.

2.Копылова В.Е. Фразеология русского языка как отражение языковой картины мира / В.Е.Копылова // Лингвокультурология. – 2010. – С. 89–93 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/frazeologiya-russkogo-yazyka-kak-otrazhenie-yazykovoy-kartiny-mira>.

3.Малахута М.Д. Пізньої осені радість моя... / Микола Малахута. – Луганськ: Книжковий світ, 1998. – 92 с.

4.Меженін М. У праці і в борні: вірші / Микола Меженін. – Луганськ: Глобус, 2005. – 44 с.

5.Огар А. Вербалізація концепту земля у фразеологічній та паремійній картинах світу / Анна Огар [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://ddpu.drohobych.net/native_word/wp-content/uploads/2016/04/2012-28.pdf.

6.Прислів'я та приказки для дітей. Про шахту [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://ladyalena.ru/1567-prisliv-ja-ta-prikazki-dlja-ditej-pro-shahtu.html>.

7.Симашко Т.В. Региональная языковая картина мира: на пути поиска определенности / Т.В. Симашко // Язык и культура Русского Севера: к вопросу о региональной языковой картине мира: сборник науч. трудов. – Архангельск : Изд-во имени В.Н. Булатова, 2013. – 417 с.

8.Ужченко В.Д., Ужченко Д.В. Фразеологічний словник східнослобожанських і степових говірок Донбасу / В.Д. Ужченко, Д.В. Ужченко. – Луганськ: Альма матер, 2006. – 263 с.

Косова Юлия Дмитриевна
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный
университет имени Н.П. Огарёва»
julia.kosova@list.ru

Юрина Наталья Геннадьевна
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный
университет имени Н.П. Огарёва»
makarova-ng@yandex.ru

**МЕТОДИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПАРЕМИЙ
И АФОРИСТИЧЕСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ
НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА
КАК ИНОСТРАННОГО**

Паремии и афористические выражения являются богатым материалом для формирования социокультурной компетенции на уроках русского языка как иностранного (РКИ). Являясь органичной частью национальной культуры, они отражают факты действительности и представления о них, сложившиеся в сознании народа. Знание пословиц, поговорок и афоризмов помогает составить представление о национальном характере

народа, расширить лингвострановедческие сведения о его культуре, сформировать представление о сходстве или различии родного языка с русским. Паремии и афористические выражения лаконично и образно отражают национальную систему ценностей, общественную мораль, отношение к миру и другим народам, а потому должны восприниматься как основа для образования, воспитания, развития.

Методический потенциал паремий и афоризмов достаточно высок. Конечно, гендерный состав иностранных студентов, объём их лингвистических и страноведческих познаний, особенности родного языка диктуют необходимость специального отбора паремий и афористических выражений в качестве дидактического материала. Кроме того преподаватель должен учитывать специфику изучаемой темы, актуальный для обучаемых лексический материал. Так, при рассмотрении темы «Моя семья» студентам можно предложить для осмысления следующие паремии и афоризмы: *Вся семья вместе, так и душа на месте; Где семья дружна, не страшна беда; Большое горе когда семья в раздоре* [1], *Честность есть душа супружеского согласия* (Д.И. Фонвизин); *Брак есть средство спасения себя от старости в любви* (М.М. Пришвин); *Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастна по-своему* (Л.Н. Толстой) [2] и др.

Лаконичность, ритмическая и синтаксическая чёткость пословиц и поговорок, присутствие в них антонимов, омонимов, синонимов, синтаксических фигур делают паремии и афористические выражения богатым и достаточно удобным языковым материалом для обучения на различных этапах. Паремии дают возможность применения широкого спектра обучающих техник, снимающих языковые и психологические барьеры,

позволяют отработать произношение, совершенствовать ритмико-интонационные способности, активизировать и автоматизировать языковые навыки при изучении сложных грамматических явлений. Они идеально подходят также при отработке отдельных орфографических тем. Например, при изучении безударных гласных в корне можно попросить студентов переписать русские пословицы и объяснить пропущенные буквы: «М...лчание – знак согласия», «Лес и в...да – брат и с...стра», «Книга поможет в труде, выручит и в б...де», «Каждый цв...ток распускается в св...ё время», «Где выросла с...сна, там она и кр...сна» [1].

Применение паремий в спонтанной речи – критерий успешного усвоения языка. Их использование тренирует память и развивает творческую инициативу. Так, при формировании навыков диалогической речи можно предложить следующее задание: составьте диалог по теме «Спорт», используя в своих репликах пословицы, связанные со спортом: *Смолоду закалишься, на весь век сгодишься; Видна силушка в жилушках; Кто ловко бьёт по мячу, тому всё по плечу; В здоровом теле здоровый дух* [1].

Афористические выражения, по определению Д.Н. Ушакова, «краткие и выразительные изречения» [3], помогут изучить образный строй русского языка в его синонимическом, омонимическом и антонимическом богатстве.

Полезной формой привлечения афористических выражений на уроках русского языка как иностранного будет их тематическая подборка или группировка. При изучении темы «Образование» логичным является следующее задание: используя ресурсы Интернета, подберите несколько афоризмов по теме.

Употребление паремий и афоризмов позволяет повысить культуру речи, совершенствовать ораторские

качества, готовность к полемике на русском языке. Активное освоение и использование паремий обогащает не только устную, но и письменную речь, придаёт ей своеобразие, выразительность, индивидуальность, образность и афористичность.

Итак, методические возможности применения паремий и афоризмов на занятиях русского языка как иностранного достаточно широки и разнообразны. Данный материал может использоваться при изучении любой темы и на любом этапе и уровне обучения. Паремии и афористические выражения позволяют сформировать лингвосоциокультурную компетенцию обучающихся, развить навыки речевой деятельности, чтения, письма. Они обладают широкими возможностями для развития студентов, их осознанного отношения к смысловой стороне слова, ведь использование паремий и афористических выражений предполагает овладение переносным значением, понимание возможности приложения мудрых изречений народа или отдельных его представителей к различным жизненным ситуациям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сборник народной мудрости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sbornik-mudrosti.ru>.
2. Афоризмы о семье [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://text-master.ru/aforizmy/family.html>.
3. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка / Д.Н. Ушаков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovar.cc/rus/ushakov/383246.html>.

Кузьменко Татьяна Игоревна
ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный
университет имени Тараса Шевченко»
shtanya07.93@mail.ru

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ МИКРОКОНЦЕПТА
«ШАХТЕРСКИЙ ТРУД»
В ПАРЕМИЙНЫХ КОНТЕКСТАХ**

Общеизвестно, что язык отражает своеобразие культуры какого-либо народа, его мораль, нравственные идеалы, охватывает все сферы жизнедеятельности человека, в том числе и социальную. Эта мысль неоднократно высказывалась учеными, которые исследовали ценностные понятия духовной культуры через призму языковых явлений (В.Н. Телия, Ю.С. Степанов, В.В. Колесов, А. Вежбицкая, Е.С. Кубрякова, Н.Д. Арутюнова, З.Д. Попова, В.В. Жайворонок, В.И. Кононенко, С.Я. Ермоленко и др.). Неотъемлемой составляющей народного мировоззрения, его духовно-ценностной доминантой является отношение к труду. Поэтому в систему ценностей восточнославянских народов, наряду с концептами «*истина*», «*бог*», «*правда*», «*долг*», «*свобода*» и др., входит и концепт «*труд*» [1; 3].

Ученые отмечают, что лингвокультурный концепт «*труд*» является сложным, многоуровневым ментальным образованием [1; 3]. Одной из его составляющих в языке жителей Донбасского региона, для которых труд всегда был особо почитаем и значим, является микроконцепт «*Шахтерский труд*». Безусловно, это нашло свое отражение в образцах народного творчества, в частности во фразеологизмах, «в семантике которых закодировано не только отношение к трудовому процессу, его типу, а и людей, которые принимают в нем участие» [2].

Особое место во фразеологическом фонде занимают паремийные контексты, которые, по утверждению ученых, являются «языковыми знаками ситуации» [3], в них отображены культурные ценности этноса, которые по своей сути являются определенными социальными нормами, эталонами поведения человека в обществе.

Наиболее численную группу паремий составляют те, в которых указывается, что шахтерский труд – это тяжелая, непосильная работа, каждодневный риск для жизни. В паремийных контекстах сема «риск» актуализируется с помощью фразеологических компонентов *проститься с белым светом, проститься с жизнью, не бывать живым: Шахтёр в землю спускается, с белым светом прощается; В шахту спустился – с жизнью простился; Уголь добывать – живым не бывать; Шахтёр рубит со свечами, а смерть носит за плечами* и под.

Имплицитное отождествление шахтерского труда с борьбой конкретизируется субстантивными предикатами (*передовой фронт*), сравнениями (*как в бою*): *Шахтерский забой – фронт передовой; Будь в лаве, как в бою, – прославишь Родину свою.*

Среди пословиц о шахтерском труде находим контексты с семантическим компонентом «испытание», воплощением которого является предикат *проверяется*: *Поколение молодое проверяется в забое.*

Зачастую в паремиях утверждается оценка человека через призму его трудовых навыков, отношения к работе: *Красен горняк не улыбкой сладкой, а трудовой хваткой; Чтобы шахтером называться, мало углем замараться.*

Отдельную группу составляют паремии, в которых прославляется труд шахтера с проекцией на интенсивную, высокопродуктивную работу, что воплощено словосочетаниями *много угля, уголь на-гора*: *Шахтеру слава, когда*

много угля дает лава; На шахте тому почет, у кого уголь на-гора течет.

В пословицах-назиданиях, в которых прописываются нормы поведения, подчеркивается приоритет честного, самоотверженного труда: *Закон шахтерский не забудь: стыдись работать как-нибудь; Шахтерское правило простое – работай без аварий и простоя.*

Таким образом, паремийные контексты, в которых отображено отношение к труду шахтера, умение много и продуктивно работать, представляют систему ценностей жителей Донбасса.

ЛИТЕРАТУРА

1.Басова Л.Л. Концепт труд в русском языке (на материале пословиц и поговорок): Автореф. дисс... канд. филол. наук. / Л.Л. Басова. – Тюмень, 2004. – 18 с.

2.Богданова Є.В. Ціннісні орієнтації в семантиці фразеологізмів про працю / Є.В. Богданова [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://lib.chdu.edu.ua/pdf/naukpraci/movoznavtvo/2012/195-183-1.pdf>.

3.Калько В. Вербалізація концепту «труд» в українських пареміях / В. Калько [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://linguistics.kspu.edu/webfm_send/1223.

**ОРНІТОНІМ КУРКА
В ПАРЕМІЙНІЙ КАРТИНІ СВІТУ
СХІДНИХ СЛОВ'ЯН**

Останні десятиліття позначилися в лінгвістичній науці зростанням інтересу до особливостей паремійної картини світу (ПКС) як універсуму, що відбиває духовні надбання певного етносу. Саме паремії «найбільш яскраво відображають специфіку сприйняття представниками різних етносів об'єктивної дійсності загалом і кожного окремого її фрагменту зокрема. До того ж, паремія – одиниця архетипна, що відображає давню культуру, традиції кожного народу, репрезентує ментальність, виражену в мовній свідомості» [3].

Одну з найчисельніших груп ПКС східних слов'ян становлять орнітоніми, що входять до групи зоофразеологізмів.

Орнітоніми неодноразово ставали об'єктом дослідження лінгвістів. У роботах В.Д. Ужченка, І.О. Голубовської, О.О. Селіванової, Д.В. Ужченка, В.В. Жайворонка, В.І. Кононенка, Е.И. Зинов'євої, А.В. Проскокової, Т.Н. Сивкової, Л.Ф. Моисеєвої, Л.Р. Сакаєвої С.В. Костильової, Н.Д. Піменової, Д.І. Губіна та ін. визначено роль і місце орнітонімів у мовній картині світу, відзначено високий ступінь їх ідіоматичності й образності.

У складі паремій орнітоніми, насамперед, реалізують свої асоціативно-образні потенції і сприяють виявленню національно-культурних особливостей

мислення народу, його уявлень про життя, цінності, пріоритети.

Курка / курица в свідомості українців і росіян уособлює найкращі материнські якості, усвідомлюється як символ ніжної і турботливої вдачі, розсудливої та мудрої виховательки і водночас асоціюється з недалекою, недовірливою, неслухняною людиною-недотепою [3, с. 56].

Через номінацію *квочка/наседка* в пареміях актуалізуються семи «захист», «підклування», позитивне значення яких підсилюється епітетом *добра / добрая*, як-от: *Добра квочка одним оком зерно бачить, а другим – шуліку* [2, с. 42] // *Добрая наседка одним глазом зерно видит, другим – коришуна* [1, с. 101].

У пересічного селянина курка найчастіше оцінювалася як сліпа, дурна, недалекоглядна птиця: *Дай курці грядку, а їй города мало* [2, с. 38] // *Пусти курицу в грядку, глядь – исклюет весь огород* [1, с. 307]; *Курка тільки від себе гребе* [2, с. 215]; над її вдачею частенько насміхалися: *Не хоче курка на весілля, так силою понесуть* [2, с. 194] // *Рада бы курица в пир не идти, да за хохол тащат* [1, с. 632]; *Гуляй, курко, по борщу, поки другу притащу!* [2, с. 29].

Образ курки стає центром-символом українських і російських паремій, як представлено модель виховання й поведінки в суспільстві. Наприклад: *Яйця курку не вчать* [2, с. 175] // *Яйца курицу не учат* [1, с. 893]. В українській ПКС засвідчуємо і текст із протилежним значенням: *Яйця курей учать* [2, с. 163].

Номінація *курка* в сприйнятті людей часто ототожнюється з чимось жартівливим, іронічним, оскільки вона відрізняється від інших птахів: не літає, не в'є гнізда, боїться води. Сліпа вночі, боязлива, вона багато в чому

суперечить сутності самого птаха: *Курица – не птица, а рак – не рыба* [1, с. 548].

У російській та українській мовах поширена кореляція «курка / курица – півень / петух»: півень як глава сімейства, чоловік, батько, курка ж уособлює жінку, матір, а курчата – дітей: *Курочка в сережках – петушок в сапожках* [1, с. 557]. Півень часто асоціюється з гордовитим, гордим господарем, що підсилюється номінаціями *хозяин, пан*, присвійним займенником *свій*: *Всяк петух на своем пепелище хозяин* [1, с. 74] // *Кожен півень на своєму смітнику пан* [2, с. 213], а курка – з турботливою, метушливою, клопіткою матір'ю, наприклад: *Сидит как курица на яйцах* [1, с. 345]. Подібні контексти мають чітко прозору негативну конотацію.

У паремійному протиставленні курка-півень імпліковано гендерний стереотип: *Курице не петь петухом, а коли прилучится грех такой, то на порог и голову долой* [1, с. 554]. У таких контекстах зафіксовано ставлення до моделі відносин між чоловіком і жінкою: родина, у якій жінка виконує роль лідера, вважається нещасливою: *Не к добру курица петухом запела* [1, с. 438] // *Біда тому дворові, де курка кричить, а півень мовчить* [2, с. 26].

Отже, орнітонім *курка / курица* в російській та українській ПКС представлений досить однорідно, що пояснюється спорідненістю культур двох східнослов'янських народів, подібністю уявлень про людину і навколишній світ. І в російській, і в українській мовній свідомості ставлення до курки, в основному, зневажливе, негативне, але є і позитивні характеристики. В якості оцінки характеристики людини часто використовуються прислів'я і приказки, що дають такі оцінки: 1) добрі материнські якості; 2) дурість людини; 3) виховання і поведінка в суспільстві; 4) іронічність;

5) визначення місця і ролі жінки в суспільстві, в порівнянні з чоловіком, у ставленні до дітей; 6) надмірна опіка про будь-кого, що-небудь. Аналізована номінація найчастіше використовується в іронічних паремійних контекстах, у яких висміюються негативні риси людини, наприклад, боягузтво.

ЛІТЕРАТУРА

1. Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа / В.И. Даль. – М.: Гослитиздат, 1957. – 991 с.
2. Мишанич С.В., Пазяк М.М. Українські прислів'я та приказки: Проблеми пареміології та пареміографії / С.В. Мишанич, М.М. Пазяк. – К.: Дніпро, 1984. – 389 с.
3. Палиця Г. Презентація учасників навчально-виховного процесу в пареміологічному корпусі української, російської та німецької мов / Г. Палиця [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://ekhsuir.kspu.edu/bitstream/123456789/1760/1/.PDF>.
4. Потапенко О.І., Дмитренко М.К., Потапенко Г.І. та ін. Словник символів / За заг. ред. О.І. Потапенка, М.К. Дмитренка. – К.: Редакція часопису «Народознавство», 1997. – 135 с.

Ніколаєнко Світлана Павлівна
ДОЗ ВПО ЛНР «Луганський національний університет
імені Тараса Шевченка»
nikolaenko_svetochka@mail.ru

**ВЕРБАЛІЗАЦІЯ КОНЦЕПТУ «ПРАЦЯ»
В УКРАЇНСЬКІЙ ФРАЗЕОЛОГІЧНІЙ
КАРТИНІ СВІТУ**

Одним з основних об'єктів сучасної когнітивної лінгвістики є вербалізований концепт. Увагу лінгвістів привертають основні, базові концепти, що найтісніше пов'язані з культурою народу й найяскравіше відбивають специфіку його колективної свідомості. У своїх роботах науковці в галузі когнітивної лінгвістики розробляють методики концептуального аналізу. Об'єктами ґрунтовних досліджень стають окремі соціально значущі концепти (Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицька, О.С. Кубрякова, Ю.С. Степанов). Серед таких концептів особливе місце посідає концепт *праця*. Предметом концептуального аналізу буде функціонування *праці* в концептуальному аспекті.

Дослідженням когнітивної лінгвістики присвячені праці як зарубіжних, так і вітчизняних учених (А. Вежбицької, І.О. Голубовської, С.А. Жаботинської, В.В. Красних, О.С. Кубрякової, Ю.С. Степанова, О.О. Селіванової, В.М. Телії та ін.).

На думку Ю.С. Степанова, «концепт – посередник, через який людина занурюється в культуру. Це «головне гніздо» культури в ментальному світі людини. Концепт – це ніби згусток культури у свідомості людини; те, у вигляді чого культура входить у ментальний світ людини. Концепт – основна ланка культури в ментальному світі людини» [3, с. 343].

Матеріальне та духовне життя народу – це невичерпне джерело фразеотворення й водночас екстралінгвістичне тло, на якому об'ємніше проступають і мовні цінності. Стійкі вислови, лаконічно й образно передаючи «великі мислені маси» (О. Потебня), створюють фразеологічну картину світу, у якій завжди будуть як лакуни, так і щільно заповнені фразеологічними відшаруваннями сфери [4, с. 298].

Дослідник В.В. Карасик зазначав: «Праця розглядається як прояв духовного життя, причому працьовитість є характерним виразом духовності; трудова діяльність для людини є досягненням краси і гармонії» [1, с. 6].

Праця асоціюється з роботою комах, наприклад, бджоли. В. Жайворонок указує, що бджола – це медоносна комаха, що збирає квітковий нектар і переробляє його на мед; бджолярство в народі вважалося святим заняттям, пасіка – святим місцем, а пасічник – Божою людиною; ця комаха виступає символом працьовитості, тому й кажуть: *«Будь робоча, як бджола»*; постійне асоціювання меду з бджолою народ переносить на добру людину, яка не мислить свого життя без праці (*«Добрий чоловік без роботи, що бджола без меду»*), – можливо тому *«добрю людину бджола не кусає»*. *За бджілкою підеши – до меду дійдеши* [2, с. 30–31].

Фразеологічні вирази про працю можна розділити на декілька мікротем:

1) Марна, безплідна праця: *Сізіфова праця (робота)* – надзвичайні зусилля, спрямовані на досягнення чого-небудь непосильного, які не дають бажаних результатів, є безплідними. *Мавпяча праця* – важка, але даремна робота. *Товкти воду в ступі* – заняття абсолютно безглузде і марне.

2) Ледарювання: *Ворон лічити* – нічого не робити, не працювати, ледарювати. *Собак ганяти* – означає байдикувати. *Працювати, спустивши рукави* – недбале, безвідповідальне ставлення до праці, бажання зробити все «як-небудь».

3) Інтенсивна, важка праця: *Гнути спину* – важко працювати (синонім: гнути горба). *Рвати жили* – дуже важко, над силу працювати. *Крутитися як білка в колесі* – здатність довго та невтомно працювати. *Єгипетська праця* – велика незвичайна праця, тяжка, виснажлива (натяк на піраміди та інші гігантські споруди єгиптян).

Прислів'я про працю заохочують та показують усю важливість праці, адже якщо нічого не робити, то нічого й не будеш мати. Людина, яка вміє та любить працювати, у всі часи користувалася повагою інших. Той, хто вміє щось робити, тим більше добре, завжди прогодує і себе, і родину, уважалося в народі.

Наведемо такі прислів'я на позначення працьовитості людини та її лінощів. До першої групи належать: *Будеш трудиться – будеш кормиться. На дерево дивись, як родить, а на людину, як робить. З майстерністю люди не народжуються, але здобутою майстерністю пишаються. Хочеш їсти калачі – не сиди на печі.. Труд чоловіка годує. Бджола мала, а й та працює.* До другої групи можна віднести такі прислів'я: *Поганий господар десять робіт зачинає, жодної не кінчає. Де праця, там і густо, а в ледачій хаті порожньо.*

Отже, концепт *праця* в українській мові характеризується виключно з позитивного боку як важливий та ключовий процес у житті людини, що сприяє її розвитку, забезпечує її усім необхідним та сприяє набуванню необхідних навичок і вмінь. Проведений аналіз фразеологічних одиниць показує, що праця та робота, її

якісне виконання позитивно оцінюється в українському суспільстві. У фразеологічному корпусі схвалюється активна діяльність людини, її бажання добре та якісно працювати.

ЛІТЕРАТУРА

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: [Монография] / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
2. Мартінек С.В. Український асоціативний словник: У 2 т. – Т. 2: Від реакції до стимулу / С.В. Мартінек. – Львів: Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка, 2007. – 468 с.
3. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М.: Академический проект, 2001. – 982 с.
4. Ужченко В.Д. Фразеологія сучасної української мови: Навч. посіб. / В.Д. Ужченко. – Київ: Знання, 2007. – 494 с.
5. Жайворонок В.В. Знаки української етнокультури: Словник-довідник / В.В. Жайворонок. – К.: Довіра, 2006. – 703 с.

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА *МАТЬ* В УКРАИНСКИХ И КИТАЙСКИХ ПАРЕМИЯХ

Язык, культура и этнос неразрывно связаны между собой. При этом культура представлена как среда, в которую проникает человек. Это осуществляется в виде ментальных образований – концептов.

Концепт – термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; содержательная оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике [3, с. 50].

На фразеологическом субуровне языка наиболее эксплицитно отражена сама специфика познавательного и эмоционального опыта того или иного этноса, черты его материальной и духовной культуры, воспроизводятся «характерологические черты народного менталитета» [4, с. 78]. Паремии же дают возможность наиболее точно представить особенности той или иной культуры, объяснить мировоззрение, мотивы поведения как отдельного человека, так и нации в целом.

Одним из ключевых макроконцептов национальной языковой картины мира различных народов является макроконцепт *семья*, одним из ядерных компонентов которого является концепт *мать*. Исследователи неоднократно отмечали, что в языковом образе мира мать предстает как любящая, заботливая, снисходительная [2].

Установим ценностные характеристики номинации «мать» как центра паремийных текстов в украинском и китайском языках.

Следует отметить, что в рассматриваемых нами языках существует значительное число пословиц о матери, совпадающих по значению. Прежде всего, это контексты, в которых указывается генетическая наследственность, схожесть характера, поведения матери и ее детей. Сравним: *За горами мала хмаронька, яка мати, така й донька; Яка клепка, така й бочка, яка мати, така й дочка; Яка вода, такий млин, яка мати, такий син; 父母德高; 子女良教.*

Паремийные тексты отражают особенности этнокультуры взаимоотношений матери и детей. Прежде всего, она выступает для своего ребенка учителем, советчиком: *Чого мама научить, те й дочка знає; 画荻丸熊* (по притче о матери Оуян Сю, которая учила его, чертя камышом знаки на земле).

Обобщенную семантику имеют паремии, построенные на ассоциативной связи *мать – кормилица*: *Мати годує дітей, як земля людей; 咽苦吐甘* (мать готова наесться плохих продуктов, а младенцу отдать лучшее).

В сознании украинцев и китайцев мать является олицетворением лучших человеческих качеств: верности, преданности, добродетельности: *Три друга: батько, мати та вірна жінка; 贤妻良母* (значение добродетельной супруги и любящей матери).

В паремийном фонде исследуемых языков отражены такие ценностно-духовные доминанты, как:

– любовь: *Всяке дитя матері миле; 尊前慈母在, 浪子不觉寒;*

– жертвенность, забота: *Рада б мати для дітей небо прихилити та зорями вкрити; 老母一百岁; 常念八十儿;*

餵干就濕 (матери сто лет; а она часто думает о восьмидесяти сыновьях; чтобы они лежали на сухом месте, а сама лучше ляжет на мокрое);

– гордость за своего ребенка: *Любо й неньці, як дитина в честі, 母以子貴* (мать благодаря сыну дорога).

В украинской семье отношения между родственниками регламентировались общехристианскими традициями, что, безусловно, отразилось и в паремийной картине мира, в которой утверждается сила материнского слова, материнской молитвы: *Мамина молитва і з дна моря виймає*.

На китайскую же лингвокультуру, как и на весь образ жизни китайцев, большое влияние оказало конфуцианство, поэтому носителям славянских языков иногда сложно осознать смысл китайских паремийных контекстов. Сравним: *斷织之滅* – когда в детстве Мэн-цзы забросил учёбу, мать, работая на ткацком станке, схватила нож и разрежала незаконченный кусок ткани. Мэн-цзы испугался и спросил, зачем она это сделала? «А разве не то же самое сделал ты, забросив учёбу?» – ответила мать. В этой пословице актуализируется сема «предостережение». Обращает внимание и диалогичная форма китайской пословицы, не свойственная украинским паремиям.

В паремии *升堂拜母*, которая буквально обозначает: «подняться в зал и отдать поклон матери» (по притче о Фань Ши, оставшемся верным своему слову и посетившем друга Чжан Шао и его мать в условленный день и час) также отражены национальные традиции китайского народа.

Таким образом, и китайская, и украинская паремийные картины мира с сегментом, в котором актуализирован концепт *мать* имеют много общего в механизмах семантической оценки и обобщения

характеристик матери как , а также ее отношений с детьми. Однако в китайском языке наблюдаем ряд паремийных контекстов, не нашедших структурно-семантических эквивалентов в украинском языке, что обусловлено различием славянской и восточной лингвокультур.

ЛИТЕРАТУРА

- 1.Алехина А.И. Фразеологическая единица и слово / А.И. Алехина. – Минск, 1991. – 119 с.
- 2.Калько В. Вербальна репрезентація концепту *мати* в українських пареміях / В. Калько [Електронний ресурс]. – Режим доступу: file:///D:/загрузки/Mv_2013_16-17_28.pdf.
- 3.Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е.С. Кубрякова // Актуальные проблемы современной лингвистики. – М.: Флинта; Наука, 2006. – С. 46–59.
- 4.Красавский Н.А. Концепт «Zorn» в пословично-поговорочном фонде немецкого языка / Н.А. Красавский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tpl1999.narod.ru/WebTPL2000/KrasavskyTPL2000.htm>.

Стельников Олег Сергеевич
ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный
университет имени Тараса Шевченко»
oleg11121998@gmail.com

МОДИФИКАЦИЯ УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ

Мир – это текст, подлежащий расшифровке. Так утверждают философы лингвистического поворота, и мы, языковеды, вряд ли можем поспорить с ними. В наши дни язык стал чем-то большим, чем просто средством коммуникации между людьми, и невиданную раньше силу и власть обрели средства массовой информации. Именно в руках СМИ давно находится эволюция современного языка. В спорах об орфоэпии, о грамотности отечественного журналиста и о том, развивается или деградирует литературная речь, сломано немало копий. Однако есть почти неисследованная сторона в этом вопросе. Это эволюция фразеологизмов.

Фразеологизм – это самостоятельная номинативная единица языка, представляющая собой устойчивое сочетание слов, которое выражает целостное фразеологическое значение и по функции соотносима с отдельными словами: как и слова, фразеологизмы служат наименованиями предметов, явлений, признаков, действий и состояний, например: *черный день* – «горе»; *сбить с толку* – «запутать»; *не из робкого десятка* – «смелый»; *через пень-колоду* – «кое-как»; *с иголочки* – «новый»; *по душе* – «нравится» и т.д. [4]. Специфические устойчивые обороты в языке – идиомы, фразеологические единства и сочетания – это такая же часть истории и культуры народа, как и сам язык. Их запас сложился в ходе многовековой истории, в процессе культурного обмена с другими

нациями, и порой даже опытные переводчики теряются, пытаясь передать словами родного языка ту фразу, которая так метко и остроумно звучала в чужом. Француз, например, не поймёт русской идиомы *прокатить на вороньих* (провалить на выборах), а русскому не будет ясен смысл английского выражения *показать белое перо* (обвинить в трусости). Авторы же оригинальных текстов (будь то писатели или журналисты) со своей стороны давно поняли, что фразеологизм можно употребить не только в его исходном, готовом виде и смысле, но и обыграть согласно идее произведения. И хотя официальная норма к таким идеям всегда относилась холодно (по мнению лингвиста Ф. де Соссюра, фразеологизмы – «это те вполне готовые изречения, в которых обычай воспрещает что-либо изменять даже в том случае, если можно, поразмыслив, различить в них значимые части» [1, с. 137]), отдельные эксперименты в этой области проводились ещё классиками русской литературы. Например, у А.П. Чехова можно встретить выражения типа *во всю Ивановскую трачу деньги* или *влюбиться во все лопатки* (вместо «кричать во всю Ивановскую» и «бежать во все лопатки» соответственно), а у Н.А. Некрасова – *собаку съели драть* [1, с. 138]. Отметился в перефразировке идиом и Н.В. Гоголь.

При этом массовая тенденция играть с устойчивыми фразами, перестраивая их под свои нужды, сложилась не так давно – не раньше XX века. Уже в советских газетах не только фразеологизмы, но и пословицы, и поговорки, а также авторские афоризмы перефразировались довольно свободно («что написано топором, не вырубешь пером» [1, с. 137], «мы не можем ждать милостей от природы после того, что с ней сделали»). На данный момент, в XXI столетии, говорить о незыблемости состава оборотов тем более не приходится. Больше всего их ценят редакторы

заголовка, для которых фразеология – это источник материала для ярких прецедентных названий: «И один в поле воин, если...» [Жизнь Луганска, 17.05.17, №20], «СБУ: то лает, то кусает» [Жизнь Луганска, 31.05.17, №22]. При этом не только традиционные, или узуальные (от лат. *usus* – обычай, привычка) фразеологизмы способны исполнять роль броских заголовков, но и остроумные, родившиеся «на ходу» изречения (квазифразеологизмы), которые впоследствии могут превратиться в устойчивые речевые образования.

Основной аргумент противников этой тенденции – большое количество смысловых и стилистических ошибок, допускаемых журналистами. Типична, например, замена компонента фразеологического сочетания (*львиная часть* вместо *львиная доля*), неоправданное сокращение (*его успехи желают много лучшего*) или расширение (*тяжёлый сизифов труд, случайная шальная пуля*) состава фразеологического оборота, а также контаминация – смешение двух разных оборотов между собой. Чтобы избежать комического звучания фразы, нельзя соединять в одном предложении фразеологизмы с контрастной стилистической окраской – торжественно-книжные с разговорными и сниженными.

Подводя итоги, стоит отметить: модификация фразеологизмов в СМИ не хороша и не плоха однозначно. Она примерно такой же продукт естественного развития языка, как изменение орфоэпических норм или расширение границ стилистически допустимой лексики. А язык будет жив до тех пор, пока способен к эволюции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вартаньян Э.А. Путешествие в слово / Э.А. Вартаньян. – М.: Просвещение, 1982.

2. Жуков В.П., Сидоренко М.И., Шкляров В.Т. Словарь фразеологических синонимов русского языка / В.П. Жуков и др. – М., 1987.

3. Лавров Н.И. Актуальные проблемы русской фразеологии / Н.И. Лавров. – Л., 1983.

4. Реформатский А.А. Введение в языковедение / А.А. Реформатский. – М., 2002.

Стефанішина Єлізавета Віталіївна
ДОЗ ВПО ЛНР «Луганський національний університет
імені Тараса Шевченка»
eliza.veta.3.142@gmail.com

СИМВОЛІКА КРАСИ В УКРАЇНСЬКІЙ ФРАЗЕОЛОГІЇ

Фразеологічний фонд як образно-емоційне відбиття мовної картини світу відзначається великою культурно-національною значущістю. Фразеологізми допомагають зрозуміти духовну культуру народу, його етнокультурні традиції. У них втілені особливості національного мислення, менталітету, своєрідність розуміння і бачення світу. Дослідженням загальних проблем фразеології займались М. Алефіренко, В. Білоноженко, В. Жуков, Ф. Медведєв, В. Мокієнко, О. Потебня, Л. Скрипник та ін. Практичний внесок у збереження народного фразеологічного фонду зробили Г. Аркушин, В. Білоноженко, Г. Добролюбова, Б. Ларін, Л. Скрипник, В. Ужченко та ін.

Сучасні дослідження базуються на вивченні значущих для етносу концептосфер. В. Маслова вказує на дуже тісний зв'язок фразеологізмів з фоновими знаннями носія мови, з культурно-історичними традиціями народу

мовця конкретної мови. На її думку, «фразеологічні сполучення приписують об'єктам ознаки, які асоціюються з певною картиною світу й виражають своє відношення до них, дають свою оцінку» [1, с. 27].

Поняття *краса* є феноменом пізнання та культури, який визначає найвищі цінності людства. Зміст універсалії *краса* характеризується взаємозв'язком з концептом *людина*, ключовим для будь-якої культури. Такий взаємозв'язок зумовив антропоцентричне тлумачення сутності *краси*, існування якої пов'язують з особливостями світосприйняття людини, з її здатністю бачити цю ознаку в об'єктах дійсності [5]. Проблемою розуміння і тлумачення категорії «краса» займалися філософи, поети, письменники, митці та вчені від епохи Стародавньої Греції до сьогодення. Матеріалістичної тенденції трактування *краси* дотримувалися Демокрит, Арістотель, Епікур, Лукрецій Кар, які стверджували об'єктивну основу прекрасного, що знаходиться у властивостях речей, зв'язках, відношеннях, закономірностях реальної дійсності, на противагу вченню Платона, згідно з яким «прекрасне є абсолютною вічною й незмінною, надчуттєвою ідеєю» [3, с. 237].

Український народ здавна виражав поняття *краси* через етнокультурні символи. Використання назв рослин у фразеологізмах зумовлено народнопісенною і фольклорною традицією: *гарна як калина в лузі, як у барвінку (любистку) купаний, дівчина як тополя (як верба), тонесенька як смерічка, дівчина-рута, дівчина я маків цвіт, ніби квітучий мак, гарна як калина, красна як калина в лузі*. Таке активне використання назв рослин пов'язане з їх символікою. Наприклад, *калина* – це символ жіночості, символ дівочства, кохання. *Калиновий цвіт* – пестливий вираз у звертанні дочки до матері (за М. Костомаровим). *Мак* – символ краси й нарядності, наприклад у козака

шапка *ніби квітучий мак*, та й самі вони – *як маки цвітуть*. Вінок із червоних маків уособлює символ дівочої чистоти («*Нема цвіту кращого від маківочки, Нема роду милишого від матіночки*»). Існують й інші «зелені» фразеологізми: *як ягідка, очі в неї, як сливки, або вишеньки, як квітка*.

Символічне значення поняття *краса* передають образи тваринного світу. Особливо активними символами у цій концептосфері є слова-назви птахів. Уособленням чистоти, святості, добра є *сокіл, ластівка, лелека (журавель), лебідь*. В художній літературі зустрічаємо такі приклади: «*Серце моє, доля моя! Соколе мій милий*» (Т. Шевченко); *Годі ж бо, сестро, тужити, моя жалібнице, Годі квилити - проквіляти, ясна соколице* (П. Куліш). Лебідь здавна вважався «святим птахом» – символом чистоти, як фізичної так і духовної (за В.В. Жайворонком). Цей образ опоетизований у літературі, починаючи зі «Слова о полку Ігоревім». У народній поезії *лебідь (лебідка)* символізує дівчину, або рідше – парубка: «*Да йшла дівка да яриною, да ярина леліє, за нею іде козаченко, як лебідь біліє*» (народна пісня). Ластівка – «чиста» пташка, провісниця весни, відродження. У деяких народних піснях, ластівка символізує Божу Матір. Ластівка також символізує красиву дівчину, дружину, сестру: «*В нашій стороні красні дівки, як ластівки*».

Українці й росіяни протиставляють внутрішнє й зовнішнє, земне й неземне. Істинною визнається краса внутрішня, що засвідчують приклади в російських прислів'ях: *Красавице ум не помеха; Краса до венца, а ум до конца; Красота и без ума пуста; Не то хорош, кто лицом пригож, а тот хорош, кто на дело гож* [2]. Значущими також видаються матеріали збірки «Українські прислів'я, приказки та порівняння з літературних пам'яток», де останні представлені різними виданнями – від давнини до сучасності. Вирази на зразок *красивий, наче*

земля весною; красивий, як весна; красна, як сонце на небі; красна, як чічка в городі та ін. [4, с. 37].

Отже, етнокультурний компонент у складі фразеології на позначення краси відіграє важливу роль, оскільки стає центром фразеотворення. Образи рослин і тварин на позначення краси є складовою національної картини світу, відображеної в мові, фольклорі, літературі, у повсякденному житті. Ці символи стають вирішальними в процесі пізнання навколишнього світу, а також важливими лігвістичними елементами світогляду українського народу на вищому духовному рівні.

ЛІТЕРАТУРА

1. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Валентина Авраамовна Маслова. – М. : Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
2. Мілтон Дж. Рай втрачений і рай повернений / Мілтон Дж. – Лондон: вид. Гарпер Коллінз, 2011. – 192 с.
3. Платон. Полное собрание сочинений в одном томе / Платон. – М.: «Альфа-книга», 2015. – 1312 с.
4. Українські прислів'я, приказки та порівняння з літературних пам'яток / Упор. М. М. Пазяк. – К.: Наук. думка, 2001.
5. Цапок О.М. Мовні засоби репрезентації концепту КРАСА в поезії українських шістдесятників: автореф. дис... канд. філол. наук / О.М. Цапок. – Одеса, 2004. – 20 с.

Фоцій Христина Павлівна
ДОЗ ВПО ЛНР «Луганський національний
університет імені Тараса Шевченка»
kristina_foschiy@mail.ru

УЖИВАННЯ СТІЙКИХ ВИСЛОВІВ З ІНФЕРНАЛЬНОЮ СЕМАНТИКОЮ ЯК ОДИН ІЗ ФАКТОРІВ ДЕСАКРАЛІЗАЦІЇ МОВИ

Сучасний світ «задихається» від надлишку інформації. Усі складнощі і труднощі, які виникають перед людиною сьогодні, – це проблеми інформаційного плану [4, с. 575]. Однак не вся інформація, яку містить у собі мережа Інтернет є безпечною: кожного дня фахівці у сфері кібербезпеки видаляють тисячі сайтів, що містять пропаганду суїциду, вбивств та аморальних захоплень. Десакралізація набирає обертів, проникаючи у свідомість і підсвідомість людей за допомогою реклами, відеороликів, комп'ютерних ігор та руйнування священного коду мови, якою вони спілкуються, й рідного слова, яке після вдалої роботи десакралізаційних процесів замінюється ненормативним.

Актуальність роботи полягає у потребі дослідження процесу десакралізації як головного чинника популяризації стійких висловів з інфернальною семантикою у мовленні сучасників.

Мета дослідження – запобігти поширенню стійких висловів з інфернальною семантикою серед сучасної молоді та школярів.

У релігійно-філософському словнику Л.І. Василенко десакралізація визначається як: 1) «знецінення священних зразків, релігійних уявлень, світоглядних установок»; 2) «позначення сфери явищ, предметів, людей, що відносяться до божественного, релігійного, пов'язаних

з ними, на відміну від світського, мирського, профанного» [1, с. 124].

У нашому дослідженні спираємося на перший варіант тлумачення терміну «десакралізація». В умовах відносного домінування в етнічних групах образного мислення, яке переважно підпорядковується впливу афектів, сакральних зразків і архетипів, поряд з іншими функціями, виконують функцію психологічного захисту [3, с. 243]. Десакралізація руйнує психологічний бар'єр, який повинен захистити етнос від роз'єднання та непорозуміння, адже на підсвідомому рівні люди шукають одностайності, тих, хто мислить та розмовляє схожими категоріями, зокрема категоріями зі сфери сакрального [3, с. 857].

Отже, ми послуговуємося таким визначенням поняття «мовна десакралізація»: це процес руйнування структури та семантики священних понять, їхнього релігійного коду, тенденція до переоцінки глибинних уявлень та зразків з негативним відтінком, що суперечить першопочатковому змісту ієрофанічних символів та концептів.

Руйнування розуміння сучасного суспільства про те, що є «добро», а що – «зло», призводить до заміни літературних, високохудожніх або ж просто нормативних слів ненормативними, такі слова, що мають негативний відтінок, згрубілі та непристойні, і називають висловами з інфернальною семантикою (лат. *infernalis*, від *inferna* – «підземне царство, пекельний, підземний») [5, с. 415].

Останнім часом ненормативна лексика, що вважалася аморальною та використовувалася найчастіше у злочинних колах, набуває своєї популярності серед цілком великої частини сучасного суспільства, що не має ніякого відношення до злочинності та, в більшості, використовує ці слова від надлишку емоцій або для того, щоб зробити

своє мовлення більш емоційним. Нецензурна лексика набуває такої популярності, що її навіть трансформують до рівня фразеологізмів, називаючи того, хто щось не зрозумів «дурнем божим» (рос. *олух царя небесного*), тобто люди, аби надати своїй мові «пікантності», готові використовувати згадку про Бога, іноді навіть не розуміючи, що вони є «гвинтиком» у глобальному механізмі десакралізації. Стійкі вирази *хай тебе дідько візьме, йди до біса, гори у пеклі* також є безпосереднім наслідком впливу десакралізаційного процесу на мовлення людей, адже ми прямо й без прикрас бажаємо людині потрапити до пекла; це прояв найвищого ступеню ненависті та результат руйнування сакрального коду, адже, відправляючи людину до пекла, ми порушуємо найголовнішу заповідь Ісуса Христа: «*Люби ближнього свого як самого себе*». Згубний вплив лихослів'я можна порівняти з тютюновим димом, котрий руйнує здоров'я не лише курця, а й оточуючих його людей, адже нецензурна лайка, вимовлена іншою людиною, «забруднює» думки та почуття інших, провокуючи внутрішню згоду або протиріччя оточуючих.

Результати дослідження компанії Research & Branding Group [6] в 2013 році показали, що 48% українців уживають лайки через підвищений емоційний стан, 45% – для зняття психологічної напруги, 28% – через больовий шок. Крім того, кожна четверта людина направляє нецензурні висловлювання проти конкретної особи.

Різні слова по-різному «заряджені», причому так само, як і у фізиці, зарядів може бути тільки два: позитивний і негативний. Будь-яка інфернальна лексика йде зі знаком «мінус» і має згубний вплив на людину та її мовлення. Своім найголовнішим завданням ми вважаємо збереження сакрального коду мови і проведення уроків та позакласних занять, присвячених проблемі чистоти

мовлення, екології мови та впливу інфернальної лексики на людину, адже мова – це духовний скарб народу і ми зобов'язані зберегти його неушкодженим.

ЛІТЕРАТУРА

1. Василенко Л.И. Краткий религиозно-философский словарь / Л.И. Василенко. – М.: Истина и жизнь, 2000. – 255 с.
2. Горяев П.П. Волновой генетический код / П.П. Горяев. – М., 1997. – 108 с.
3. Ивина А.А. Философия. Энциклопедический словарь / А.А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.
4. Ильченко В.И. Духовная культура в пространстве сакрального: Монография / В.И. Ильченко, В.М. Шелюто. – СПб: Изд-во «Ъ», Луганск: ООО «Пресс-экспресс», 2016. – 676 с.
5. Мельничук О.С. Словник іншомовних слів / О.С. Мельничук. – К.: Голов. ред. УРЕ АН УРСР, 1974. – 775 с.
6. ТСН.ua [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://ru.tsn.ua/ukrayina/polovina-ukraincev-v-obschenii-upotreblyayut-mat-issledovanie>.

Швец Елизавета Евгеньевна
ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный
университет имени Тараса Шевченко»
eliza_28041995@mail.ru

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
В ПРОЦЕССЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ПЕРЕВОДА
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ С РУССКОГО
ЯЗЫКА НА УКРАИНСКИЙ (НА ПРИМЕРЕ ЦИКЛА
«ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ»
Н.В. ГОГОЛЯ)**

Фразеологизмы – особые единицы языка, в которых зафиксирован социальный опыт того или иного этноса. Зачастую они функционируют в устной коммуникации, однако могут встречаться и в художественных текстах, и в публицистике – как один из способов передачи экспрессивности и оценочности, как показатель индивидуально-авторского стиля и т.д.

Проблема перевода фразеологических единиц и идиоматических выражений, в частности в художественных текстах, является одной из наиболее актуальных для переводоведческой науки. Этот вопрос затрагивается в работах Л. Бархударова, В. Виноградова, Р. Зоривчак, В. Комиссарова, А. Федорова и др. В своих трудах ученые отмечают особую «труднопереводимость» фразеологизмов, так как последние являют собой семантически целостную систему, имеющую метафорическую основу и заключающую в себе элементы эмоционально-экспрессивной оценочности и выразительного национального колорита. В данной статье сделана попытка выяснить основные способы репрезентации фразеологизмов в процессе перевода художественных текстов с русского на украинский.

Р. Зоривчак утверждает, что при переводе данных единиц необходимо учитывать следующее: предметно-логическое значение, структурно-грамматическое построение, денотативную образность, функционально-стилистическую и экспрессивно-эмоциональную коннотацию [3].

Принято выделять переводимые и непереводимые фразеологизмы. В зависимости от этого перевод может быть фразеологическим (передача фразем ИЯ при помощи фразеологических языковых средств ПЯ) и нефразеологическим (передача фразеологизмов ИЯ посредством только лексических средств ПЯ). К первому способу прибегают в случае нахождения в двух языках эквивалентов или аналогов. Нефразеологический перевод применим в том случае, когда фразеологизмы ИЯ содержат специфические компоненты, не имеющие аналогов в ПЯ (топонимы, зоонимы и т.д.). В таком случае специалист часто прибегает к описательному способу перевода или калькированию, даёт пояснения в сносках и т.д.

Возможность нахождения эквивалентов в двух языках зависит от степени их родства – чем ближе языки, тем больше соответствий в их составе. Русский и украинский языки объединены в восточнославянскую группу, что определяет их как родственные. Соответственно в их составе находим множество фразеологических эквивалентов и аналогов – это объясняется наличием общих источников возникновения, длительным периодом совместной истории и, как следствие, схожестью мышления и менталитета народов.

Исследователи выделяют полный и частичный эквиваленты. Первый – это фразеологизм ПЯ, тождественный по семантике и грамматической структуре фразеологизму ИЯ: *Смотреть жадными глазами – дивитися пожадливи очима* [5].

Частичный эквивалент, или аналог – «устойчивое выражение ПЯ, отличающийся изменением лексического состава компонентов, структурой, стилистической организацией и т.д., но являющийся полноценной смысловой заменой фразеологизма ИЯ» [4], например: *Надеяться на авось – покладати надію на дастьбіг* [5].

При переводе художественных текстов одной из ключевых задач специалиста является передача индивидуально-авторской манеры письма. Поэтому он всегда стремится отыскать наиболее уместный эквивалент или аналог слов и фразем исходного текста. Так, при переводе русскоязычных произведений Н.В. Гоголя переводчики подбирают наиболее близкую пару, сохраняя при этом общую структуру высказывания. Для повестей, входящих в состав цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки», характерным является частое употребление эмоционально-оценочной лексики и фразеологических единиц, поскольку автор стремится воссоздать особенности народного быта и верований украинцев. Именно поэтому важной задачей для переводчика является точность и уместное использование переводных единиц, нахождение полных или частичных эквивалентов: *В том сарае то и дело что водятся чертовские шашни; и ни одна ярмарка на этом месте не проходила без беды* [1, с. 19] – *В тому сараї й водяться чортячі штуки; і жоден ярмарок на цьому місці не минав без біди* [2, с. 42]; *Подошедши на три шага к нему, замахнулся он со всей силы, чтобы дать трюха, от которого незнакомец, несмотря на свою видимую крепость, не устоял бы, может быть на месте...* [1, с. 61] – *Підійшовши на три кроки до нього, замахнувся він з усієї сили, щоб одважити доброго ляца, від якого незнайомий, хоч, бачилось, і дужий, та не встояв би, певне, на місці...* [2, с. 83]; *Все было видно, как днем. Не успел выйти за дверь – и вот,*

хоть глаз выколи! [1, с. 97]. – *Все було видно, як удень. Не встиг вийти за поріг, і ось, хоч око виколи!* [2, с. 115].

Таким образом, можем сделать вывод, что русская и украинская фразеология отличается большим запасом тождественных фразеологических единиц, что объясняется различными лингвистическими и экстралингвистическими причинами. Поэтому передача устойчивых оборотов при переводе, осуществляемом между этими языками, может быть максимально точной, что помогает сохранить уникальность авторского произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гоголь Н. Избранные произведения в 2-х томах / Н.В. Гоголь. Том I. – К.: Дніпро, 1979. – 414 с.
2. Гоголь М. Зібрання творів у семи томах / М.В. Гоголь. Том I. Вечори на хуторі біля Диканьки. – К.: Наукова думка, 2008. – 255 с.
3. Зоривчак Р. Фразеология писателя как проблема перевода: Автореф. дисс. канд. филол. наук / Р.П. Зоривчак. – К., 1976.
4. Комиссаров В. Современное переводоведение / В.Н. Комиссаров. – М.: ЭТС, 2002. – 424 с.
5. Російсько-український словник сталих виразів / І.О. Вирган, М.М. Пилинська; за ред. М.Ф. Наконечного [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://stalivyrazy.org.ua/index2.php>.

Ильченко Анастасия Александровна
ГОУ ЛНР «Луганский экономико-правовой
лицей-интернат» имени героев «Молодой гвардии»
daryu.darya0601@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РЕКЛАМЕ

О фразеологии написано множество статей, книг, диссертаций, а интерес к этой области языка не иссякает ни у исследователей, ни у тех, кто просто неравнодушен к слову, именно, поэтому эта тема так актуальна.

Фразеологизмы широко используются в рекламе, это яркий, красочный, заведомо удачный и легкоузнаваемый прием.

Привычность и узнаваемость фразеологизма повышает способность потребителя воспринимать, запоминать и воспроизводить слоган. Употребляя фразеологизм в обычной речи, люди автоматически вспоминают рекламу. Фразеологизмы, как правило, конкретны: выражают сложно представимые абстрактные понятия с помощью зримых картин [1, с. 3].

Достаточно часто при использовании фразеологизмов в рекламе они как бы «выворачиваются наизнанку». Это происходит тогда, когда целостное значение фразеологизма (с точки зрения смысла он представляет собой одну неделимую лексическую единицу) распадается на отдельные значения составляющих его слов. Слова эти, как правило, и представляют собой значимые рекламные единицы.

Происходит «дефразеологизация», благодаря которой выражение приобретает новый смысл, неразрывно связанный в сознании потребителя с объектом рекламы. И хотя при этом формально фразеологизм не меняется, по

смыслу это уже совершенно другая единица языка [1, с. 10].

Такие «вывернутые» фразеологизмы воспринимаются гораздо лучше и действуют эффективнее, чем просто готовые устойчивые выражения, использованные в своем обиходном значении.

Однако, как и при использовании других форм игры слов, пользоваться фразеологизмами (тем более вывернутыми наизнанку) нужно с большой осторожностью. Наибольшая опасность заключается в том, что изначальный, цельный смысл фразеологизма создаст нежелательные коннотации, о которых автор может забыть.

Все виды трансформации можно разбить на два раздела: трансформацию неаналитическую (семантическую, смысловую) и аналитическую [1, с. 23].

Семантическая трансформация чаще всего используется для выражения иронии по поводу происходящего или достижения комического эффекта, но она не так популярна как аналитическая. Например: *сливки общества* (сухие сливки «Completa») – совмещение свободного и связанного значения слов; *легок на подъем* (Аэрофлот) – совмещение свободного и связанного значения слов; *цены момент!* (клей «Момент») – совмещение свободного и связанного значения слов; *идеальная связь между небом и землёй* («BMW 3», автомобиль) – появление новых оттенков фразеологических единиц; *свежее решение* (жевательная резинка «Mentos») – совмещение свободного и связанного значения; *идем на снижение!* (Банк «УралСиб», ставки по кредитам снижены) – совмещение свободного и связанного значения.

Аналитическая трансформация, в отличие от семантической, вносит изменения в словесный состав

фразеологизма. Она более разнообразна по своим приемам и в рекламных слоганах встречается довольно часто, например: *Готовь сани летом... и компьютер тоже* (летние скидки в «Доме компьютеров») – *готовь сани летом, а телегу – зимой* – опущение части фразеологизма; *купайтесь в роскоши!* (компания «Максвел», оборудование для ванн) – *купаться в роскоши* – замена предложения по типу высказывания; *вывернешься наизнанку?* («NISSAN Teana», автомобиль) – *вывернуться наизнанку* – замена предложения по типу высказывания; *потому что открытка не согреет взглядом* («JACOB'S», кофе) – *согреть взглядом* – замена утвердительной конструкции на отрицательную; *красота не требует жертв!* («Центр похудения доктора Гаврилова») – *красота требует жертв!* – замена утвердительной конструкции на отрицательную; *слона бы съел?* (шоколадный батончик «Скникерс») – *слона бы съел* – замена предложения по типу высказывания; *великолепие не заявляет о себе громко* («JAGUAR» автомобиль) – *заявить о себе* – замена утвердительной конструкции на отрицательную; *сделай из слона муху!* (французский препарат «Магне В6») – *делать /сделать из мухи слона* – замена видов синтаксической связи; *береги платье снову!* (магазин одежды «Zara») – *береги платье снову, а честь смолоду* – опущение части фразеологизма; *ученье – свет!* (реклама гуманитарного университета) – *ученье – свет, а не ученье – тьма* – опущение части фразеологизма.

Таким образом, на основании вышесказанного, можно сделать следующие выводы. В языке рекламы идет активный процесс трансформации фразеологизмов. Трансформированные фразеологизмы играют важную роль при построении ярких, броских слоганов, вызывающих интерес у аудитории. Примеры с аналитической трансформацией встречаются гораздо чаще, чем с

семантической. Трансформированные фразеологизмы в рекламе при помощи своих новых, ярких элементов создают такой образ, который привлекает внимание покупателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бернадская Ю.С. Текст в рекламе / Ю.С. Бернадская. – М., 2008. – 288 с.
2. Голуб И.Б. Современный русский язык / И.Б. Голуб, М.А. Теленкова. – М.: Рольф, 2001. – 448 с.
3. Серов В.В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / В.В. Серов. – М.: Локид-Пресс, 2003. – 880 с.

Нарожная Мария Александровна

ГОУ ЛНР «Луганский экономико-правовой
лицей-интернат имени героев «Молодой гвардии»
2423800ok@gmail.com

АВТОРСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

Вопрос об образовании фразеологических единиц и об их закреплении в языковой системе представляет собой весьма большой интерес по той причине, что фразеологизация это сложный, многоаспектный процесс. Исследователи считают, что при изучении фразеологической системы языка необходимо учитывать синхронический и диахронический подходы: «Всесторонний анализ современного состояния фразеологического состава языка в настоящее время невозможен без знания его истории, без последовательного изучения его различных исторических срезов» [1, с. 93].

Произведения литературы, в свою очередь, являются непосредственными отражателями того или иного витка в развитии истории языка, потому как «в творчестве крупных писателей может найти место субъективная оценка качества и свойств литературного языка их времени, отношение к мерам по обогащению и улучшению языка, взгляды на задачи строительства» [3, с. 94].

Крылатыми общепринято считать устойчивые обороты, которые восходят к определенному литературному, культурно-историческому источнику и благодаря насыщенной экспрессивно-образной окраске получают широкое распространение в разговорной речи, в художественной словесности и публицистике [2, с. 63]. Таким образом, если те или иные выражения, изречения, цитаты обладают возможностью ярко, по-новому, необычно обозначить какие-либо понятия, если они находят широкое применение в речи носителей языка, то в результате многократного употребления они приобретают необходимую устойчивость на фразеологическом уровне, то есть превращаются во фразеологизмы.

Язык произведений величайшего поэта Михаила Лермонтова очень ярок и показателен в отношении пополнения фонда русского языка.

Как и сами произведения Лермонтова, фразеологизмы из них почти всегда выражают негативное отношение к окружающему со стороны трагического героя. Этот герой не только не находит себе места на празднике жизни, он не находит и самого праздника жизни.

Некоторые критики выражают мнение, что как раз с Лермонтова пошла традиция хлесткой, обличительной русской литературы. Ведь это отношение к литературе как к средству изменения общества, выразившееся в известной формуле «поэт в России больше, чем поэт», оказалось

достаточно специфичным по сравнению с тем, чем являлась литература в других странах. Вот лишь некоторые примеры из творчества Лермонтова, ставшие фразеологизмами:

- фразеологизмы из стихотворения «Дума»: *К добру и злу постыдно равнодушны; Печально я гляжу на наше поколенье!*;

- фразеологизмы из стихотворения «Парус»: *А он мятежный, просит бури; Увы! он счастья не ищет и не от счастья бежит!*;

- фразеологизмы из стихотворения «Бородино»: *Да, были люди в наше время; Слуга царю, отец солдатам;*

- фразеологизмы из стихотворения «Смерть поэта»: *Жалкий лепет оправданья; Не вынесла душа поэта;*

- фразеологизмы Лермонтова о себе: *Нет, я не Байрон, я другой* («Нет, я не Байрон, я другой...»); *Уж не жду от жизни ничего я* («Выхожу один я на дорогу»); *И скучно, и грустно, и некому руку подать* («И скучно и грустно»);

- фразеологизмы о России: *Люблю отчизну я, но странною любовью!* («Родина»); *Прощай, немытая Россия* («Прощай, немытая Россия...»); *И кто-то камень положил в его протянутую руку* («Нищий»).

Вечный герой-скиталец с горящим взглядом, вечно ищущий, волнующийся за свое поколение, за Родину, стремящийся найти новый путь к достижению знаний и величеству, он оставил огромный след не только в литературе, но и в русском языке, множество авторских слов, выражений, которые до сих пор употребляются в литературном языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клековкина Е.Е. Об основных путях образования фразеологизмов в английском языке XVI века /

Е.Е. Клековкина // Диахрония и синхрония в словообразовании и фразеологии германских и романских языков: Межвуз. сб. науч. тр. – Куйбышев, 1981. – Т. 258. – С. 93.

2. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка / Н.М. Шанский. – СПб., 1996. – С. 65.

3. Ярцева В.Н. Развитие национального литературного языка / В.Н. Ярцева. – М., 1969. – С. 94.

Нестеренко Карина Сергеевна

ГОУ ЛНР «Луганский экономико-правовой
лицей-интернат имени героев «Молодой гвардии»
daryu.darya0601@mail.ru

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ С.А. ЕСЕНИНА

В языкознании существует много определений фразеологизма. Наиболее распространённым является следующее: «Фразеологизм – это устойчивое по составу и структуре сочетание слов, которое выражает целостное значение и по функции соотносится с отдельным словом» [1].

Творчество Сергея Александровича Есенина составляет нашу национальную гордость. Имя поэта прочно вошло в золотой фонд русской литературы и русского языка. Есенин отразил в своем творчестве думы и надежды русского народа с такой силой, как ни один поэт XX века. Поэтический язык Сергея Есенина наполнен разными видами фразеологизмов. Это и фразеологические выражения, единства, сращения (идиомы), сочетания. Нами были отобраны только фразеологические единства, так как эта группа является наиболее продуктивной в его творчестве.

Фразеологические единства – это лексически неделимые обороты, общее значение которых в какой-то мере уже мотивировано переносным значением слов, составляющих данный оборот. Отличительными признаками фразеологических единств являются возможность «понимания значения как в прямом, так и в переносном смысле, а также возможность вставки между компонентами фразеологизма других слов» [1, с. 182].

Проанализировав фразеологические единства в поэзии С. Есенина, следует отметить, что некоторые употребляются в соответствии со словарным значением, а некоторые приобретают новый оттенок. Рассмотрим фразеологизмы, которые употребляются в привычном нам значении: «*Отец его с утра до вечера // Гнул спину, чтоб прокормить крошку; // Но ему делать было нечего, // И были у него товарищи: Христос да кошка...*» – гнуть (ломать) спину (горб, хребет) – «трудиться до изнеможения, изнурять себя тяжёлой работой» [2, с. 76]; «*И вот кому-то пробил // Последний, грустный час... // Но верьте, он не сбобел // Пред силой вражьих глаз!...*» – час пробил (настал) – «пришло время, пришла пора для чего-либо; час пробил (настал) кого, чего; час пробьёт (настанет) (кого, чей)» [2, с. 483]. «*И я сам, опустясь головою, // Заливаю глаза вином, // Чтоб не видеть в лицо роковое, // Чтоб подумать хоть миг об ином...*» – заливать (наливать) глаза – «груб.-прост. Напиваться, быть пьяным» [2, с. 195]; «*А когда ночью светит месяц, // Когда светит... чёрт знает как! // Я иду, головою свесясь, // Переулком в знакомый кабак...*» – головою свесясь – «повесив голову, повесить голову. Повесить голову (вешать голову) – приходиться в уныние, в отчаяние, огорчаться» [2, с. 98]; «*Я не знал, что любовь – зараза, // Я не знал, что любовь – чума. // Подошла и прищуренным глазом, // Хулигана свела с ума...*» – сводить с ума – «1.

Приводить в стояние крайнего возбуждения, раздражения, волнения, потери здраво рассуждать. 2. Сильно увлекать, пленять, очаровывать» [2, с. 375]. Фразеологическое единство употреблено автором во втором значении – сильно увлекать, пленять, очаровывать.

Также в стихотворениях Сергея Есенина присутствуют фразеологизмы, которые приобрели иное значение, отличное от того, которое мы находим в словаре: «*Как снежинка белая, в просини я таю // Да к судьбе-разлучнице след свой заметаю...*». Во фразеологическом словаре под редакцией А.М. Молоткова читаем: «Заметать следы (чего). Замести следы (чего) – уничтожать, устранять то, что может служить уликой в чем-либо. Заметать следы (за собой). Замести следы за собой» [2, с. 80]. В данном фразеологическом единстве трансформированы и значение, и грамматическая форма. В словаре закреплена форма множественного числа (заметать следы), в стихотворении же – форма единственного числа (заметаю следы). Значение близко к тому, которое дано в словаре, но присутствует новый оттенок: заметать следы к кому-то, то есть уничтожать, устранять, но не улики, а пути, ведущие к «судьбе-разлучнице», отказываться от жизни, исчезать, умирать. Кроме того, компоненты фразеологизма разделены вставочным элементом «свой». «*Смотрят девушки лукаво // На красавца сквозь плетень. // Парень бравый, кучерявый // Ломит шапку набекрень...*». В том же словаре находим объяснение: «Ломать шапку. Ломить шапку (перед кем). Устар. Кланяться, раскланиваться, сняв головной убор. Унижаться, заискивать» [2, с. 286]. У Есенина фразеологическое единство имеет особое значение, не закреплённое в словаре: показывать свою красоту, удал молодецкую. Также фразеологизм распространён компонентом «набекрень»: «*Не гляди на ее запястья // И с*

плечей её льющийся шелк. // Я искал в этой женщине счастья, // А нечаянно гибель нашёл...». «Найти гибель» восходит к фразеологизму «найти смерть» и обозначает «найти конец (кончину, смерть, могилу); умереть, погибнуть, быть убитым» [2, с. 357]. Фразеологизм употреблен поэтом в переносном значении, при этом изменен порядок следования компонентов.

Таким образом, можно утверждать, что фразеологизмы помогают насыщению языка эмоциональностью, делают художественные средства чёткими, точными, придают особый колорит поэтическому языку. В творчестве С.А. Есенина они способствуют точной реализации замыслов автора, отражают мировосприятие русского народа; они органично вплетаются в канву есенинского стиха, нередко подвергаясь трансформации форм как компонентов, так и оборота в целом, замене компонента или всего оборота в целом на синонимичный, переосмыслению значения фразеологизма, приданию ему особого смыслового или эмоционального оттенка, обусловленного контекстом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке: сборник статей и материалов / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1957. – 312 с.
2. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – М.: Советская энциклопедия, 1976. – 543 с.
3. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка / Н.М. Шанский. – СПб.: Специальная литература, 1996. – 192 с.

Соломка Анастасия Владимировна
ГОУ ЛНР «Луганский экономико-правовой
лицей-интернат имени героев «Молодой гвардии»
daryu.darya0601@mail.ru

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ И ПАРЕМИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СЕМЬЕ

Семья – самая сплочённая и стабильная малая группа общества. Семья – основа, на которой строится вся жизнь нашего народа. В ней сосредоточены основные жизненные ценности, счастье, достаток. И в то же время в семейных отношениях проявляются как положительные, так и отрицательные черты характера членов семьи, определяющие их поведение и отношение друг к другу. Все это представлено в русской фразеологии и паремиологии (поговорки и пословицы), в которых отражается сознание человека, национальное мировидение, сконцентрирована народная мудрость, реалии и особенности русской семьи.

Создание семьи начинается с пожелания: «Совет да любовь!» С одной стороны, все хотят создать семью: *Когда нет семьи, так и дома нет; Семья – опора счастья; Человек без семьи, что дерево без плодов.* Но с другой, страх перед неизвестностью присутствует в сознании как мужчины, так и женщины: *Замуж выйти не напасть, как бы замужем не пропасть; Жениться раз, а плачешь век; Холостому везде плохо, а женатому только дома.*

В национальном сознании нашего народа муж и жена – это биполярное единство: *Муж и жена – одно дело, одно тело, один дух; Муж и жена – одна сатана; Муж да жена – одна душа; Без женщины мужчина, что вода без плотины; Без мужа, что без головы, без жены, что без ума.* Счастливым и долгим брак всегда ценился, и его

надёжным стержнем была жена: *Жена – вторая душа; С доброй женой и горе – в полгоря, а радость – вдвойне; У хорошей жены и плохой муж будет молодцом; На хорошую глядеть хорошо, а с умной жить хорошо.*

В то же время среди фразеологизмов и паремий, которые относятся к взаимоотношениям между супругами, чаще всего встречаются изречения:

- о злой жене: *Червь дерево тлит, а злая жена дом изводит; Лучшие хлеб есть с водою, чем жить со злою женою; Сварливая жена в доме пожар;*

- о жене – никудышной хозяйке: *Муж пашет, а жена пляшет; Худая жена и хорошего мужа портит; Муж по дрова, а жена со двора.*

Стоит отметить, что практически отсутствуют фразеологизмы, которые бы прославляли внешнюю красоту женщины, на первом месте стоит её хозяйственность, домовитость и доброта: *Хозяйка в дому, что оладышек в меду; Доброй жене домоседство не мука; С лица жены воду не пить, умела бы пироги печь.*

Издавна главой семьи считался муж: *Жена мужу пластырь, муж жене пастырь; Муж в дому, что глава на церкви; Моё дело сторона, мой муж прав.*

Ценится уважение и любовь друг к другу, стремление к единству в желаниях и поступках: *Жена мужу не прислуга, а подруга; Семья вместе – душа на месте; Семья в куче, не страшна и туча; Согласною семью и горе не берёт.*

Семья – это не только муж и жена. Дети – вот основа и смысл всего, это то, что связывает семью навсегда: *Семья без детей, что цветок без запаха; Жизнь родителей в детях.* Рождение ребёнка – наибольшее счастье, даже если дети с недостатками: *Всякому своё дитя милее; Родился сын, как белый сыр; Сын да дочь – ясно солнце, светел месяц; Дитя хоть и криво, да отцу-матери*

мило. Пословицы отмечают, что воспитание детей – это большой труд: Без детей тоскливо, с детьми водливо; Не устанешь детей рожаячи, устанешь на место сажаючи.

Народная мудрость учит почитать родителей: *Не оставляй отца – матери на старости лет; Кто родителей почитает, тот во веки не погибает; Живы родители – почитай, померли – поминай.* Пословицы и поговорки свидетельствуют, что проявление почтения и уважения характерно и к старшему поколению: *Корми деда на печи – сам будешь там. Была б моя бабуся, никого не боюся; Бабушка – щиток, кулак – молоток (т.е. заступается).*

Отношения между родственниками – дело непростое. Члены семьи, с одной стороны, большой и дружный коллектив: *Свой своему поневоле друг; Свой своему не враг; Свояк свояка видит издалека.* С другой – большая проблема: *Есть родня, есть и возня; Родных много, а пообедать не у кого (или: а голова одинока); Родня середь дня (т. е. в обед), а как солнце зайдёт – её и чёрт не найдёт.*

Таким образом, анализ некоторых паремий и фразеологизмов семейного родства показывает, что в них широко отражается уклад русской семьи. Семья держалась на чётком распределении ролей. Народ больше внимания уделял недостаткам, чем достоинствам каждого члена семьи. Образ семьи связан с понятиями дружбы, родства, быта, так как в основе лежат взаимопонимание, взаимоподдержка, семейные проблемы, быт, взаимоотношения между супругами и детьми, семейные ценности, воспитание детей, родственные отношения и т. д. Образы большинства проанализированных единиц отображают общую для них установку: каждый человек должен создать семью и выполнять семейные обязанности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жуков В.П. Русская фразеология / В.П. Жуков. – М: Высшая школа, 1986. – 310 с.
2. Мокиенко В.М. В глубь поговорки / В.М. Мокиенко. – М.: Просвещение, 1975. – 174 с.
3. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А.И. Фёдоров. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 828 с.

Сведения об авторах

Благоева Диана Георгиева – кандидат филологических наук, профессор, заместитель директора Института болгарского языка Болгарской академии наук.

Василенко Анатолий Петрович – доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Дмитриева Ольга Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного ФБГОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет».

Зайцева Ирина Павловна – доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова.

Казачук Ирина Георгиевна – доктор филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет».

Грибанова Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Филиала МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе, профессор Международной Кирилло-Мефодиевской академии славянского просвещения.

Игнатченко Ирина Родионовна – кандидат филологических наук, доцент, Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина.

Марфина Жанна Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии и издательского дела ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко».

Перегятая Олеся Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой украинской филологии и издательского дела ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко».

Сердюкова Татьяна Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии и издательского дела ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко».

Скиба Ирина Геннадиевна – кандидат филологических наук, доцент, Луганская академия внутренних дел им. Э.А. Дидоренко.

Соболева Ирина Александровна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языкознания и коммуникативных технологий ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко».

Чубина Елена Александровна – кандидат педагогических наук, доцент, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина.

Шкуран Оксана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, директор Института профессионального развития ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко».

Колесникова Анна Юрьевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры украинской филологии и издательского дела ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко».

Приходько Сергей Александрович – научный сотрудник Новозыбковского краеведческого музея.

Самошкина Александра Юрьевна – преподаватель Гуманитарно-педагогического колледжа Государственного образовательного учреждения высшего образования Московской области «Государственный гуманитарно-технологический университет».

Серебряк Марина Владимировна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры украинской филологии и издательского дела ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко».

Трофимова Юлия Александровна – преподаватель Гуманитарно-педагогического колледжа Государственного

образовательного учреждения высшего образования Московской области «Государственный гуманитарно-технологический университет».

Араму Виорика Николаевна – преподаватель русского языка и литературы Государственного бюджетного образовательного учреждения среднего профессионального образования Луганской Народной Республики «Луганский художественно-промышленный колледж».

Белякова Юлия Александровна – преподаватель английского, русского языка и литературы Государственного бюджетного общеобразовательного учреждения среднего профессионального образования Луганской Народной Республики «Антрацитовский горный колледж».

Бунга Оксана Николаевна – преподаватель русского языка и литературы Государственного бюджетного образовательного учреждения Луганской Народной Республики «Краснолучская общеобразовательная школа I-III ступеней №3».

Василенко Елена Сергеевна – ассистент кафедры украинской филологии и издательского дела ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко».

Воронина Светлана Александровна – заведующая лабораторией производства печатных и электронных СМИ Колледжа Луганского национального университета имени Владимира Даля.

Гуртовая Татьяна Викторовна – преподаватель Колледжа Луганского национального университета имени Владимира Даля.

Канунникова Оксана Валерьевна – учитель русского языка, литературы и истории Горловской общеобразовательной школы I-III ступеней №23.

Корниевская Дарья Владимировна – учитель русского языка и литературы ГБОУ ЛНР «Луганский экономико-правовой лицей-интернат».

Минка Ирина Владимировна – учитель украинского языка и литературы ГБОУ ЛНР «Алчевская гуманитарная гимназия-детский сад им. Петра Николаевича Липовенко».

Морева Ольга Андреевна – учитель украинского языка и литературы ГБОУ ЛНР «Краснолучская общеобразовательная школа I-III ступеней №7».

Мухина Елена Владимировна – преподаватель Государственного учреждения Луганской Народной Республики «Гимназия №30 имени Н.Т. Фесенко».

Неверт Елена Сергеевна – учитель украинского языка и литературы Государственного учреждения Луганской Народной Республики «Луганская средняя общеобразовательная школа №53».

Пакула Оксана Васильевна – учитель русского языка и литературы Государственного бюджетного образовательного учреждения Луганской Народной Республики «Стахановская специализированная школа I-III ступеней №9 имени Алексея Стаханова».

Панарина Ирина Владимировна – преподаватель Колледжа Луганского национального университета имени Владимира Даля.

Баранник Дарья Олеговна – магистрантка спец. «Украинский язык и литература» ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко».

Брейво Наталия Генриховна – магистр филологических наук, аспирантка Варшавского университета.

Делеврамова Ирина Сергеевна – магистрантка спец. «Русский язык и литература» ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко».

Игушкина Наталья Олеговна – магистрантка спец. «Украинский язык и литература» ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко».

Клименко Диана Андреевна – магистрантка спец. «Перевод (славянские языки)» ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко».

Кононченко Юлия Александровна – аспирантка кафедры украинской филологии и издательского дела ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко».

Косова Юлия Дмитриевна – магистрантка кафедры русского языка как иностранного Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва».

Юрина Наталья Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва».

Кузьменко Татьяна Игоревна – магистрантка спец. «Перевод (славянские языки)» ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко».

Мысь Татьяна Владимировна – магистрантка спец. «Перевод (славянские языки)» ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко».

Николаенко Светлана Павловна – студентка спец. «Украинский язык и литература. Язык и литература (русский)» ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко».

Рыжкина Алиса Александровна – аспирантка кафедры украинской филологии и издательского дела ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко».

Стельников Олег Сергеевич – студент спец. «Японский и английский язык и литература» ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко».

Стефанишина Елизавета Витальевна – студентка спец. «Украинский язык и литература. Язык и литература (русский)» ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко».

Фоций Кристина Павловна – магистрантка спец. «Украинский язык и литература» ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко».

Швец Елизавета Евгеньевна – магистрантка спец. «Перевод (славянские языки)» ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко».

Ильченко Анастасия Александровна – учащаяся 10 класса ГБОУ ЛНР «Луганский экономико-правовой лицей-интернат имени героев «Молодой гвардии».

Нарожная Мария Александровна – учащаяся 10 класса ГБОУ ЛНР «Луганский экономико-правовой лицей-интернат имени героев «Молодой гвардии».

Нестеренко Карина Сергеевна – учащаяся 11 класса ГБОУ ЛНР «Луганский экономико-правовой лицей-интернат имени героев «Молодой гвардии».

Соломка Анастасия Владимировна – учащаяся 10 класса ГБОУ ЛНР «Луганский экономико-правовой лицей-интернат имени героев «Молодой гвардии».

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

***Славянская фразеология:
семантический, ареальный, исторический
и этнокультурный аспекты***

**Материалы фразеологического семинара
с международным участием**

15 февраля 2018 г.

Редакционная коллегия оставляет за собой право технического и стилистического редактирования статей. Авторы статей несут полную ответственность за их содержание.

Под общей редакцией – **Ж. В. Марфиной**
Дизайн обложки – **Н. Ю. Калины**
Верстка – **Н. Ю. Калины**

Подписано в печать 04.06.2018 г. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать ризографическая.
Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 12,09. Тираж 100 экз. Заказ № 69.

Издатель

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко»
«Книга»

ул. Оборонная, 2, г. Луганск, 91011. Т/ф: (0642)58-03-20
E-mail: knitaizd@mail.ru